

Церковь и государство в России. Выпуск 1. К вопросу о свободе совести Сергей Петрович Мельгунов

Выпуск 2 →

Предисловие

Предисловие

Россия переживает исторический момент, когда заново перестраивается веками существовавший государственный строй. Трудно еще предугадать, в какие формы выльется русская революция, каковы будут ее конечные результаты, но, как ни изменчив барометр нашей общественной жизни, одно, несомненно: возврат к старому уже невозможен. Старые ненавистные порядки безвозвратно погибли под развалинами полицейско-бюрократического режима. В мощи современного освободительного движения, охватившего широкой волной все слои русского общества, заключается прочный фундамент для будущего обновления России. Начавшееся строительство русской земли не может остановиться на той предварительной фазе, на которой было насильственно прервано близорукой политикой верховной бюрократии, не желающей считаться с законами исторической эволюции и реальными условиями русской жизни. Мы твердо верим, что настанет день, и этот день близок, когда сам народ властно возьмет в свои руки реформу «безобразного здания» империи.

Законодательному творчеству будущих народных избранников предстоит колоссальная работа: коренная реформа всех существующих общественных отношений. И, конечно, среди этих многообразных преобразований одно из первых мест займет реформа взаимных отношений церкви и государства. И, быть может, накануне этой реформы бесполезно еще раз оглянуться на прошлое, попытаться хоть в общих чертах набросать картину господствовавших порядков.

Этим соображением и руководился автор, выпуская отдельным сборником свои статьи. Сюда вошли преимущественно газетные статьи, печатавшиеся, главным

образом, в Русских Ведомостях в период 1905–1906 г. Конечно, отрывочные газетные статьи не могут дать полной картины, но при существующей бедности нашей литературы по такому важному вопросу, как отношение церкви к государству в России, думается – и настоящий сборник при всем своем несовершенстве может способствовать более или менее разработке интересующего нас вопроса и ознакомлению с ним широкой массы читателей.

В предлагаемом сборнике статьи приведены в известную систему. Первая часть характеризует старый порядок; вторая посвящена рассмотрению законодательства переходной эпохи, когда правительство бюрократическими средствами пыталось осуществить в жизни широко возведенную веротерпимость, она показывает, как далека была в самом начале правительственная реформа 17 апреля 1905 года от начал действительной свободы совести, в какую уродливую форму, наконец, вылилась эта поистине бумажная веротерпимость при столкновении с господствующей административной практикой; третья часть посвящена возможному будущему (Сюда же включены две статьи, носящие отчасти исторический характер: «Изуверные секты и веротерпимость» и «Гонения на скопцов», которые служат иллюстрациями к предшествующей статье).

Появление той или другой статьи обуславливалось, конечно, ходом общественной жизни, тем или иным новым правительственным мероприятием. Поэтому неизбежным элементом в них являлось известное повторение; перерабатывать же статьи не представлялось никакой возможности – переработка являлась как бы равнозначащей написанию новой статьи. Между тем, автору представлялось своевременным выпустить сборник именно теперь, когда вопрос о регламентации взаимных отношений церкви и государства стоит на очереди, когда нашему отечеству еще предстоит сделать решительный шаг к признанию и к реальному, наконец, осуществлению в жизни великого принципа религиозной свободы. Но, быть может, этот недостаток до некоторой степени будет искуплен тем, что из собрания в отдельном издании разрозненных газетных статей особенно наглядно будет видно,

как проводилась у нас правительственная реформа,
долженствовавшая дать свободу совести русским гражданам.

С. Мельгунов

1 сентября 1906 г.

I. Старый порядок

I. Государство и церковь

(Исторический очерк)

На очереди стоит вопрос о восстановлении патриаршества и упразднении Синода, как самостоятельного учреждения, с этой реформой тесно связывается полная реорганизация «ведомства православного исповедания», упразднение должности обер-прокурора, реставрация во всей неприкосновенности канонического устройства церкви, т.е. церкви свободной, выборной, самоуправляющей и независимой от государства.

Прогрессивная печать единодушно, конечно, будет приветствовать освобождение церкви от пут бюрократического гнета, от векового подчинения ее государственным целям. Отделение церкви от государства, полное разграничение их ведомств и регламентация их взаимных отношений по классической формуле, данной Евангелием: «Воздадите кесарево Кесареви, а Божье – Богови» – лозунг каждой передовой политической партии. Как сознали теперь и некоторые представители нашей официальной церкви, такая реформа, избавляющая господствующую церковь от пагубного влияния опеки светской власти, необходима, чтобы внести «дух жив» в учение «казенной» веры и возродить нравственный авторитет ее духовных представителей.

Неминуемо ли связывается, однако, идея восстановления патриаршества с идеей свободы церкви? На этот вопрос в печати появились разноречивые ответы. Приветствуя идеи замены бюрократического управления церкви соборно-представительным, некоторые готовы видеть, тем не менее, в предстоящей реформе церковного управления, зародившейся в бюрократических сферах, исключительно реакционную меру, которая неизбежно должна привести еще к большему единению церкви с государством: эта реформа создаст воинствующую церковь, которая гнет бюрократии заменить гнетом клерикализма, раз только будут осуществлены desiderata духовенства о предоставлении ему участия в государственной

жизни; другие, напротив, считают патриархат почти синонимом отделения Церкви от государства или, во всяком случае, воплощением известной ее самостоятельности.

Чтобы разобраться в этих противоположных мнениях, обратимся к истории, которая в данном случае может, действительно, сыграть роль «учительницы жизни». История покажет нам, насколько восстановление патриаршества может обеспечить церковь от административного «усмотрения» и действительно освободить ее от порабощенности мирским интересам; она покажет, возможна ли вообще в настоящее время своего рода «археологическая» реставрация учреждения с отжившими уже формами, учреждения, быть может, соответствовавшего порядкам московской Руси и идеологии ее представителей, но не удовлетворяющего запросам времени. Если мы бросим ретроспективный взгляд на процесс вторжения государственной власти в церковную жизнь, попытаемся выяснить те результаты, к которым привело это полицейское поползновение в течение веков на свободу совести, мы наметим путь, по которому должны идти предстоящие церковные реформы.

Как создалась в России национальная государственная церковь?

Зародыши ее лежат еще в той отдаленной эпохе, когда впервые мелькнул свет истории для русского государства. Молодая русская жизнь, прикованная многообразными связями к Византии, откуда она получила свою цивилизацию, первые зачатки политических, гражданских и общественных отношений, естественно должна была подчиниться греческому авторитету. Духовная победа Византии ознаменовалась водворением византийских идей и в русской церкви, до XV в. подчиненной константинопольскому патриархату – идей цезаро-папизма.

Если на Западе религиозно-политические доктрины папства, пытавшиеся осуществить «Царство Божие» на земле путем создания гигантской всемирной монархии на теократических началах, при столкновении с жизнью терпели неудачи и сводились, в конце концов, к проповеди тесного

союза между церковью и государством, принципа равноправия, выразившегося наиболее ярко в учении о двух мечях: духовном, принадлежащем папе, и светском – государю, то в Византии в силу особых условий церковно-политической жизни, не благоприятствовавших в общем развитию самостоятельного могущества церкви, идеи, ставящие «святительство» выше «царства», не могли привести к антагонизму с государством, и выливались в жизни скорее в форму подчинения церкви государству: византийский император, умело эксплуатируя в свою пользу авторитет духовной власти, являлся на деле не только пассивным блюстителем неприкосновенности веры, и защитником церковных интересов, но и активным ее устроителем, ее официальным представителем.

В такой форме византийская система государственной религии была воспринята и в России, где церковь с самого начала стала под непосредственное покровительство светской власти. Летописи свидетельствуют нам, что княжеская власть издревле вмешивалась в церковные дела: она распоряжается учреждением епископских кафедр и замещением вакантных, по ее приказанию совершаются такие церковные акты, как перенесение мощей и канонизация святых; она, наконец, изгоняет нередко неугодных ей представителей тогдашней церкви, митрополитов и т. д. Естественно, впрочем, что на первых порах при политической раздробленности Руси и слабости государственной власти, княжеская воля не могла фактически иметь слишком большого влияния на дела веры; поэтому нравственный авторитет представителя духовной власти, санкционированный еще высшим авторитетом византийского императора и патриарха, в глазах современного общества стоял высоко и независимо. Церковь, как наиболее яркое воплощение религиозно-морального единства, при раздробленности государства являлась представительницей «всей Руси», носительницей идей национального объединения.

С поворотом русской политической жизни на новый путь эти отношения государства и церкви постепенно изменяются. Возвышение Москвы и объединение около нее удельных княжеств происходит при дружественном взаимодействии

представителей светской и духовной власти, причем идея религиозного единства служит средством для оправдания завоевательной политики московского князя, для оправдания его не всегда благовидной политики «примыслов». По мере того, как под властью московского князя объединяется вся русская народность, и московское княжество превращается в российское царство, – представитель его возводится в ранг самодержцев, и теория московских книжников делает его законным преемником и наследником павшей под ударами «агарян» греческой монархии. С утерей как бы вассальной зависимости от византийской короны должна была эмансипироваться и русская церковь от духовно-иерархического подчинения константинопольскому патриарху. При всемирно-исторической роли, предписанной московскому государству теорией о «Москве – третьем Риме», естественно национальное возвеличение русской церкви являлось по преимуществу политическим актом. По византийской теории был «один царь во вселенной», этим царем делается московский князь, как единственный оставшийся независимым представитель греческой православной веры, и к нему переходят функции византийского императора – «браздодержателя святых Божиих престолов святой вселенской церкви». Успехи национального самовозвеличения в области религии завершились провозглашением автокефальности русской церкви (под управлением собственного патриарха с 1589 г.), но в то же время приписываемая московскому государю почетная роль блюстителя отеческого православия и охранителя национальной русской церкви с ростом политического самосознания и фактическим усилением власти московских самодержцев превращается постепенно в мелочную опеку государством церкви, и тесный, неразрывный союз «собирателей русской земли» с представителями духовной власти, дружно поддерживавшими в своих интересах их политические притязания, заменяются началом подчиненности.

Начиная с половины XV века, государство заметно берет перевес над церковью: князь Василий Темный, как столп и опора православия, играет уже первенствующую роль в охране

чистоты догматов в эпоху флорентийской унии, принесенной в Россию митрополитом Исидором; духовный авторитет митрополита не является для него неприкосновенным, и вместо низложенного Исидора в 1444 г., «по повелению государя великого князя русского самодержца» избирается свой русский митрополит – Иона.

В XVI веке идеи национальной государственной церкви и проповедь союза алтаря и престола, в жизненных столкновениях неизбежно превращающегося в подчинение церкви государству, получают свое местное теоретическое обоснование в школе московских книжников – иосифлян, названных так по имени основателя этой школы знаменитого игумена Волоколамского монастыря. Отожествляя господство московских порядков с процветанием национальной церкви, школа волоколамских иноков санкционирует вмешательство государства в сферу религиозных вопросов и в своей практической программе объявляет авторитет светской власти главным разрешителем всех церковных вопросов – государство не только в праве, но и обязано опекать церковь. С точки зрения иосифлян представитель светской власти мыслится, как «пастырь словесных овец Христовых», главная задача которого заботиться о спасении душ своих подданных.

Естественно, что московские' самодержцы, и не отличавшиеся, подобно Грозному, «смышлением быстроумным», весьма сочувственно отнеслись к таким выгодным для них, хотя и неканоническим, теориям и весьма скоро восприняли их во всей полноте. Грозный – этот публицист-государь, бывший, по словам современников, «в словесной премудрости ритор естествословен», столь любивший давать метафизические обоснования прерогативам царской власти, так формулирует в своей переписке с теоретиком боярской оппозиции – Курбским, задачи государственной власти: «Тщужесе со усердием люди на истину и на свет поставить, да познают единого истинного Бога, Троице славимого, и от Бога данного им государя».. Итак, представитель светской власти видит в себе прежде всего

наместника Божьего и смотрит на свои правительственные обязанности с религиозной точки зрения. Божье дело отождествляется с государевым делом: нарушение царских приказов, всякое государственное преступление рассматривается, как нарушение Божественного закона.

Конечно, при таких условиях влияние царской власти простиралось на все стороны религиозной жизни, ни одно церковное дело принципиально не было изъято из компетенции царя, и мы видим полную неразграниченность двух ведомств, полное смешение религиозной и государственной точек зрения. Являясь устроительницей церковной дисциплины, гражданская власть организует церковные процессии, предписывает религиозные обряды, отдает распоряжения относительно внутреннего благочиния и благолепия храмов, «чтоб по святым церквам звонили и пели по божественному уставу», входит в рассуждение даже относительно обычая класть на престол родильную сорочку и т. д. В видах охранения неприкосновенности отеческого православия она следит за духовной жизнью, за движениями совести народной массы, регламентирует до мелочей ее верования, осуждает ереси и пр.

На знаменитом Стоглавом соборе, созванном по *инициативе* светской власти для пересмотра и установления «на веки» духовного содержания национальной церкви, идеалы волоколамских иноков получили полное свое осуществление, приняли, так сказать, реальную форму; духовные соборы в правление Грозного явились как бы венцом иосифлянской политики. С этих пор и теоретически и практически русский монарх «ярко христианский государь – как гласить современный светский закон, – есть хранитель догматов и благочиния православной церкви».

Естественно, союз церкви и государства, вызванный обоюдными интересами и отвечающий историческому моменту, до времени не мог быть слишком обременителен ни для верующих, ни для самой привилегированной церкви. В период формулировки и практического осуществления иосифлянских идей выставленная государством и церковью программа совместного сотрудничества могла скорее вызвать не протест, а

одобрение: заботы царя о церковном устройении, его вмешательство в область веры являлось «добрым и похвальным делом», признаком благочестия и любви, преданности к национальной церкви представителя светской власти, тем более, что при религиозном отпечатке, который носила вся жизнь в Московской Руси, эта опека, в сущности, выливалась в довольно безобидную форму¹. Неизбежно, однако, теория государственного вмешательства с изменением уклада общественной жизни должна была со времени привести к тому, что можно назвать бюрократизацией веры и церкви, это и случилось.

Параллельно с процессом превращения князя-помещика в царя-самодержца, процессом закрепощения вольных людей на службе московского государя и превращения их в «государевых разных чинов людишек и холопишек», развивался и процесс введения церкви в рамки государственных учреждений. Как добровольный союз с московским князем, вызванный тяготением к Москве различных классов общества по экономическим причинам, превращался в принудительный союз, так и церковь приобретала подневольное положение: «нестроение», т.е. новые порядки, как характерно выражались наши предки, все больше и больше входило в московскую старину. С внешней стороны этот процесс проявляется в том, что церковь получает, в конце концов, устройство, скопированное с государственных учреждений.

Некоторые исследователи считают эпоху Грозного кульминационным пунктом развития теократического характера московского государства; с учреждением патриаршества, по их мнению, в отношениях государства и церкви установилось известное равновесие; мало того, церковь стремится к независимости и в XVII столетии при патриархах Филарете и Никоне получает даже непосредственное влияние на дела государственные, с падением же Никона нарушенное было равновесие вновь восстанавливается. Вряд ли с такой точкой зрения можно вполне согласиться: процесс подчинения церкви безостановочно шел усиленным темпом, шел все время

crescendo, и реформы Петра лишь венчали собой политику московских государей.

Самодержавно-земская монархия сменялась самодержавно-бюрократической; общественная и государственная жизнь теряла свой первоначальный патриархальный характер и начинала регулироваться определенными правовыми нормами. Конечно, вместе с тем и подчинение церкви государству, принимая систематический характер, становилось обременительнее. Когда светская власть настолько уже окрепла, что не нуждалась для подтверждения своего авторитета в санкции духовной, когда теория сделала Москву «единственным христианским царством во всей подсолнечной», а ее царя – «высочайшим святым самодержцем», единым во всем мире царем православным и дала ему религиозное освящение «милостью Божией», тогда церковь, встав лицом к лицу со всемогуществом московского самодержавия, должна была потерять часть своей власти, и, действительно, светская власть, как видим мы, в течение XVI и всего XVII века систематически ограничивает в интересах фиска дарованные прежде церкви привилегии: она ограничивает имущественные права церкви, отнимает судебные привилегии, суживает вообще церковную юрисдикцию, передав все гражданские дела в ведение самостоятельного правительственного учреждения, особого отдела в Приказе Большого Дворца. По уложению 1649 г. эти функции исполняет бюрократическое учреждение, непосредственно зависящее от царя, – Монастырский Приказ. Только патриаршая область освобождается от вмешательства светского суда, но это уже не прежнее обычное право, это лишь вновь подтвержденная привилегия царя: царь ее дал, царь же может ее и отнять. Как до учреждения патриаршества, так и в XVII столетии царь является полным устроителем церковно-юридического порядка. Подобно Грозному, тишайший царь Алексей непосредственно вмешивается в сферу ведения патриарха. Помимо главы церкви, он предписывает своим чиновникам-воеводам следить за соблюдением постов, за тем, например, чтобы во время шествия священника к больному со св. Дарами церковный

причетник нес перед ним свечу; царь непосредственно отдает распоряжения отпустить из Москвы в Курск животворящий крест; даже сан архимандрита, по свидетельству современников, никто не получает иначе, как по приказу царя. В обществе сознание, что царь является устройтелем внутреннего быта Церкви, настолько уже укоренилось, что игумен Соловецкого монастыря, минуя главу Церкви, ходатайствует перед царем о запрещении монахам держать хмельное питье, и царь, помимо патриарха, издает указ о запрещении монахам предаваться «пьянственному питию». Мало того, в XVII столетии нередко низшее духовенство отказывается приводить в исполнение не утвержденные царем церковные распоряжения, хотя бы они исходили непосредственно от патриарха.

Такой характер отношений представителя светской власти к церковным вопросам в XVII веке объясняется, конечно, далеко не одними личными свойствами таких набожных русских царей, как царя Алексея – природного «уставщика церковного чина», с любовью исполнявшего обязанности церковного старосты и с неподражаемым усердием тушившего и снимавшего нагар со свечей во время богослужения, или слабоумного царя Феодора, чуть ли не всю свою жизнь проведенного за колокольным звоном. Опека царской власти над церковью вытекала, как мы указывали, из всей совокупности условий окружающей действительности, являлась результатом длительного векового процесса. Отсюда понятно, почему все крупнейшие церковные реформы XVII в. производятся или по инициативе светской власти или с ее неременного одобрения – «повелением благочестивого государя». Как раз при Никоне, при этом авторитетном и самовластном патриархе, проводится реформа, которая в корне изменяет московскую старину, изменяет прежде свободную жизнь приходов. До Никона желающий получить сан священника или дьякона должен был заручиться согласием со стороны прихода принять его, при Никоне выборное начало постепенно заменяется бюрократическим, для низшего духовенства не требуется уже одобрения прихода, – этот приход, по меткому замечанию историка, становится

правительственным участком во главе с священником, не избранным общиной прихожан, а назначенным епархиальным начальством, т.е. до известной степени уже чиновником.

Естественно, что при таких условиях никогда в Московской Руси патриарх не был действительным главою свободной церкви, независимой от государства. Имея огромную власть в силу своего авторитета, как главы церкви, над духовенством и мирянами, сам патриарх являлся простой креатурой царской власти. Патриархами становятся любимцы царей или лица так или иначе им удобные в данный момент; возведенные на патриарший престол повелением светского владыки, они устраняются той же властью, раз только сделались почему-либо негодными. История русской церкви дает нам не один такой пример, — только «потаковники» царской власти держались крепко на своих местах; «первосвятители — по выражению Карамзина — стали угодниками царей».

Если власть патриарха в XVII веке одно время приобретает исключительно высокое положение, то это объясняется лишь случайным стечением обстоятельств: тем, что на патриарший престол попадает лицо, находящееся в ближайших родственных отношениях к царю, — Филарет, который, пользуясь слабо одаренностью своего сына, становится у кормила правления государством, или тем, что патриарший престол занимает колоссальная фигура Никона, «собинного» друга царя и в то же время человека сильного ума и железной воли. Эти патриархи именуются наравне с царем «великими государями», берут на себя функции светской власти и таким образом создают государство в государстве — двоевластие. Но такое исключительное положение патриарх занимает не в силу своего сана, а в силу лишь своих личных качеств и доверия царской самодержавной власти, — он не более как всесильный временщик.

Чувствуя шаткость своего положения, Никон попытался дать теоретическое обоснование своего могущества и явился у нас проповедником теории папизма. Для Никона «священство» выше «царства»: светскую власть можно уподобить луне, а духовную — солнцу. Однако время было слишком

неблагоприятно для развития ультрамонтанских учений. Царская политика была уже освящена вековой традицией, государственная власть распространила свою компетенцию на все стороны общественной жизни, и поэтому в области церковных притязаний все шансы успеха были на ее стороне. В момент превозглашения гордых теорий независимости церкви вопрос уже давно был решен, как верно замечал сам Никон: «Божие достояние и Божий суд были переписаны на царское имя».

Тесная дружба Алексея с Никоном отодвинула на некоторое время неизбежное столкновение светской и духовной власти, но когда произошел разрыв в личных отношениях царя и патриарха, борьба Церкви и государства приняла более интенсивную форму и закончилась полным торжеством светской власти, т.е. крушением всплывших идей папо-цезаризма. Духовный собор 1667 г., которому, в присутствии вселенских патриархов, был передан для теоретического разрешения вопрос о взаимных отношениях государства и Церкви, отверг идею второго государя «самодержцу равного и большого» и постановил, что в светских делах один царь владыко, и что патриарх всецело повинует светской власти в политических решениях. Правда, согласно византийским идеалам, собор теоретически провозгласил принцип невмешательства светской власти в церковные дела; разграничивая сферу компетенции обоих ведомств, собор даже восстановил прежнюю гражданскую и уголовную юрисдикцию духовенства. Поместный собор 1675 г. упразднил и Монастырский Приказ. Но такое возвращение к старой практике было лишь временными уступками со стороны правительства, не имевшими большого фактического значения, и на очень короткое время отсрочивало окончательную развязку. Общий ход событий давно уже предрешил исход борьбы светской власти с духовной в пользу государственного вмешательства, и эта окончательная развязка произошла, когда государственные идеи получили преобладающее значение, и представителем светской власти сделался решительный Преобразователь, считавший себя

первым слугою государства и требовавший такой же службы от церкви.

При ничтожестве последних патриархов Петру ничего не стоило собственной властью уничтожить сан патриарха.

Быть может, в своей церковной реформе Преобразователь, любивший иностранные образцы, и руководился примером протестантской церкви, но, как бы то ни было, учреждение Синода, санкционируя полное подчинение церкви под «самодержавного монарха», завершало собою вековой процесс. Индифферентный к вопросам религии, Петр не был склонен, подобно своим предшественникам, брать лично на себя религиозно-нравственное руководство своими подданными, его чрезвычайно мало интересовал вопрос: надо ли класть на престол родильную сорочку или нет, его государство носило уже полицейский характер и не считало себя, как прежде, лишь «светской стороной православноцерковного организма». «Полицейское государство, – по замечанию проф. Рейснера, – перенесло центр тяжести из вероисповедной сферы в область полицейского благочиния»... Однако и Петр, верный выгодным для светской власти традициям Московской Руси, мыслит себя «крайним судьей» в духовных делах. «Богу изволившу исправлять мне гражданство и духовенство, я им обое – государь и патриарх... в самой древности сие *было совокупно*», заявлял сам Петр: он хотел быть «единственным начальником» русской церкви, «булатным патриархом». Петр, как гласил Указ 25 января 1721, из страха ответственности перед Богом должен приступить к исправлению «чина церковного».

С учреждением в 1711 г. правительствующего Сената Петр в это учреждение передал и свои функции главы церкви; исполняя былую роль московских царей, Сенат наблюдает за совестью русских граждан и непосредственно вмешивается, помимо местоблюстителя патриаршего престола и освященного собора списков, в устройство церковного чина: Сенат заботится о посвящении монахов в архимандриты, о ежегодном говений населения и т. д. На практике такие функции для Сената, конечно, были слишком обременительны, почему Петр, недовольный многими нестроениями» предпочел учредить в

1721 г. специальную духовную коллегия, «сильное правительство», которая должна была действовать лишь именем монарха. Эта духовная коллегия и была вскоре переименована в Синод, причем монарха, в качестве «ока государева», заменил в 1722 г. «добрый человек из офицеров», – обер-прокурор.

В полицейском государстве Петра, однако, был проведен принцип коллегиальности, и каждое начальствующее лицо являлось у него «не яко владыко, но яко президент». Таким образом, Синод, заменивший «выборное» патриаршество и составленный, по выражению Духовного Регламента, из «лиц от высочайшей власти утвержденных, все же являлся первоначально самоуправляющимся учреждением. Но и этот оттенок самоуправления с развитием полицейско-бюрократического режима в России постепенно стусевывался. «Премудрая мать отечества», Екатерина II, окончательно уничтожила самостоятельность духовной власти и закалила ее на службе полицейского государства. В знаменитой речи, обращенной к Синоду, после осуждения митрополита ростовского и ярославского, Арсения Мацеевича (одного из врагов церковных реформ Петра и секуляризации монастырских имуществ), Екатерина заявляет, что архиереи – не служители алтаря, не духовные сановники, но «государственные особы» – «вернейшие подданные»; для них, по мнению Екатерины, власть монарха должна быть выше законов евангельских.

Отныне русская церковь должна быть лишь орудием государственной власти, должна служить ее политическим видам; в акте наследия-престола Павел I открыто уже именуется «Главою Церкви»². Церковь должна превратиться в простое ведомство и сделаться лишь отраслью бюрократического управления. В этом ведомстве должны быть только чиновники, за свое усердие жалуемые орденами (начиная с Павла) и подчиненные высшему чиновнику. Таким начальствующим лицом «из стряпчего в делах государственных» сделан в 1824 г. обер-прокурор Св. Синода, получивший портфель самостоятельного министра. С тех пор все, что касается совести русских обывателей, вершится в

канцеляриях обер-прокурора и Министерства Внутренних дел. Жандармский штаб-офицер в эпоху господства Николаевской солдатчины считается наиболее компетентным лицом при разрешении наиболее важных вопросов вероисповедания.

Закабаление «пастырей духовных» на службу государства имело, прежде всего, самые тяжелые и роковые последствия для православной церкви.

«Служители алтаря» – правительственная «команда», как характерно именовались они в официальных актах XVIII века, облеклись в мундир полицейского чиновника. Чрезвычайно метко и ярко охарактеризованы те этапы, которые проходила православная церковь в течение векового процесса подчинения светским интересам, Вл. Соловьевым: «Сначала, при Никоне, она (церковь) тянулась за государственной короной,³ потом крепко схватилась за меч государственный и «наконец» принуждена была надеть государственный мундир». Конечно, в полицейском государстве этот мундир был мундиром полицейского чиновника...

Превратившись в «колоссальную канцелярию» с неизбежной, по словам И. Аксакова, «канцелярской официальной ложью», церковь, по идее блюстительница законов высшей нравственности и совести, явилась горячей защитницей самодержавно-бюрократического порядка, бесправия и насилия в русской жизни; она сделалась врагом прогрессивной мысли и проповедницей приниженности человеческой мысли во имя охраны неприкосновенности устоев старого, отжившего общественного порядка. Она сделалась врагом свободы... Она предавала «анафеме» деятелей великого освободительного движения и своим духовным авторитетом пыталась санкционировать правительственные казни. Так поступала церковь еще недавно. Так поступала она всегда. Когда вожди первых глашатаев политической свободы в России, декабристов, погибли на плахе, и тела их ночью были выброшены в яму с растворенной известью, – «на следующий день церковь возблагодарила Бога за пролитую кровь». Петербургский же митрополит Серафим, «скача и пляша от

избытка духовного веселия», объявил Николая I «истинным христианином», а декабристов – «извергами, исчадием ада, сынами дьявола»... Когда русская интеллигенция выступила против рабского крепостного права, церковь оставалась пассивной зрительницей и учила народ лишь подчиняться своему подневольному положению. И в наши дни большинство православного духовенства играло весьма печальную роль в истории освободительного движения; своими реакционными проповедями с церковных кафедр оно возбуждало ненависть одних слоев населения против других. С кафедр, откуда должны были исходить слова любви и братства, раздавались призывы произвести контрреволюцию, неслись кровавые речи – призывы к избиению «врагов отечества», т.е. всех борющихся в рядах освободительного движения. В период самого разгара страстей служители алтаря заботились не о примирении враждующих сторон, – они взывали лишь к самым низменным страстям темной народной массы⁴.

Церковь забыла Христа!., она слепо, по-рабски, исполняла веления власти. Такую переписку «Божьего царства» на государево имя православная церковь окончательно признала еще двести лет назад. Когда Петр решил казнить сына своего Алексея, он обратился к Синоду, и последний дал редко характерный ответ: «Сие дело не нашего суда, ибо кто нас поставил судьями над теми, кто нами *обладает*»...

Рабы должны повиноваться беспрекословно, и когда Указом 1716 года, дважды повторенным через 2 года и 1722 г., было повелено духовным пастырям доносить губернаторам о том антиправительственном, что будет им сказано на исповеди⁵, священнослужители, действительно, стали исправно отправлять полицейские функции; они сделались «сыщиками и дозорщиками Преображенского Приказа». Такими, в сущности, и впредь осталось большинство представителей господствующей церкви⁶ ...

Если до Петра церковь, по выражению Мережковского, напоминала «сухую смоковницу», то впоследствии она впала в «паралич» (Достоевский); она потеряла последние остатки духовного авторитета. И, не имея творческой силы для борьбы с

религиозными разномыслиями, она усиленно взывала к помощи той светской власти, которая привела ее к нравственному бессилию. Для еретиков она требовала «градского наказания, сиречь казни». За недостатком духовных средств она еще при Петре получила в свое распоряжение «гвардии сержанта и 26 солдат".....Лютыми казнями, тюрьмами и ссылками веками обеспечивалось внешнее, видимое господство национальной государственной церкви и казенного вероисповедания.

1905 г.

II. Свобода совести

Одною из крупных аномалий в русской общественной жизни является посягательство со стороны государства на свободу совести, вторжение его в интимную область религиозных убеждений и попытка установить крепостное состояние в вопросах вероисповедания.

Если вековая проблема о взаимных отношениях государства и церкви не везде еще нашла себе удовлетворительное разрешение, то идеи веротерпимости получили уже практическое применение во всех культурных государствах. И наука и жизнь после вековой кровавой борьбы давно уже выработали бесспорные принципы свободы совести и установили неотъемлемое право личности на свободное избрание религиозных воззрений и на переход из одного вероисповедания в другое, а также на свободную пропаганду своего вероучения; среди «естественных прав человека и гражданина», неотъемлемых прав политической свободы, личной неприкосновенности, свободы слова, печати, собраний и т. д., право свободы религиозного исповедания, затрагивая область, которая по своему существу не может быть регламентируема никакими административными предписаниями, несомненно, занимает первое место.

Но в русской государственной жизни еще живы средневековые крепостнические традиции и особенно сильно проявляются они именно в той области, которая и по учению христианской церкви не подлежит ведению кесаря и по своему внутреннему характеру должна быть свободна от всякого рода насилия, должна служить воплощением идеи любви, братства, смирения и свободы – в области веры. Здесь крепостное состояние держится твердо.

Действующее законодательство, признавая некоторую религиозную самостоятельность, под контролем Министерства Внутренних дел, за привилегированными иностранными и иноверческими исповеданиями, в сущности, совершенно отрицает эту самостоятельность за адептами господствующей

церкви. По смыслу нашего законодательства прирожденный русский может быть только православным, а иноверец, перешедший в первенствующую, государственную веру, должен остаться в этой церковной организации навсегда со всем своим потомством, – выход из православия, признанного национальной верой, всем запрещен и – безусловно. Эта неприкосновенность государственной религии обставлена у нас целым рядом гарантий, среди которых первое место занимают внешние административно-полицейские меры надзора и судебное преследование за уклонение от форм признанного господствующим вероучения.

Жизнь, конечно, далеко не укладывается в такие рамки. Светская власть, так или иначе, должна считаться с тем несомненным фактом, что в государстве существует ряд духовных организаций и обществ, не подчиняющихся верховенству официальной церкви, авторизированному целым «арсеналом принудительных мер».

Политика, устраняющая искренность и правдивость в церковно-государственной жизни, неминуемо создает сложную систему лжи, притворства и лицемерного, чисто внешнего послушания, к которому в силу необходимости прибегают люди, юридически числящиеся сынами господствующей церкви, фактически же принадлежащие к какой-либо секте. Неужели не пора сознать, что на души подданных государство не может влиять, что факты, касающиеся внутренней совести гражданина, недоступны по существу государственному воздействию и что власть, стремящаяся духовно-нравственную пропаганду вероучения заменить репрессивными мероприятиями, обрекает себя на непосильную борьбу!

Вторжение светской власти в чуждую ей область религиозных верований нарушает внутреннюю нравственную крепость церкви и лишает ее духовной силы, необходимой для господства пропагандируемых ею идей. Напомним известные слова, произнесенные несколько лет назад на орловском миссионерском съезде: «Где нет свободы для слова, свободы для мнения, свободы для сомнения, свободы для исповедания, – там нет места для веры».

Устанавливая право миссионерской пропаганды лишь за православием и возлагая на светскую власть обязанность оказывать этой проповеди возможное содействие, разве государство тем самым не лишает господствующую церковь возможности дать нравственный отпор энергичным проповедникам новых вероучений мощным силою духа и искренностью убеждения? Поддерживая веру путем полицейского воздействия, неужели само государство не раскрывает всей несостоятельности «казенной веры», которая не может уже удовлетворить с ростом самосознания естественные искания народной массы «правой веры»? Политика, делающая из воинствующего клира агентов светской власти, только обеспечивает успех за проповедью мощных самобытных философов народной среды, апостолов «правды, любви и братства».

С другой стороны, история дает нам немало хороших опытов и поучительных примеров того, на какие опасные осложнения обрекает себя государство, навязывая церкви посторонние ее задачам вопросы политические и вызывая тем самым наряду с борьбой за свободу совести и общественный протест. Не показали ли, наконец, вековые гонения за веру, что они импонирующим ореолом мученичества лишь способствовали распространению преследуемого учения, – не лучшим ли примером служит само христианство, окрепшее и закалившееся в борьбе и преследованиях?

Двести с лишним лет назад невежественный старовер, проявивший редкую нравственную стойкость в борьбе за свои идеалы, протопоп Аввакум, в ответ на гонения, которым подвергались старообрядцы за свои убеждения со стороны государства и церкви, писал: «Чудо! Как-то в познание не хотят прийти, огнем, да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить. Которые-то апостолы научили так, не знаю! Мой Христос не приказал нашим апостолам так учить, еже бы огнем, да кнутом, да виселицею в веру приводить"... И как оказался он прав по прошествии двух столетий!

Политика, господствовавшая вплоть до последнего времени по отношению к расколо-сектантству, не достигла, как

это неоднократно было официально признано, никаких положительных результатов, – раскол не только не слабел, а, напротив, все глубже и все сильнее вкоренялся в жизнь русского народа. Какое влияние могли иметь репрессивные меры на людей, готовых идти на смерть за свои религиозные убеждения, готовых претерпеть, отстаивая свободу совести во имя спасения души, все те мучения и пытки, которые только мог выдумать административный гений палачей-инквизиторов средневековья. Казалось, сознание этого проникло, наконец, в высшие административные и законодательные сферы. В современное русское право были введены некоторые крупницы веротерпимости, выразившейся в предоставлении по закону 3-го мая 1883 года «раскольникам» права свободно отправлять свое богослужение. Издание этого закона в свое время Государственный Совет мотивировал заботой об охране права «каждого верующего, хотя бы и заблуждающегося в своих религиозных верованиях, свободно молиться». Однако с течением времени закон 3-го мая, ограниченный первоначально же запрещением внешнего оказательства вероучения и его пропаганды, т.е. противоречащий понятию «свободы совести», все более и более стеснялся путем самых разнообразных административных предписаний, и в конце концов и эти крупницы веротерпимости потонули в общем бесправном положении «отщепенцев» господствующей церкви.

В отношениях государства и церкви к религиозным разномыслиям и ныне уцелела еще масса самых мрачных пережитков средневековых порядков. Не так далеко еще от нас то время, когда подвергались гонениям духоборы, и всем известно, до какого вопиющего произвола доходила в данном случае администрация; до самого последнего времени мрачные казематы монастырских тюрем служат орудием борьбы с сектантством.

Неужели еще в XX веке нужна борьба во имя идей веротерпимости, – борьба, стоившая уже стольких жертв, «обагрявшая кровью столько плах и зажегшая столько костров»? Веками «царили религиозное принуждение и гнет», веками «приносились изобильные человеческие жертвы на

алтарь религиозной нетерпимости», и неужели еще не получила окончательно признания истина, так просто выраженная соподвижником патриарха Никона, тишайшим царем Алексеем: «Никого силой не заставишь Богу веровати»?

13 ноября 1904 г.

III. Закон и «религиозные отщепенцы»

Свобода совести есть основное нравственное требование каждого вероучения; свобода веры и безверия, безусловное право бесконтрольного отправления культа и мирной публичной пропаганды религиозных воззрений, – таковы неотъемлемые права человека и гражданина, провозглашенные еще накануне XIX столетия и получившие уже реальное осуществление везде на Западе. Только у нас устанавливается кабальное состояние в вопросах вероисповедания, так сказать, насильственное расписание граждан в административном порядке по определенным вероучениям: «вероисповедная принадлежность православных, по словам обер-прокурора Святейшего Синода, определяется посредством выписок из православных метрических книг о рождении» – и только.

Конечно, русский бюрократизм бессилён бороться в возрастающим деизмом интеллигентной среды; эта область, несмотря на все его поползновения, ему недоступна и здесь поневоле, считаясь с реальной действительностью, приходится или игнорировать существующие факты, считать их вопреки логике недействительными, несмотря на всю их реальную видимость, или довольствоваться признанием фиктивного послушания. Но зато какими тяжелыми последствиями, должны отзываться насильственные вторжения государства в сферу религиозной мысли той народной массы, которая в силу уже известного культурного состояния не может индифферентно относиться к вопросам веры, составляющим плоть и кровь ее векового миросозерцания!

Пробуждение самосознания этой массы, начало ее умственной жизни неминуемо связываются с коренной переоценкой всех утвердившихся в ней понятий и, конечно, прежде всего, с проверкой ранее бессознательно воспринятых религиозных тезисов; вопрос о «правой вере» в таком случае является коренным вопросом всего миросозерцания, и борцы за «истину», проявляя несокрушимую нравственную силу в отстаивании своих идеалов, менее всего способны идти на тот

компромисс, к которому их принуждает русское законодательство, взявшее под свою защиту неприкосновенность господствующего вероучения и охраняющее его путем полицейских мероприятий. В такое-то ненормальное положение и попадают «религиозные отщепенцы», с точки зрения господствующей церкви, т.е. многомиллионная масса русских сектантов и раскольников-старообрядцев, из которых первые, отрицая всякую условность в делах веры и регламентацию в вопросах, касающихся совести, пытаются дать рационалистическое обоснование новым формам вероучения, более удовлетворяющим духовные интересы пробуждающегося самосознания народных масс, а вторые, догматически не расходясь с православием, не признают за государством права вмешательства в дела веры, отрицают национальное значение за православием и авторитет бюрократизированной господствующей церкви, служащей лишь выразительницей велений светской власти.

Раскол-старообрядчество и другие секты, возникшие на русской почве и отделившиеся от православия, в своем бесправии стоят несравненно ниже тех групп инославных и иноверческих вероучений, которым русское законодательство дарует некоторые привилегии, если не свободу совести, то, по крайней мере, свободу вероисповедания, вверяя охрану их неприкосновенности Министерству Внутренних дел, – главному наблюдательному органу за мыслями и совестью русских граждан. Старообрядчеству в сущности не предоставлено даже и тех ограниченных прав, которыми пользуются вероучения, возникшие на почве терпимых в России инославных христианских исповеданий.

На первый взгляд может показаться, что *de jure* раскольники «не преследуются за мнения их о вере», как говорят некоторые статьи действующего законодательства (ст. 45-я Уст. пред.); по букве закона, воспрещается лишь «публичное оказательство» ереси и раскола со стороны их последователей (ст. 59-я Уст. пр.) и соращение (стт. 189-я и 196-я Ул. о нак.), наконец, принадлежность к сектам, соединенным с изуверством (ст. 203-я Ул. о нак.). Однако уже один термин – запрещение

«публичного оказательства» вероучения, когда последнее не грозит ничем общественной безопасности, стоит в полном противоречии с принципами веротерпимости и не может быть назван иначе, как преследованием «за мнения о вере».

В действительности же при существовании в государстве такого правопорядка, при котором административные распоряжения дополняют закон и даже идут наперекор ему, эта видимая терпимость делается окончательно мертвой буквой. Применение закона 3-го мая 1883 г. (стт. 45–64-я Уст. пред.), даровавшего некоторые вероисповедные льготы старообрядцам и сектантам, поставлено всецело в зависимость от «административного усмотрения». Этот закон, предоставив старообрядцам, как русским гражданам, свободу передвижения, торговли, право владения, право занятия по выборам общественных должностей (ст. 60-я Уст. пр.) и т. д., чего они были лишены прежде, в вопросах, касающихся вероисповедания старообрядцев, совершенно лишил их свободы действия, несмотря на то, что издание этого закона в свое время, как мы уже указывали, было мотивировано Государственным Советом заботой об охранении права «каждого верующего, хотя бы и заблуждающегося в своих религиозных верованиях, человека свободно молиться», т.е. гарантировать свободу вероисповедания всем сектам, за исключением тех, учение которых будет признано особо вредным. Между тем в действительности все без исключения старообрядцы, раз дело касается их веры, не могут сделать шага без разрешения администрации. Право давать или не давать разрешение на открытие моленных по закону предоставлено министру внутренних дел; но с каким трудом на практике даются эти разрешения, как часто все подобные ходатайства остаются без ответа! Не лучшим ли примером ненормальности положения служат факты, свидетельствующие, что на 75,000 населения старообрядцев в громадной нижегородской епархии приходится лишь 12 разрешенных правительством моленных, а в вятской – всего пять. Естественно, что при таких условиях помимо официально существующих в указанных епархиях имеется масса

неразрешенных моленных: в нижегородской – 172, в вятской – 60⁷. Несмотря на многочисленные решения уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената, разъяснившие, что на устройство общественного богомоления в частном доме разрешения ни требуется, все эти моленные существуют под постоянной угрозой «полицейского разгрома и судебной волокиты». Закон 3-го мая запрещает раскольникам публичное «оказательство» вероучения, мотивируя это запрещение возможным «соблазном» для православных; к этим внешним оказательствам (ст. 59-я Уст пред) относятся употребление вне домов, часовен и молитвенных зданий церковного облачения или монашеского и священнослужительского одеяния, крестные ходы, публичное ношение икон, раскольничье пение на улицах, наружные колокола на молитвенных зданиях и т. д. – все это запрещается даже на кладбищах, где «раскольникам» отводятся отдельные места; администрация и духовенство даже этим не удовлетворяются и к внешним оказательствам подобного рода относят ношение шляп, походящих сколько-нибудь на шляпы у православного духовенства, предъявляют требования, чтобы старообрядческое духовенство не носило длинных волос, а стригло их по примеру мещан и крестьян, к сословию которых оно принадлежит, и т. д. Закон 3-го мая (ст. 46-я) предоставил право уставщикам, наставникам и другим лицам исполнять духовные требы у раскольников, не подвергаясь преследованиям, за исключением тех случаев, когда они окажутся виновными в распространении своих заблуждений между православными или в иных преступных деяниях, а между тем администрация сплошь да рядом требует от духовных старообрядческих пастырей отказа от священнического звания и совершения служб, а не желающие исполнять противозаконные требования администрации подвергаются высылке. Старообрядцам предоставлено право исправлять и возобновлять принадлежащие им часовни и молитвенные здания, приходящие в ветхость, с тем, однако, чтобы общий наружный вид исправленного или возобновленного здания не был изменяем (ст. 48-я). На производство этих работ должно

быть испрошено каждый раз особое разрешение высшей администрации; и здесь снова встречаются бесконечные препятствия, о чем свидетельствуют бесчисленные судебные процессы, доходящие до Сената.

Все это, казалось бы, – мелочи, но жизнь при таких условиях делается невыносимой. Мыслима ли такая регламентация, такое мелочное вмешательство в частную жизнь, когда нельзя исправить развалившееся окно без разрешения *высшей* администрации.

Старообрядцам запрещается заводить скиты и обители (ст. 47); в сущности же их многочисленные богадельни играют роль таких обителей, куда люди уходят от мирской суеты, – и сюда проникает око всевластной администрации; в виде начальников над этими монастырями поставлены светские лица, принадлежащие к господствующему вероисповеданию, – чиновники Министерства Внутренних дел...

Нарушение всех этих постановлений в огромном большинстве случаев влечет за собой кару в виде ссылки и тюремного заключения.

Предоставленные всецело «усмотрению» администрации, старообрядцы в жизни часто подвергаются таким преследованиям, которые можно назвать лишь гонениями за веру. Таковы, напр., известные факты уничтожения старообрядческих мощей, возбуждения народных страстей путем пресловутых уличных изданий, возведения на старообрядцев необычайных небылиц, что так часто практикуется на страницах нашей охранительной печати, и т. д. и т. д.

Для борьбы с «расколом» практикуются в настоящее время различные миссии, собеседования о вере и проч., «дабы словом, путем убеждений» содействовать возвращению «раскольников» на лоно господствующей церкви, но на практике эти мирные противораскольничьи миссии и собеседования о вере, нередко даже в присутствии представителей жандармерии, выливаются в уродливую форму и служат лишь орудием провокаторства; потому лучшие представители старообрядческого мира, не раз уже пострадавшие за попытки

высказать открыто и свободно свои религиозные убеждения, старательно избегают подобного рода собеседований, зная по горькому опыту, как рискованно искренно говорить о том, что думаешь, даже тогда, когда на это вызывает само начальство.

Для урегулирования семейного положения старообрядцев еще по закону 19-го апреля 1874 г заведены метрические книги, ведение которых возложено на полицию. И здесь снова целый ряд самых вопиющих злоупотреблений, на почве которых развиваются потрясающие драмы, когда законные жены и законные дети старообрядцев признаются администрацией незаконными, когда старообрядцы, по недоразумению или произволу, вопреки многочисленным разъяснениям высшей в империи судебной инстанции – Сената, попадают в ранг отпавших и должны нести все последствия, так называемого отпадения от православия.

Если бы сгруппировать все эти данные, несомненно, получилась бы такая яркая картина злоупотреблений, что сделалось бы понятным ходатайство, с которым в 1901 г. обратились старообрядцы Поволжья за подписью 49,713 лиц: они просили избавить их от «преследования за мнения о вере», просили о сохранении им, по крайней мере, той условной свободы, тех ограниченных прав, которые им были предоставлены законом 3-го мая 1883 года и которыми в настоящее время они почти не пользуются.

Если, таким образом, юридическое положение раскольников-старообрядцев по справедливости можно назвать бесправным, то какими словами охарактеризовать положение тех русских сектантов, учение которых идет в разрез с догматами господствующей церкви? Эти сектанты *de facto* находятся «вне закона»; мероприятия по отношению к ним носят характер таких репрессий, которые немыслимы ни в одном культурном европейском государстве, не мыслимы ни в одном правовом государстве, где обеспечивается какими-либо гарантиями неприкосновенность личности от бюрократического произвола и насилия администрации.

Русское законодательство по существу не делает различия между ересью и расколом, отождествляя до известной степени

оба понятия и различая их только по степени вредности ересей и раскольничьих толков. Закон 3-го мая предоставил право на общественные молитвенные собрания не только раскольникам-старообрядцам, но и всем вообще русским сектантам, а Правительствующий Сенат в своих решениях за последнее время неуклонно проводит ту точку зрения, что при толковании закона 3-го мая нельзя устанавливать никакой разницы между коренными раскольниками, т.е. раскольниками от рождения, и некоренными, т.е. отпавшими от православия. Этим самым как бы санкционируется возможность отпадения от православия, что так категорически отрицают две статьи нашего законодательства (ст. 36-я Уст. пред. и 21-я дух. кон). Казалось бы, что логика требовала устранения этих противоречий и, конечно, в смысле уничтожения упомянутых двух статей, стоящих в полном несоответствии с требованиями современной жизни.

Выделяя из состава сект «особо вредные», в период создания закона 3-го мая Государственный Совет признал нужным устранить прежнюю форму перечисления в ст. 197-й Улож. о нак. этих особо вредных сект, к которым были отнесены, между прочим, духоборы, молокане и др., предоставив Министерству Внутренних дел издавать соответственные распоряжения о вредности той или другой секты, соображаясь в каждом отдельном случае с компетентным мнением Св. Синода. Таким образом в нашем законодательстве самый термин «особо-вредная секта» был устранен, и, следовательно, все сектанты, за исключением последователей вероучений, соединенных с изуверными и противонравственными действиями (ст. 203-я Ул о нак.), получили право воспользоваться льготами закона 3 мая 1883 г.

В течение истекших с тех пор 20 лет к разряду сект «особо-вредных в церковном и государственном отношении» были отнесены штундисты, которым, согласно Положению Комитета Министров 4 июля 1894 г., воспрещены общественные молитвенные собрания. Хотя Правительствующий Сенат и разъяснил, что формула закона 1894 г. может быть применена к сектантам исключительно в тех случаях, когда *фактами*

доказана наличие признаков, характеризующих штундизм, т.е. ясно выраженный антигосударственный характер секты, тем не менее, мы видим, что с каждым годом растет число ничем необоснованных судебных процессов по обвинению сектантов в устройстве недозволенных молитвенных собраний, – процессов, возникших исключительно на почве произвола, полицейской власти, которая, вторгаясь в чуждую ее непосредственным задачам область религиозных верований, привлекает сектантов к уголовной ответственности по ст 29-й Уст. о нак., т.е. за неисполнение распоряжении полицейских властей. Полицейские власти, насильственно вторгаясь в частные жилища в целях преследования незаконных собраний, не могут, конечно, входить на месте в детальное обсуждение сложного научного вопроса о принадлежности к штундизму привлекаемых к уголовной ответственности сектантов – это выясняется лишь впоследствии на суде. Уже после того, как исполнительная власть разгромит молитвенные собрания сектантов, отнесенных по усмотрению администрации к штундистам, начинается расследование признаков, на основании которых вероучение виновных может быть отнесено к учению, именуемому штундой, и только тогда поднимается вопрос о том, насколько правы были сектанты, собравшиеся для отправления общественного молитвенного богослужения. Реабилитировать распоряжения полицейской власти, доказать их правильность и добиться осуждения привлеченных к уголовной ответственности сектантов, – таковы задачи, которые возложены на сведущих в вопросах сектоведения экспертов на суде, – всевозможных миссионеров в кокардах, чиновников Министерства Внутренних дел. Эти эксперты произносят на суде обвинительные речи против сектантов и не имея часто никаких аргументов для обвинения их в принадлежности к гонимому штундизму (согласно разъяснениям Сената, нахождение одного признака еще недостаточно для обвинения в штундизме, недостаточно даже признание самих сектантов, что они – штундисты, раз это не согласуется с обстоятельствами дела), в перечисление признаков штундизма они вводят такие пункты, как нахождение в доме в большом количестве книг св. Евангелия, фарисейское

воздержание от худых дел, сокрытие в глубине духа социально-политических тенденций, повиновение правительству и законам не за совесть, а страха ради, и т. д.

И на основании таких юмористических доводов, сектанты, причисленные к последователям штунды, подвергаются не только судебному преследованию, но в жизни испытывают нередко такого рода гонения, которые воскрешают перед нами средневековые инквизиторские порядки. В глубине России, там, где не шумят «столичные витии» и где царит вековая тишина, – там, по старинным традициям, действуют «огнем и железом». И такие факты были засвидетельствованы в самое последнее время русской печатью, несмотря на те тиски, в которых она находилась. Ссылки в Сибирь и Закавказье, монастырские тюрьмы, расправа нагайками, военные экзекуции в 1895 г над духоборами, произвол, доходящий до отобрания молоканских детей в 1897 г, столь часто повторяющиеся избиения сектантов народными толпами (в Херсонской и Киевской губерниях в 1901 г.), возбужденными агитацией и подстрекательством низших агентов местной администрации, приходского духовенства или миссионера – «волка в овечьей шкуре».

Вот те многочисленные факты, характеризующие правовое или, справедливее сказать, бесправное положение «религиозных отщепенцев», поставленных в России «вне закона» и предоставленных у нас всецело «административному усмотрению».

Проблески терпимости, проникшие было в русское право, являлись отзвуком веяний 60-х годов, они были как бы результатом сознания всей бесплодности вековой борьбы с религиозными разномыслиями, – бесплодности именно в тот момент, когда сектантство пышно расцвело в период всеобщего пробуждения русского общества, когда вместе со сменой всех крепостных отношений рушилось и религиозное мирозерцание народной массы, несоответствующее настроению освободившихся от своего прежнего подневольного положения... Ослабевали преследования, ослабевал естественный и боевой характер сектантских вероучений, и с каждым годом, с каждым днем все более и более

ограничиваются прежние льготы, все туже и туже затягивается петля, пытающаяся задушить всякое проявление свободной мысли, закабалить совесть и путем насилия задержать столь ненавистный для некоторых рост народного самосознания, подавить все проблески критического отношения к окружающей среде и уничтожить попытки анализировать прежние общественные отношения и перестроить жизнь на новых началах.

В отчетах обер-прокурора Святейшего Синода мы каждый год читаем сообщения о противораскольничьих миссиях, о собеседованиях, о привлечении детей раскольников в общие народные школы; мы читаем хорошие «слова» о необходимости «действовать на заблуждающихся с мягкостью и кротостью», «духом терпимости, христианской любви и снисхождения к заблуждающимся», «через раскрытие и уяснение их неправоты», путем просвещения и т.д., и в то же время в тех же отчетах раздаются постоянные жалобы на «снисходительность гражданской власти», на «бездействие администрации и суда», содействующих и даже иногда потворствующих распространению сектантских лжеучений...

При современной постановке дела все эти миссии, учрежденные якобы с благими намерениями под влиянием растущего сознания бесплодности борьбы путем репрессивных мер с идеями, не только не достигают своих целей, а приводят скорее к противоположным результатам. Низшие агенты, вторя, весьма понятно, словам о воздействии на сектантов в духе «мира, любви и сожаления к врагам церкви», с каждым годом все властнее и властнее требуют содействия гражданской власти, чтобы обеспечить свой «нравственный авторитет», требуют ограничительных административных мер. Наши миссионерские съезды требуют по отношению к сектантам восстановления порядка, господствовавшего до издания закона 3 мая 1883 г.; требуют отмены всех дарованных льгот и возвращения к испытанной уже вековой «истребительной политике»; требуют ограничения свободы передвижения сектантов, права избрания на общественные должности, права владения; требуют восстановления практики отобрания детей,

административной высылки, – одним словом, находят возможным бороться с расколо-сектантством путем лишь уголовных кар и административных стеснений. Выставляя раскол и сектантство грозной силой, могущей, по словам небезызвестного, редактора *Миссионерского Обозрения*, г. Скворцова, сокрушить даже «русский колосс, мощный православной верой» (т.е. самодержавие), эти добровольные агенты светской власти, завербовавшие церковь на службу государству, требуют запретить для охранения общественной безопасности свободу богомолений почти всем русским сектантам и старообрядцам, за исключением разве только последователей поповщинского толка.

И что же? Устраненный было из нашего Уголовного Уложения термин «особо-вредные секты» грозит воскреснуть, как на это указывал еще несколько лет назад А. М. Бобрищев-Пушкин, путем зачисления всех фракций русского сектантства в секту гонимых штундистов. Но как не дальновидны наши охранители! Вековой опыт привел к крушению политики репрессалий и показал, что при смешении религии и государственного принципа государство создает себе громадную опасность и осуждает себя на политические осложнения. «Каждый еретик, – говорит проф. *Рейснер* в своих статьях «Мораль, право и религия по действующему русскому закону» (*Вестник Права* 1900 г), – отрицая истину государственной церкви и, невольно будет отрицать и само государство; где церковь и государство слиты, там невольно и неизбежно рождается мысль, что не церковь, а государство проповедует и защищает данную истину, а следовательно, отрицая данную истину, нужно отвергнуть и то государство, которое ее проповедует...»

Хотя провозглашение принципов свободы совести, установление веротерпимости само по себе вовсе не является синонимом отделения церкви от государства, как верно отметил в своей прекрасной книге «Суд и раскольники-сектанты», *Бобрищев-Пушкин*, чего так боятся наши охранители, несомненно, однако, что только при полном разграничении двух этих ведомств, возможно, установить неприкосновенные

гарантии свободы совести. Ведь сама по себе религиозная нетерпимость, быть может, свойственная отчасти даже каждому вероисповеданию, при отсутствии реальной грубой силы вращается в области одних «жалких слов», она не может воздвигнуть пылающих инквизиторских костров и мрачных неприступных стен монастырских крепостей.

3 декабря 1904 г.

IV. На Рогожском кладбище

(По поводу распечатания алтарей).

Сороковые годы, время казарменного режима Николая I, были одними из самых тяжелых для старообрядцев. В период пышного расцвета программы официальной народности с ее трехчленной формулой, «православие, самодержавие и народность», старообрядчество было признано антигосударственным элементом, и в правительственных сферах была разработана особая программа репрессии.

При царившем беззаконии и произволе правительство не останавливалось ни перед какими мерами. Помимо обычных для повседневной русской жизни того времени тюрем и ссылок, в правительственную программу борьбы с сектантством 40-х годов входили такие меры, как конфискация имущества заподозренных лиц, отобрание детей и т. д. и т. д. В 1841 году была даже совершена попытка законодательным путем лишить старообрядцев возможности иметь правильные семьи. По Высочайшему Указу было повелено составить для беспоповцев «однажды и навсегда» семейные списки и никакой уже «прибыли» по ним не допускать; новорожденные должны были подвергаться крещению согласно обрядам и законам государственной церкви. Правда, такое вопиющее нарушение элементарных гражданских прав населения недолго оставалось в виде законодательной нормы; 28 ноября 1846 года было Высочайше повелено: «Не разлучать членов одного семейства за разномыслие о вере, но в жизни еще долго практиковался возмутительный способ увоза «тайком» детей во время повальных ночных обысков, которые производили административно-полицейские власти совместно с представителями духовного ведомства в старообрядческих селениях. Перелюстрация писем, организованные соглядатайства над целыми местностями, периодические обыски и пр. – таковы были меры борьбы с распространением сектантских учений. Дело доходило до того, что некоторые правительственные агенты, предлагали раз навсегда установить

даже типичный образец внутреннего устройства крестьянских изб, дабы преградить возможность устройства различных тайников...

В царствование Николая, конечно, подверглись полному разгрому все старообрядческие храмы, монастыри и моленные. И одним из многочисленных звеньев в этой политике репрессий явилось запечатание алтарей в храмах Рогожского кладбища по Высочайшему повелению 7 июля 1856 г., т.е. уже в новое либеральное царствование Александра II.

За что же лишены были рогожские старообрядцы самых элементарных религиозных прав, дозволенных, казалось бы, даже при строгом архи полицейском Николаевском режиме? Мотивы, вызвавшие эту меру, очень не сложны.

В 1854 г. умер старообрядческий священник Ястребов, последний из числа тех беглых попов господствующей церкви, которых дозволено было старообрядцам принимать по указу 1822 г. Так как в начале царствования Николая I брать из господствующей церкви новых священников было запрещено, то московские старообрядцы, так называемые поповцы, лишены были возможности совершать богослужения на Рогожском кладбище, сделавшемся центром старообрядчества, приемлющего новую австрийскую иерархию, тогда стали служить священники белокрыницкого поставления. Эти священники, негласно отправлявшие на Рогожском кладбище столь необходимые для старообрядцев церковные службы, как венчание, похороны и пр., не были признаны правительством, и им, как недозволенным лжепопам, было запрещено служить литургию. Так продолжалось почти два года, и старообрядцы не нарушили наложенного запрещения. И, тем не менее, 7 июля 1856 г., «в видах пресечения» для священников австрийского рукоположения «возможности явиться на смену беглых попов», были опечатаны алтари Рогожского кладбища, и старообрядческие храмы обращены в молитвенные дома. Чтобы придать благовидный характер такой антирелигиозной в сущности мере, как опечатание святынь Рогожского кладбища, правительство воспользовалось заведомо ложным доносом.

В 1856 г. некоторые представители Рогожского кладбища, купцы Сопелкин, Кабанов и др. приняли единоверие. Для огромного большинства искренних старообрядцев, не согласившихся отступить от своих религиозных убеждений, несмотря на все правительственные стеснения, эти лица, конечно, были отступниками, в отношении к которым невольно должен был сказываться оттенок презрения. В глубине души, вероятно, чувствовали справедливость такого отношения и принявшие единоверие. Отсюда становится понятным их враждебное отношение к прежним единомышленникам, всегдашняя готовность и желание повредить тем, кто, не прельщаясь мирскими интересами и даруемыми привилегиями, оставался верным своей вере и традициям. Эти-то лица и донесли митрополиту Филарету, будто бы священник, отправлявший в то время церковные службы на Рогожском кладбище, Д. Д. Крынин, несмотря на запрещение, служит открыто в алтарях рогожских храмов литургию. Нетрудно было, конечно, при желании, разобраться в психологии людей, от отступничества перешедших к ложным доносам, но митрополиту Филарету и его приспешникам этот донос был на руку.

Еще «в январе 1856 г., – гласит официальный акт, – московским военным генерал-губернатором было доведено до сведения (Министерства Внутренних дел), что смотритель рогожского богадельного дома, статский советник Мосжаков, *самопроизвольно* воспретил рогожским раскольникам совершать в часовнях их богомоления. Министр внутренних дел, действительный тайный советник Ланской, принимая во внимание, что рогожские раскольники издавна (со времен царствования Екатерины II) отправляли богомоления в своих часовнях, по их обрядам, и, имея в виду, что Высочайшим повелением 21 декабря 1853 г. раскольникам беспоповщинской секты дозволено собираться в часовнях на Преображенском кладбище для молитвы, отпевания умерших и совершения панихид, причем разрешено им церковное пение, и что Высочайшим же повелением 9 августа 1854 г. предписано принять по рогожскому богадельному дому те же меры, кои

были установлены для Преображенского кладбища, признал распоряжения смотрителя Мосжакова о воспреещении богомоления в рогожских часовнях неправильным и вместе с тем сообщил генерал-адъютанту графу Закревскому о том, чтобы на будущее время не было делано препятствия рогожским раскольникам отправлять богослужение по их обрядам в упомянутых часовнях, строго, однако, наблюдая за недопущением ими при сем публичного оказательства раскола».

Воспользовавшись последними строками министерского предписания и поступившим доносом, московский иерарх немедленно сообщил Синоду, к каким результатам ведет «либеральничье» Министерства Внутренних дел. После отмены распоряжения смотрителя Мосжакова, сообщал Филарет, со стороны рогожских старообрядцев немедленно стало появляться во время богомолений запрещенное «оказательство раскола», что вызвало, между прочим, столкновение между раскольниками и православными. В виду «важности предмета» Высочайше повелено было протест митрополита внести на рассмотрение «секретного комитета». При обсуждении этого вопроса в комитете произошло разногласие, и некоторые члены комитета «в виду отсутствия формального по сему предмету дознания» находили «справедливым ограничиться строгим внушением раскольникам, дабы они при совершении своих богомолений отнюдь не дозволяли себе таких действий к соблазну православных, кои противны существующим на сей предмет законоположениям»... Но тем не менее по докладу об этом Государю, Высочайше повелено было положить, во избежание соблазна, на алтари Рогожского кладбища печати, что и было исполнено 7 июля полицейскими чиновниками совместно с представителями православного духовенства.

С этих пор начались долгие, безрезультатные, но, тем не менее, настойчивые ходатайства старообрядцев перед правительственной властью о снятии печатей с алтарей, – ходатайства, которые подавались при каждом удобном случае и вызывали со стороны правительства лишь категорические запрещения беспокоить впредь такими тщетными заявлениями правительственные сферы.

В эпоху либеральных веяний при Лорисе-Меликове, – эпоху, которую столь поразительно напоминает момент, переживаемый вновь Россией в наши дни, прогрессивная печать, единодушно бичуя развращающее влияние бюрократического строя и провозглашая неотъемлемые права каждого гражданина на свободу совести, подняла и вопрос о признании религиозных и гражданских прав за «расколом». Тогда же было возбуждено ходатайство и самими московскими старообрядцами о распечатании алтарей в храмах Рогожского кладбища. Это ходатайство увенчалось, некоторым успехом.

По поводу означенного ходатайства 23 представителей рогожской общины старообрядцев министр внутренних дел Маков, прежде всего, вошел в сношение с обер-прокурором Святейшего Синода. Последний, как и следовало ожидать, остался верен той политике репрессий, которая постоянно руководила деятельностью этого «святейшего» учреждения. Маков получил ответ, что Святейший Синод нашел, «что так как в рогожских часовнях опечатаны только алтари, самые же часовни оставлены открытыми, так что раскольники и в настоящее время могут возносить в них свои молитвы ко Всевышнему Богу, только лжесвященники их лишены возможности совершать богослужение в тех алтарях, то посему распечатание означенных алтарей не может быть допущено по духу постановлений православной церкви, отвергающих законное существование раскольничьей лжеиерархии, а между тем распечатание наименованных алтарей с дозволением рогожцам совершать в них богослужение равнялось бы фактическому признанию раскольнической лжеиерархии, без представителей которой не может быть совершаемо богослужение. Сверх сего, по мнению Святейшего Синода, нельзя упустить из вида и того, что в настоящее время разрешается общий вопрос о предоставлении раскольникам разных прав, между прочим, и относительно удовлетворения их религиозных потребностей и отправления богослужения. До разрешения этого общего вопроса частное распоряжение по сему предмету может оказаться в противоречии с ожидаемым решением. По сему Святейший Синод не находит с своей

стороны оснований к удовлетворению настоящего ходатайства московских раскольников».

Итак, Синод под благовидным предлогом предстоящих реформ желал отложить разрешение дела в далекий ящик. Министр Маков в данном случае держался другого взгляда⁸. 2 апреля 1880 г им был внесен в Комитет Министров доклад, в котором он высказывался за распечатание алтарей с «тем не переменным условием, чтоб распечатание это было произведено без всякой торжественности и оглашения». Мотивировал Маков свое предложение тем, что уже «Высочайше утвержденными предначертаниями Комитета 1864 г.» принципиально решено было допустить «не только распечатание старых, но и устройство вновь раскольниковских молитвенных зданий»; приведение же в исполнение законодательным порядком этих предположений замедлилось лишь потому, что правительство намеревалось «постепенно» вводить новые видоизменения, касающиеся прав раскольников. И, конечно, эта постепенность в проведении реформ, сопряженная с обычной канцелярской волокитой, затянулась на целых 16 лет. В своем докладе Маков указывал, что московский генерал-губернатор, с которым министр входил в сношение по этому поводу, тоже высказывается за удовлетворение ходатайства рогожских старообрядцев. Дело в том, что по расследованию, произведенному командированным московским военным генерал-губернатором чиновником, оказалось, что мера запечатания алтарей в храмах Рогожского кладбища 7 июля 1856 г. была принята без достаточных оснований. По опросе свидетелей обнаружено было, что «самоличного оказательства раскола на Рогожском кладбище, а также столкновения с православными никакого не было»...

Таким образом даже официальное расследование доказало лживость донесений московского иерарха; оно обнаружило те неблагоприятные приемы обманов и доносов, к которым прибегали представители духовного ведомства, чтобы облечь в более или менее приличную форму свою «политику репрессий».

После доклада министра Макова, ходатайство рогожских старообрядцев комитетом министров было удовлетворено.

Алтари, правда, распечатать не было дозволено, но в 1881 г. было разрешено на амвонах поставить временные алтари и в них совершать богослужения священникам белокриницкой иерархии.

Но либеральные веяния, как известно, в то время не реализовались в нечто осязательное, система административно-полицейского произвола восторжествовала, и провозглашенная было веротерпимость скоро сменилась прежней религиозной нетерпимостью. Злостная судьба вновь постигла и Рогожское кладбище, на которое обрушилась со своими ударами реакционная печать, во главе с известным расколоведом г. Субботиным, выступившая на защиту святой православной церкви и требовавшая в видах государственной безопасности положить предел домогательствам старообрядцев и «либеральной прессы». В 1884 г. временные алтари на Рогожском кладбище по приказанию министра внутренних дел были снова сняты, и только теперь московские старообрядцы добились, по прошествии 49-ти лет, распечатания алтарей! 16 апреля 1905 года, когда сняты были печати с алтарей в храмах Рогожского кладбища, может быть названо историческим днем в жизни московских старообрядцев: впервые по истечении полувека эти глубоко религиозные люди получили возможность торжественно отслужить настоящую пасхальную заутреню в церкви с алтарем.

Любопытную картину представляют эти алтари, пробывшие полвека с наглухо забитыми окнами, под заржавленными замками и полицейскими печатями в момент снятия печатей.

Алтари Рогожского кладбища являются богатейшею сокровищницей церковных редкостей; здесь собраны древнейшая иконопись новгородской и строгановской школы, иконы, принадлежащие кисти самого знаменитого Андрея Рублева, и время, конечно, не пощадило этой сокровищницы, наложив на нее печать разрушения. Пятьдесят лет к алтарям не прикасалась человеческая рука, и много редчайших археологических ценностей погибло безвозвратно здесь от пыли и сырости. Алтарь летней церкви, которая не отапливается, сохранил свой прежний вид, и его оказалось возможным

реставрировать довольно скоро, – здесь попорчена лишь стенная живопись. Но зато полную картину разрушения представлял алтарь зимней церкви. При осмотре его очевидец выносил жуткое впечатление, как будто бы он находился в каком-то мрачном подземелье. При мерцании свечей видны были под толстым слоем пыли провалившийся пол, обломки рухнувших иконостасов с остатками сгнивших икон, заплесневелые стены и, безвозвратно погибшею живописью, обвалившейся штукатурной, обрывки истлевшей материи и т.д. В хаосе разрушения на первых порах невозможно было ориентироваться, и много пришлось потратить трудов для восстановления прежнего величия и роскоши.

Если даже на постороннего человека осмотр алтарей Рогожского кладбища производил такое гнетущее впечатление, вызывая в памяти все былые ужасы религиозных гонений, то еще более горькое чувство должно было вызывать это у самих старообрядцев, для которых состояние их святынь являлось поруганием религиозного самосознания.

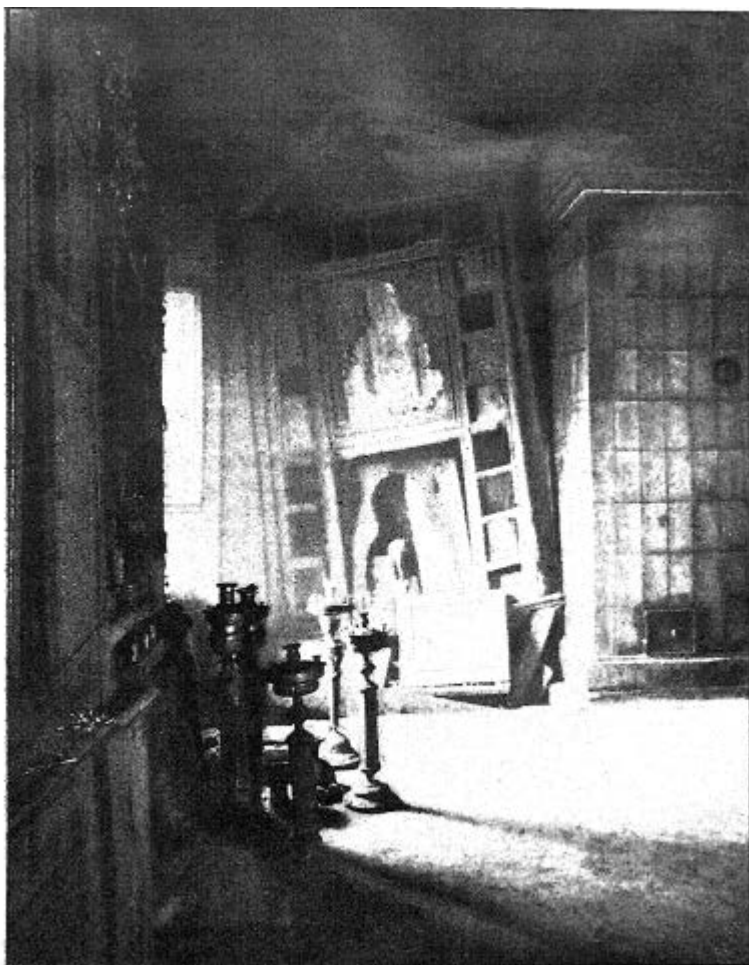

Рис. 8. В алтаре зимнего храма слева, в моменте распечатания
3 мая 1905 г.

V. Штундисты или баптисты?

(По поводу судебного преследования сектантов по 29 ст. Уст. о нак.).

Следя за практикой судебных, установлений за последние годы, мы наблюдаем преимущественно в южной половине России значительное увеличение числа процессов по обвинению сектантов в устройстве недозволенных молитвенных собраний. В громадном большинстве случаев полиция составляет протоколы и привлекает по ст. 29-й Уст. о наказ. (за неисполнение законных распоряжений, требований или постановлении правительственных или полицейских властей) к уголовной ответственности лиц, признаваемых ею за *последователей секты, именуемой штундой* и отнесенной к разряду «особо вредных в церковном и государственном отношении», последователям этой секты, на основании Высочайше утвержденного 4 июля 1894 г. Положения Комитета Министров, воспрещаются общественные молитвенные собрания, дозволенные прочим расколо-сектантам законом 3 мая 1883 года.

При анализе данных этих процессов мы замечаем одно характерное явление: привлеченные к уголовной ответственности сектанты на вопрос судей, какого вероучения являются они последователями, большею частью отвечают, что они не штундисты, а баптисты, последователи евангельской секты, или христиане евангельского вероисповедания; напротив, приглашенные на суд в качестве экспертов специалисты по сектоведению, — преимущественно миссионеры, или духовные лица, — настаивают, что обвиняемые штундисты и именуют себя баптистами с целью воспользоваться правами и льготами, дарованными баптистам-лютеранам законом 27 марта 1879 г. (1106 ст. Уст. иностр. испов. XI т, ч. I), гарантировавшим последователям этой секты свободу в отправлении их богослужения. Такая же точка зрения проводится и во всеподданнейших отчетах обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания

(отчет 1897 года) и в циркулярах министра внутренних дел, на которые и ссылается экспертиза. Так, циркуляр министра внутренних дел от 3 апреля 1900 г., на № 10682, предлагает судебным учреждениям «обратить внимание на то, что последователи русской секты штунды, ранее уже неправильно присвоившие себе название баптистов, в последнее время, по издании Высочайше утвержденного 4 июля 1894 года Положения Комитета Министров, особенно настойчиво стали именовать себя баптистами, не подходящими под действия вышеуказанного закона, и, вводя этим путем в заблуждение судебные власти, избегают иногда судебной ответственности за устройство общественных молитвенных собраний.

Если такие случаи, как желание обойти закон о штундистах 1894 г., на которое указывается в приведенном циркуляре, на практике и могут встретиться, то во всяком случае это не означает, что все русские, именующие себя баптистами, принадлежат действительно к преследуемой секте штундистов. Судебная экспертиза на процессах указывает, что современная наука сектоведения не знает русских баптистов и что учение немецких баптистов, воспринятое русскими уроженцами, получает в применении к этим последним название штунды, согласно неоднократным разъяснениям Министерства Внутренних дел, т.е. именно той секты, о которой говорит закон 4 июля 1894 г.

Если наша наука сектоведения, по справедливому замечанию покойного исследователя юридического положения русского сектантства, Бобрищева-Пушкина⁹, представляющая из себя «нагроможденный в хаотическом беспорядке необработанный исторический и современный материал», не знает о существовании секты русских баптистов, то, конечно, из этого еще не вытекает, что такой секты нет в действительности, ибо не наука «сектоведения» создает секты, возникающие под влиянием существующих в народе умственных и нравственных запросов, а обратно.

Мы рассмотрим догматическую сторону вероучения русских баптистов или, выражаясь точнее, последователей евангельской секты, а пока заметим, что самостоятельное

существование русского баптизма признано Правительствующим Сенатом, который, отвергнув распространительное толкование закона 4 июля 1894 г. о воспрещении штундистских богомолений, указал, что закон этот преследует штунду, а не «баптизм, составляющий сектантство, возникшее на почве терпимого в империи Российской инославного христианского исповедания» (Дело Редичкиных – 20 октября 1897 г.), и что русский баптизм не может быть отождествлен со штундизмом (Дело Пурена, Загера и Вогуля – 12 ноября 1896 г., и дело Александрова и Крючкова – 27 сентября 1897 г.). Неоднократные циркуляры министра внутренних дел по этому поводу, на которые ссылается, как мы уже указывали, судебная экспертиза (циркуляры 10 октября 1894 г., за № 606, 17 мая 1900 г, за № 3), разъясняют, что русских баптистов не должно смешивать с немецкими баптистами, и что на первых не простираются нрава по отправлению духовных треб, какими пользуются по закону 27 марта 1879 года баптисты-лютеране. Очевидно, что подобные разъяснения надо понимать в том именно смысле, что упомянутый закон был издан специально для немцев-колонистов, когда среди них распространился баптизм, и не простирается на тех штундистов, которые именуют себя баптистами в целях обойти закон 4 июля 1894 г. Между тем те из последователей евангельской секты, которые в последнее время стали обращаться к министру внутренних дел с ходатайствами об ограждении их от преследований за совершение общественных богомолений, не упоминая даже о законе 27 марта 1879 г, касающемся баптистов, просят о применении к ним прав, предоставленных всем расколосектантам по закону 3 мая 1883 г.

Закон 3 мая, издание которого Государственный Совет мотивировал заботой об охранении права «каждого верующего, хотя бы и заблуждающегося в своих религиозных верованиях, человека свободно молиться», гарантировал свободу вероисповедания всем сектам, за исключением тех, учение которых признано особо вредным. Эти «особо вредные секты» были перечислены в ст. 197 Улож. о нак.: «Последователи сект, именуемые духоборцами, иконоборцами, молоканами,

иудействующими, а равно и другие, принадлежащие к ересям, которые установленным для сего порядком признаны или впоследствии будут признаны особенно вредными. Однако, уже в новой редакции закона 1 мая 1884 г. эта старая формула деления сект на особо вредные и менее вредные была устранена, и Государственный Совет признал более осторожным не вводить в закон признаков такого деления, определяя в отдельности вредность той или другой секты. Поэтому ст. 197 была заменена ст. о скопцах. В течение истекших с тех пор двадцати лет к числу особо вредных сект с воспрещением последователям их общественных молитвенных собраний был отнесен только штундизм. Так как наше законодательство одну принадлежность к ересям и расколам не карает (запрещается совращение, ст. 189 Улож. о нак., ст. 45 Уст. пред. и пресеч., и публичное оказательство, ст. 48 и 59 Уст. о пред. и пресеч, а также распространение новых сект, ст. 196 Улож. о нак.), то, следовательно, все сектанты, за исключением штундистов и последователей сект, соединенных с изуверными и противонравственными действиями (ст. 203 Ул. о нак), имеют право воспользоваться льготами закона 3 мая 1883 г., что и было разъяснено неоднократно Правительствующим Сенатом, который истолковал закон 3 мая 1883 г. «в смысле предоставления дарованных этим законом прав по отправлению богомолений всем вообще расколо-сектантам, независимо от того, принадлежат ли они к расколу от рождения или совертились в таковой впоследствии»¹⁰.

Что же касается штундизма, то в циркуляре министра внутренних дел от 3 сентября 1894 г., за № 29, разъясняющем смысл закона 4 июля 1894 г., эта секта характеризуется в следующих словах: «Последователи секты штунды, отвергая все церковные обряды и таинства, не только не признают власти и восстают против присяги и военной службы, уподобляя верных защитников престола и отечества разбойникам, но и проповедают социалистические принципы: так, например, общее равенство раздал имущества и т. п.». Учения их подрывают в корне основные начала православной веры и русской народности. Затем в циркуляре разъясняется, что

льготы, дарованные законом 3 мая 1883 г. раскольникам менее вредных сект не могут быть применяемы к штундистам.

Вот те фактические признаки, на основании которых та или другая секта может быть отнесена к штунде: она должна носить ясно выраженный антицерковный и антигосударственный характер, и только тогда сектанты подлежат судебной ответственности за нарушение ст. 29 Уст. о нак., причем точно должно быть определено, подходят ли обстоятельства в каждом отдельном случае под определение штундизма, изложенное в законе 4 июля 1894 года. Между тем на практике это далеко не всегда соблюдается, таковы многочисленные случаи, когда подвергаются судебному преследованию под видом штундистов последователи евангельской секты.

Богатейший материал, собранный по этому поводу А.М. Бобрищевым-Пушкиным, показывает, что «заинтересованная сторона» в судебных процессах о сектантах – экспертиза – очень часто, несмотря на установление путем свидетельских показаний и прочих судебных доказательств того факта, что в учении обвиняемых нет тех существенных признаков, которым закон 4 июля 1894 г. характеризует штунду, тем не менее, признает, как было уже указано выше, баптизм и штундизм тождественными, давая этой секте название «штундо-баптизм», и даже, основываясь на мнениях миссионерских съездов (2 миссионерский съезд в Москве 1891 г и 3-й в Казани 1897 г.), духовных консисторий, считающих что в основе русского сектантства лежат социалистические и коммунистические принципы, путем «тенденциозно-распространительного толкования» штундизма подводит под этот термин все другие современные фракции нашего рационалистического и мистического сектантства. Однако это не всегда справедливо.

Если мы рассмотрим религиозное учение так называемой евангельской секты, возникшей на почве развития самосознания и творчества в народе, – секты, которая совершенно отвлеклась от забот мирских во имя принципа самосовершенствования и забот о душе, то видим, что в вероучении этих чистых евангеликов совершенно нет признаков, характеризующих штундизм, а между тем они-то и привлекаются

преимущественно к уголовной ответственности, как последователи запрещенной секты. Вот основы учения последователей евангельской секты «истинных христиан», как они себя называют, изложенное в их «Исповедании вере»¹¹.

Священное писание Ветхого и Нового завета, вдохновленное Святым Духом должно служить единственным источником богопознания и руководством для поведения Бог учредил следующие средства благодати для привлечения к себе грешников: 1) слово Божие; 2) крещение; 3) святую вечерю. Молитва есть душа всех этих средств. Соединение истинных учеников Христовых есть, церковь, в которую верующие принимаются посредством крещения, причем совершается оно только над взрослыми, сознательно уверовавшими. Святость, без которой никто не увидит Господа, есть следствие оправдания через веру во Христа и состоит в умирании для греха и исполнении закона Бога. Следует строго соблюдать все десять заповедей. Бог от вечности предопределил, кто из людей будет искуплен жертвой умиловления Единородного Сына Иисуса Христа (учение о предопределении, впрочем, принимают далеко не все последователи этой секты). После смерти настанет воскресение и суд, причем веровавшие получают вечное блаженство, а нечестивые будут осуждены к вечным мучениям... Далее этими сектантами признается *таинство св. крещения, приобщения тела и крови, брань* (последний совершается только между верующими, согласно постановлениям гражданского закона). Наконец *правительство признается Божиим установлением*. Четырнадцатый член исповедания веры «о гражданском порядке» гласит «Мы веруем, что власти от Бога установлены, и что Он облакает их властью для защиты добрых и для наказания злодеев. Мы считаем себя обязанными оказывать безусловное повиновение их законам, если эти законы не ограничивают свободного исполнения обязанностей нашей христианской веры, и тихую и безмятежную жизнь во всяком благочестии облегчает им их тяжелую задачу. Мы считаем себя также обязанными по Божью поведению *молиться за правительство*, чтобы оно по Его воле и под Его милостивой

защитой так употребляло вверенную ему власть, чтобы ею могли быть сохранены мир и правосудие. Мы признаем, что злоупотребление клятвы воспрещено христианам, но что *клятва (присяга)*, – именно, благоговейное, торжественное призывание нашего Бога во свидетели истины, – законно требуемая и даваемая есть только молитва в необыкновенной форме. Мы веруем, что правительство, которое и при Новом завете не напрасно носит меч, имеет право и обязанность по Божьему закону наказывать смертью и употреблять меч против врагов страны, в защиту вверенных ему подданных, а посему мы считаем себя обязанными *нести военную службу* когда требует от нас правительство.

Все эти данные, изложенные в вероучениях последователей евангельской секты, рассеянные по судебным делам о штундистах, подтверждаются также и теми ходатайствами, с которыми сектанты, «исповедатели христианской религии», обращаются к министру внутренних дел: они протестуют «против произвольного навязывания» им несуществующих у них убеждений, проповеди социалистических принципов и заявляют, что желают «служить Богу, Государю и отечеству», исправно платят налоги, идут на военную службу, повинуются «властям и всем законам, если только они не ограничивают свободного исполнения и обязанности христианской веры», исповедуемой ими¹². Одним словом, они «не угрожают общественной безопасности» и не носят того политического оттенка, который имеет в виду закон о штундистах.

Просматривая многочисленные примеры, собранные в книге Бобрищева-Пушкина – «Суд и раскольники-сектанты», о характере показаний экспертизы на судебных процессах, мы видим, что нередко обвинение носит такой проблематичный характер, что представители правосудия, которые должны руководиться фактами, обнаружившимися при разбирательстве дела, а не какими-либо соображениями «высшего порядка», не могут ими удовлетворяться – эксперты, как указывает Бобрищев-Пушкин, большею частью не стремятся «восстановить признака преступного деяния *in conereto*», а говорят вообще о

штундизме, не применяясь к данному случаю (наприм., экспертиза по делу Шарикова и др., рассмотренному Сенатом 9 февраля 1899 г).

В подобных процессах, несомненно, судебные учреждения должны исключительно руководиться решениями кассационного департамента Правительствующего Сената по сектантским делам, доходившим до этой верховной судебной инстанции в Империи (решения по делам: 1) Редичкиных – 20 октября 1897 года; 2) Головки – 20 марта 1900 г.; 3) Бедренко – 27 октября 1900 г.; 4) Нехуты – 10 апреля 1901 г.; 5) Терещенко и Донца – 2 ноября 1901 г и т.д.). Мы приведем здесь наиболее характерное решение Сената по поводу протеста товарища прокурора владикавказского окружного суда на оправдательный приговор владикавказского мирового съезда по обвинению Матвея Головки и других по 29-й ст. Уст. о нак.

Сенат, оставив без последствия протест товарища прокурора, между прочим, разъяснил, что «различные наименования, которые придают себе последователи описанной ереси (штунды), не имеют значения для установления, в каждом отдельном случае, путем исследования указанными в законе способами принадлежности их именно к штундизму, точно так же, как название себя штундистами со стороны последователей учений, не заключающих в себе указанных Министерством Внутренних дел несомненных и коренных признаков штундизма, само по себе не дает основания к привлечению их к ответственности за деяния, воспрещенные исключительно штундистам». Поэтому Правительствующий Сенат находит, что *«в каждом случае привлечения тех или других сектантов к ответственности за нарушение существующего относительно штундистов воспрещения сходиться для общественных богomoлений на суде, прежде всего, лежит обязанность выяснить и установить на основании точно проверенных обстоятельств дела – принадлежат ли обвиняемые по существу основных положений исповедуемой ими ереси или расколоучения именно к штундизму и соответствуют ли сии основные положения приведенным выше указаниям Министерства Внутренних дел, в силу коих штундизм*

выражается: «в отрицании всех таинств и обрядов, в непризнании никаких властей и отрицании присяги и военной службы, направляется на подрыв основных начал православной веры и государственного строя».

По тому же делу Сенат разъяснил, что на основа ст. 119 и 766 Уст. угол. суд. отзывы духовных консисторий не могут быть отнесены «к числу предустановленных доказательств, правильность коих не подлежит проверке суда» (владикавказская консистория отзывом своим от 10 февраля 1896 г. за № 807 признала баптизм и штундизм совершенно тождественными; наприим., II миссионерский съезд, бывший в Москве в 1891 г., т.е. до издания закона 4 июля 1894 г. о штундистах, перечисляя признаки штунды, вводит пункты, совершенно не поддающиеся наблюдению: «фарисейское воздержание от худых дел, повиновение правительству и закону не за совесть, а страха ради»¹³ и проч... Конечно, при судебных разбирательствах подобные признаки виновности не могут быть принимаемы во внимание).

Уничтожая неоднократно все производство по делам, в коих сектанты голословно были обвиняемы в принадлежности к штунде, и кассируя недостаточно обоснованные решения судов, Правительствующий Сенат, не задаваясь вопросом, существует ли в действительности штундизм или нет, нашел, что формула закона 1894 г. может быть применена исключительно в тех случаях, когда фактом доказана наличность признаков, в ней упомянутых, и что нахождение одного признака еще недостаточно для обвинения в штундизме; даже признание самих сектантов, что они штундисты, раз это не согласуется с обстоятельствами дела, из коих не устанавливается наличность признаков, не может, согласно разъяснениям Сената, служить основанием к обвинению по закону 4 июля 1894 г.

Многочисленные решения Правительствующего Сената, в сущности, показывают, что в судебной практике должны быть вообще устранены дела о привлечении к уголовной ответственности сектантов-штундистов по 29 ст. Уст. о нак., так как сами даже представители обвинения, например, редактор *Миссионерского Обозрения*, небезызвестный эксперт по этим

делам В. М. Скворцов, признает, что «точное определение догмы положительного учения штундовой секты представляется и ныне еще крайне затруднительным, так как штундизм в том виде, в каком содержится он в массе последователей, не представляет собой *какой-либо определенной богословской системы или вероисповедной доктрины*»¹⁴. Если эти процессы будут продолжаться, то, с одной стороны, грозит опасность, что при систематическом изложении экспертизой (часто мало осведомленной даже в сектантских делах) вероучения штундизма, когда в силу изменяемости воззрений и догматической неустойчивости секты придется смешивать все догматические признаки в одно, подсудимые будут обвиняться в принадлежности к секте, которой в жизни не существует, а с другой, – что будут наказуемы те сектанты, которые ничего общего со штундизмом не имеют (еще недавно херсонское губернское присутствие уничтожило «за отсутствием преступления» производство по 27-ми делам о штундистах, по которым обвинялось до 300 человек), или те, которые были привлечены к ответственности низшими агентами администрации по 29 ст. Уст. о нак. не за недозволенные молитвенные собрания, а за нарушение обязательных постановлений, воспрещающих всякого рода сходбища, что на практике и на самом деле замечается за последнее время.

Несомненно, наконец, и то, что вопросы о свободе совести личности и свободы исповедания веры, сами по себе трудно регламентируемые какими-либо административными предписаниями, не могут подлежать ведению исполнительной полицейской власти, которой в таких делах приходится вторгаться в чуждую ее непосредственным задачам область религиозных верований и входить в обсуждение сложного научного вопроса о принадлежности привлекаемых к уголовной ответственности сектантов к той или иной секте.

Надо ли добавлять, что вообще все подобные преследования могут существовать лишь в полицейском государстве.

«Русская Мысль», октябрь 1904 г.

VI. Духоборы и штундисты

(По поводу выселения штундистов).

Шесть лет назад часть духоборов, доведенных до отчаянного положения в печальную для них эпоху гонений 1887 – 98 гг., вынуждена была выселиться из России: люди, пытавшиеся осуществить в своей жизни «закон всеобъемлющей любви, должны были оставить родину, идти искать счастья на новые места и приспособляться к чуждым незнакомым условиям жизни, – все это единственно для того, чтобы гарантировать себе неприкосновенность религиозных убеждений.

Духоборческая эпопея представляет собою одну из самых мрачных страниц в истории религиозных гонений в России, преисполненных глубоко-драматическими эпизодами.

После жестоких гонений при Павле наступил «золотой век для сектантства – время Александра I, когда духоборам было разрешено из Воронежской, Тамбовской губ., и Донской области, где преимущественно получило распространение духоборческое учение, переселиться в Мелитопольский уезд, Таврической губернии. Таким образом, здесь, на Молочных водах, духоборы могли впервые собраться все вместе и образовать единую общину; здесь они впервые почувствовали некоторую свободу. Вот почему столь важное разрешение для духоборов собраться всем на Молочные воды, важное для разработки и систематизации их учения, они называли «манифестом широких ворот». С прекращением жестоких преследований со стороны правительства духоборы, благодаря своей «братской» сплоченности и удивительному трудолюбию, в короткое время достигли значительного материального благосостояния. Их было до 8000 человек. Они создали обширное общественное хозяйство, прекрасное организованное самоуправление, центром которого было село Терпение с резиденцией духоборческих руководителей в так называемом «Сиротском доме».

Спокойная жизнь мелитопольских поселенцев, которая, впрочем, и в период «золотого века» нередко нарушалась правительственным вмешательством, при чем немало духоборов попадало в ссылку на Кавказ и на каторгу в Сибирь, особенно за отказ от несения военной службы, несовместимой, по мнению духоборов, с долгом истинного христианина, – резко прервалась со вступлением на престол Николая.

В 1839 году духоборы в количестве 12.000 с Молочных вод были высланы в глухие и дикие места Закавказья. Новый правительственный акт являлся вопиющим фактом беззакония и произвола, самым грубым попранием гражданских прав... но русское правительство никогда не считало себя обязанным охранять интересы населения. Плодородные земли на Молочных водах, в которые духоборы вложили столько труда и забот, которые их собственноручной работой были доведены до образцового состояния, отошли в казну; имущество было продано за бесценок, а дома брошены на произвол судьбы... Одним распоряжением правительства было уничтожено с таким трудом добытое материальное благосостояние. Духоборы сделали нищими. И этих несчастных под конвоем казаков погнали за 2000 верст за Кавказский хребет.

Только духоборы, которые смотрели на все правительственные гонения с точки зрения необходимых для истинных христиан «испытаний» и «очищений», могли выдержать все эти преследования и не упасть духом. В высших заветах религии они находили утешения и поддержку в тяжелые минуты жизни.

В суровом климате, на горных высотах, не пригодных для земледелия, духоборы вновь принялись за труд. Тяжело им было приспособляться к новым, непривычным условиям труда и жизни. Но настойчивость взяла верх. И здесь, в Закавказье, разоренные духоборы вновь построили Сиротский дом в с. Горелом и завели общественное хозяйство. Вновь они достигли значительного благосостояния. Правительство до времени не вмешивалось во внутренние распорядки духоборческой общины, и благодаря этому никаких столкновений не происходило. Так прожили духоборы полстолетия. В 80-х годах,

однако, на них обрушились новые правительственные репрессии.

Спокойная жизнь повлияла на ослабление основ духоборческого учения; они «стали утеривать сознание своих предков», что особенно заметно сказалось в активном участии духоборов в период русско-турецкой войны. Это вызвало разлад в общине. В ней образовались две партии: «большая», стремившаяся к восстановлению прежней чистоты, и «малая», являвшаяся противницей этого возрождения. К сожалению, и здесь дело не обошлось без доносов. Представители «малой» партии жаловались губернатору. 26 февраля 1887 г. руководитель «большой» партии Петр Веригин был арестован, и его враги, с помощью администрации, подкупленной громадными взятками, захватили Сиротский дом и все имущество духоборческой общины. Впоследствии после долгих тяжб Сиротский дом и остальное имущество возвращено было обществу, но... оно уже оказалось расхищенным, и в расхищении крупное участие принимали местные власти: около полмиллиона пошли на один подкуп правительственных лиц в Ахалкалаках и в Тифлисе.

Все эти события имели огромное влияние на возрождение духоборов; они показали, к каким невероятным хищениям кавказской администрации повлекла внутренняя борьба в духоборческой общине. Среди сторонников «большой» партии выделилась особая партия «постников», которая и взяла на себя задачу возрождения духоборческого учения.

«В течение зимы 1893–94 гг., – рассказывает в своих воспоминаниях Н.И. Дудченко¹⁵, имевший возможность наблюдать духоборов в этот период брожения, – духоборы-постники обсуждали и вырабатывали свое отношение к государству и свое общественно-экономическое устройство. Духоборы знали наперед, что их поступки непременно навлекут на них жестокие гонения... Прошел 1894 год, который для духоборов-постников был самым интенсивным в их умственной жизни. К этому времени они уже пришли к разрешению всех вопросов: решительно отказались каким бы то ни было образом

принимать участие в поддержании насильнической государственной организации или подчиняться ей».

Духоборы не ошиблись, ожидая со стороны правительства самых жестоких гонений. Эти гонения открылись эрой невероятных хищений кавказской администрации, происходивших на фоне нового духоборческого движения. Богатейшие материалы, опубликованные лондонским «Свободным Словом», дают ужасающую картину насилий, которым подвергались духоборы. Эти материалы заслуживают большого внимания, так как они все подтверждены документальными данными.

Среди духоборов начались массовые аресты, и затем арестованные после получения соответствующего выкупа (в несколько сот рублей) освобождались. К духоборам под видом усмирения «бунта» посылалась экзекуция, и за освобождение от «экзекуции» вновь брался выкуп. Иногда, однако, эти экзекуции заканчивались и кровавыми сценами... Когда родственники ссылаемых в Сибирь, пытаясь провести своих, обращались за паспортами, местные власти отказывали в их выдаче, и паспорт мог получить лишь тот, кто уплачивала, вместо 1 руб. 45 к. 200–300 и более рублей.. По доносам недоброжелателей в духоборческие села посылались солдатские команды, которые самым беззастенчивым образом грабили население и т.д. Целые страницы духоборческих повествований испещрены подобными фактами...

Духоборы посылали своих ходоков к наместнику, в Петербург, но безрезультатно. Петербургские ходатаи в Тифлисе были посажены в тюрьмы, а затем сосланы в Архангельскую губернию.

Преследования власти еще более обостряло поднявшееся движение в духоборческом обществе. Они решили в категорической форме объявить правительству о нежелании своем отбывать военную службу. И вот 29 июня 1895 года произошла грандиозная демонстрация – сожжение оружия. Одновременно в трех губерниях, по которым были расселены духоборы (Елисаветпольской, Тифлисской и Карской области) в день Петра и Павла на площадях было сожжено оружие.

Одновременно с этим ополченцы и запасные стали отдавать свои билеты местному начальству. Отказались от службы и несколько солдат духоборов.

Круто расправилось правительство с ослушниками его воли. Началось усмирение. В духоборческие села были отправлены казацкие отряды, которые в своих зверствах доходили до невозможных неистовств: били мужчин до смерти, насиловали женщин, грабили имущество. Мы не будем здесь воспроизводить эти леденящие душу картины. От них веет кровавым ужасом. В результате до 300 человек, заключенных в тюрьмы за сожжение оружия, были сосланы на бессрочную каторгу в Якутскую область; солдат, состоявших на действительной службе и отказавшихся нести службу, отдали в дисциплинарные батальоны. И здесь их морили голодом, истязали, вплоть до сечения колючими розгами. Четыре тысячи с лишним духоборов были расселены по грузинским и осетинским аулам, в знойных и лихорадочных долинах Тифлисской губернии. Лишенные земли и права передвижения, не имея заработков, они были обречены здесь почти на голодную смерть. Только небывалая выносливость и твердость спасли духоборов. Однако под влиянием невозможно тяжелых условий жизни за три года из 4300 человек умерло здесь почти 1000 человек. Так отомстили духоборам.

Под влиянием всех этих условий духоборы решили переселиться. Им нечего было более делать на родине-мачехе. Правительство, конечно, не сразу согласилось на переселение. Русская печать, задавленная бюрократическим гнетом, молчала. Но положение духоборов привлекло внимание всего культурного мира; явилась и денежная помощь извне. Особенно живое участие в положении духоборов приняли английские и американские квакеры. Несомненно, под влиянием требований заграничной печати в начале 1898 г. духоборы получили, наконец, разрешение переселиться в чужие земли, с тем, однако, условием, что они теряли право на возвращение в Россию... В том же году совершилось и переселение духоборов в Канаду при помощи некоторых представителей русской интеллигенции. Так переселилось около 8000. Там за морем они

добились религиозной свободы и материального благосостояния.

Тяжелое и безотрадное впечатление произвело на русское общество выселение духоборов – поистине лучших сынов нашего отечества.

Не изгладилось еще тяжелое впечатление от этого глубокого прискорбного факта, как на наших глазах вновь готовится его повторение: в газетах проскользнуло известие, что в Нью-Йорк прибыла разведочная партия (около 100 человек) русских штундистов, направляющихся к Калифорнии, где они предполагают образовать поселок; если эти ходоки найдут условия жизни благоприятными, говорилось в сообщении, то в Калифорнию прибудут еще 200.000 штундистов, чтобы основать колонию. В возможности такого факта в виду бывших прецедентов нельзя сомневаться.

Мы знаем, что за последние годы последователи секты, именуемой штундой, постоянно подвергаются целому ряду административных и судебных кар, так как учение их, согласно положению Комитета Министров 4 июля 1894 гола и циркулярным разъяснениям Министерства Внутренних дел, отнесено к разряду «особо вредных в церковном и государственном отношении»: отвергая существующий порядок социально-политической жизни России, штундисты, говоря словами официальных исследователей, мечтают о наступлении новых форм жизни. Среда бесправного положения «религиозных отщепенцев» штундисты таким образом занимают самое бесправное положение; они окончательно лишены тех незначительных вероисповедных льгот, которые закон 3 мая 1883 г., сделавшийся под влиянием административных распоряжений последнего времени почти мертвою буквой, предоставляет прочим сектантам.

В русской печати неоднократно уже выяснялась полная необоснованность тех многочисленных судебных процессов, которые возникают на почве обвинения так называемых штундистов в устройстве недозволенных молитвенных собраний, выяснилась на основании толкований Правительствующего Сената невозможность применения в

огромном большинстве случаев к привлекаемым к уголовной ответственности сектантам формулы закона 4 июля 1894 г., выяснилась роль в этих процессах миссионеров-экспертов, являющихся на суд в качестве вовсе не сведущих в вопросах сектоведения людей, а преднамеренных обвинителей, и т. д. и т. д., и, конечно, голос печати оставался втуне беззаконие и произвол торжествовали¹⁶. Много раз сами сектанты ходатайствовали об ограждении их от незаконных, все чаще и чаще повторяющихся судебных преследований¹⁷ и произвольного навязывания им несуществующих убеждений, и подобные ходатайства приводили лишь к отрицательным результатам.

Остается сделать один лишь вывод, что при современном полицейско-бюрократическом режиме в России нет места для тех, кто признает лишь свободу совести и по искренности своих убеждений, не может идти на компромиссы, – для тех, кто, как говорили штундисты в последнем своем ходатайстве министру внутренних дел, признает «полную свободу применения учения Христа каждым в своей жизни по его мощи и разумению».

И вот теперь, быть может, мы накануне выселения из России огромной массы наших сограждан, не смогших примениться к тяжелым условиям окружающего нас бесправия и невыносимо удушливой атмосферы сыска и доноса. Невольно хочется спросить, – да кто же эти люди? И больно сделается за нашу страну, когда придется ответить, что это, несомненно, наиболее сознательные и передовые элементы нашей народной среды. Темна и невежественна, твердят нам, эта народная масса! И что же? По мере того, как растет народное самосознание, и под влиянием социальных и экономических факторов развивается рационалистическое сектантство, являющееся, конечно, по преимуществу, продуктом прогрессирующей народной мысли, первой ступенью ее развития и попыткой философского обоснования вопросов веры; по мере того, как нарождается способность к критике и анализу общественных отношений и в новой идеологии пробуждающегося народного самосознания постепенно на ряду с религиозными вопросами выдвигается и общественный

элемент (в рационалистическом сектантстве эта эволюция является неминуемой стадией развития, особенно при том несоответствии, которое представляет в сознании сектантов евангельский идеал с окружающими явлениями), русская действительность ставит носителям этих новых идей, хотя бы и в зачаточной их форме, такие, видимо, непреодолимые тормозы и преграды, что остается одно средство – эмигрировать.

У каждого при таких условиях должен возникнуть вопрос: что же будет дальше? Неужели остается только бежать?

8 января 1905 г.

VII. Инквизиция в России

Русскому читателю хорошо, конечно, известна книжка Л. С. Пругавина о монастырских тюрьмах, приподнявшая, наконец, темную завесу административной тайны, которая покрывала до последнего времени имена монастырских узников. Недавно эти интересные очерки появились в Берлине на немецком языке с предисловием проф. Рейснера и под характерным заголовком «Die Inquisition der russisch-orthodoxen Kirche».

Инквизиция в России! Как, действительно, иначе назвать мрачные казематы монастырских тюрем, служащих средством для борьбы с религиозными разномыслиями; те вековые эшафоты мысли, на которых гибли лучшие идейные стремления русского народа? По иронии судьбы тихие обители, долженствующие служить прибежищем от мирских сует, полицейским государством превращены в тюремные замки. Русская действительность XX века воссоздает перед нами тяжелые картины давно прошедших времен, когда в застенках Преображенского Приказа и Тайной Розыскных Дел Канцелярии русских граждан, отрицавших авторитет казенной веры, предавали мучительным казням и жестоким пыткам; когда вольнодумцам вырезывали ноздри, клеймили раскаленным железом, ломали бедра, когда еретиков жгли на медленном огне... В сущности практика наших дней недалеко ушла от варварской действительности средневековья, и монастырские заключения именно на рубеже XX века применяются особенно усиленно, как то свидетельствуют неопровержимые факты.

Понятен тот живой интерес, с которым западноевропейский читатель, гражданин культурного государства, где твердый правопорядок обеспечивает неприкосновенность личности, свободу совести и мысли и где кровавые призраки религиозных гонений не висят Дамокловым мечом над совестью обывателя, узнает о существовании еще в XX веке в России инквизиции.

Если даже бесправный русский обыватель, столь привыкший уже к самым незаконным, вопиющим вторжениям в свою частную и общественную жизнь административного

произвола, с трудом мог бы поверить тем чудовищным фактам, которые сообщаются автором книги, если бы только они не сообщались на основании документальных данных из «подлинных архивных дел», то иностранцу, вероятно, до появления книги Пругавина и не представлялась возможность существования где-либо в Европе «свинцовых тюрем Венеции» и застенков средневековья. Книжка о монастырских тюрьмах, по мнению заграничной печати, служит ярким обвинительным актом существующему порядку в России.

Тень самых мрачных средних веков восстает перед нами, пишет *Die Nation*, когда читаешь потрясающие факты из деятельности русской «инквизиции», как, на протяжении всего XIX века, русских граждан по административному приказу бросали в монастырские тюрьмы не только за самые минимальные проступки против православной веры, но даже за «праведную жизнь», за гуманное отношение к бедным (прибавим за подачу докладных записок обер-прокурору Синода) и т.д.; как эти «еретики», подвергнутые без суда и следствия одиночному заключению в течение десятков лет в монастырских тюрьмах, гибли в заточении от холода, голода и грязи и, приговоренные к смертной казни «учителями любви» так называемой православной церкви, умирали медленной смертью.

Neue Freie Presse, в преследованиях сектантов готова видеть одну из причин современного освободительного движения в России. И газета права до известной степени в своем утверждении. Преследования правительственной власти действительно влекли сектантов в оппозиционный лагерь и заставляли их анализировать существующий гражданский порядок. И эта критика неминуемо приводила их к отрицанию самодержавной бюрократии. Примером могут служить те же духоборы. «Самые кроткие верноподданные» во время русско-турецкой войны – через двадцать пять лет они принуждены были «отказаться от правительства». К этому привела их, как они сами свидетельствуют, деятельность правительственной власти «вместо защиты они получили «от русского правительства настоящее разорение, потому что за истинную

правду сделали (их) преступниками, отняли собственность и выгнали из собственных домов», «они не видели от правительства ни одного правого, законного поступка, а, напротив того, переносили от правительства всякого рода насилия, беззакония и притеснения»... «Эти случаи заставили нас отказаться от правительства», заканчивает цитированная раньше духоборческая рукопись – «Разъяснение жизни христиан».

Единственно возможный вывод был тот, что «закон русского государства не годен для истинных христиан». Правительственные гонения, несомненно, вводили оппозиционный, общественный элемент в сектантскую идеологию, но они не могли придать сектантству боевую форму. «Непротивленцы злу» всегда были далеки от активного выступления в рядах борцов за русскую политическую и социальную свободу...

Но ряды эти могущественны и сильны теперь, сильны сознанием своего права и долга перед родиной, томившейся столькие годы в оковах бюрократического гнета. Старые цепи ныне готовы уже пасть, и на горизонте гнилого тумана русской действительности взошла давно желанная заря пленительного счастья – «заря свободы золотой». «Покорное и апатичное» русское общество вышло из лени «мертвой и позорной» и перестало мириться с окружающим бесправием. Казавшееся еще так недавно «бессмысленными мечтаниями», готово осуществиться на деле. Вскоре уже падут вековые рабские цепи, и будут провозглашены неотъемлемые права человека и гражданина. Мы видим, что близко то время, когда в России будет, наконец, осуществлена свобода совести, а вместе с тем устранена и та «печальная аномалия», которая в виде монастырских тюрем уцелела от времен средневековой религиозной нетерпимости в нашей церковно-государственной жизни.

1905 г.

II. В переходное время

I. Комитет Министров о свободе совести

«Высочайше утвержденным 11 февраля 1905 г. Положением Комитета Министров о порядке выполнения п. 6 Именного Высочайшего Указа от 12 декабря 1904 г. постановлено о немедленном прекращении действия всех принятых по делам религиозного свойства в административном порядке мер взыскания» – так гласит официальный акт, долженствующий вселить надежду на лучшее будущее среди лиц, потерпевших за свои религиозные убеждения. Но для того, чтобы надежды сменились уверенностью, еще мало одного устранения неустановленных в законе стеснений: нужно установление такого порядка, при котором сделается невозможным в будущем такое ненормальное явление, как дополнение или даже отмена закона путем административного распоряжения.

Коснувшись в своих занятиях по разработке предстоящих правительственных реформ важного вопроса о свободе совести, Комитет Министров принципиально высказался за безусловную веротерпимость, за устранение в нашем законодательстве всякого рода принудительных мер со стороны светской власти в области веры по мнению Комитета, ограничение прав в зависимости от *религиозных* убеждений, не отвечая требованиям справедливости, не согласно с духом православной церкви и приводит лишь к отрицательным результатам. В особой комиссии, образованной при Комитете Министров для пересмотра узаконений о правах старообрядцев и сектантов, много говорилось о неуместности вмешательства администрации в дела веры, о вреде насильственного вероисповедного закрепощения последователей господствующей церкви, о необходимости освободить православных священников от возложенной на них законом полицейской обязанности доносить прокурорскому надзору на сектантов и отпавших от церкви и т.д.

Правильное и всестороннее решение вопроса о веротерпимости потребовало бы коренного пересмотра всего нашего архаического законодательства, стоящего в полном

противоречии с принципами свободы совести, и этот пересмотр, конечно, прежде всего должен коснуться вопроса о взаимных отношениях государства и церкви. Здесь нельзя ограничиваться частными исправлениями; надо реформировать всю систему.

Но принципиальное решение Комитета Министров о безусловной веротерпимости, как и следовало ожидать, в действительности не проводится в его дальнейших работах. Уже в первом заседании, 25 января, Комитет Министров, единогласно высказавшись за отмену «стеснительных мер, принятых по *религиозного* свойства поводам», признал, однако, что «некоторые стеснительные в делах веры мероприятия имеют скорее *политическое*, чем религиозное значение, и в силу этого могут подлежать сохранению впредь». Те из действующих административных распоряжений, дальнейшее существование которых будет признано необходимых по *государственным* соображениям, должны будут получить силу закона.

Естественно возникает вопрос, какие же из этих административных распоряжений, стесняющих свободу вероисповедания, будут подлежать сохранению? В сущности, в основе всех распоряжений, изданных в последние 20 лет (после закона 3 мая 1883 г.), как мы имели случай отметить выше, лежат мотивы светского характера, что особенно наглядно видно на законе 4 июля 1894 г., запретившем общественные моления штундистам за якобы антигосударственный характер их вероучения. При тенденциозно-распространительном толковании термина «штундизм» и признании, что во всем нашем рационалистическом сектантстве скрываются социальные и политические элементы, т.е. элементы, с точки зрения современного бюрократического правительства, противогосударственные, почти всем сектантским учениям, как это неоднократно уже указывалось, приписывается признак особой вредности и стеснять свободу исповедания последователей этих сект признается необходимым «по соображениям государственного порядка».

Какими же признаками руководиться при классификации отдельных сект, если признать нужным сохранение в делах веры

тех стеснительных мероприятий, которые вызваны мотивами политическими? С научной точки зрения русское сектантство можно рассматривать только в связи с социальными и экономическими факторами, и естественно поэтому, что в любой его фракции можно найти, хотя бы и в зачаточной форме, политико-общественный элемент. Если, таким образом, из высших «соображении государственного порядка», – соображений, надо заметить, весьма неопределенных и обыкновенно слишком широко понимаемых, – будет признано необходимым, не ограничиваясь выделением тех сект, которые, по мнению Комитета Министров, представляют «психически-ненормальные группы, подлежащие врачебному надзору», распространить религиозные стеснения на те сектантские учения, в которых найдется *политический* элемент, то, в сущности, вся работа по установлению в России веротерпимости сведется, в конце концов, лишь к узаконению того, что прежде устанавливалось по преимуществу административным произволом.

И Комитет Министров в период теоретического обсуждения вопроса, признавший необходимым установить «пределы» для всемогущего административного усмотрения, перейдя из области критики существующего строя в область разработки практического законодательства, вступил на прежний путь сохранения религиозно-полицейской опеки. Провозглашенные принципы остались в стороне. «Безусловная веротерпимость», являющаяся при современных общественно-политических условиях почти синонимом возможной полной свободы совести, потонула, в конце концов, в той массе оговорок, которыми постарался окружить и затуманить Комитет Министров провозглашенные им принципы. Иначе и не могло поступить то чиновничье по существу учреждение, которое наряду с провозглашением свободы совести русских граждан высказывало «решительное убеждение», что этим «не должно отнюдь быть поколеблено устанавливаемое Основными Законами государства положение, признающее первенствующею и господствующею в Российской империи веру христианскую, православную, католическую, восточного

исповедания»... Комитет Министров, признавший недопустимость ограничения прав в зависимости от религиозных убеждений и отрицавший «всякое насильственное прикрепление верующих к определенной религии», одновременно постановляет, что при переходе из православия в нехристианскую религию должны остаться в силе все «невыгодные относительно актов гражданского состояния последствия, которые произойдут, вследствие непризнания государством подобного перехода состоявшимся». (Это вошло позже в закон 17 апреля).

Принимая во внимание направление, которое приняли работы Комитета Министров, не трудно предугадать, в какие формы выльется проектируемая веротерпимость. Можно с уверенностью сказать, что если и будут временно устранены, согласно пункту 6 Именного Указа 12 декабря, в религиозном быте «раскольников» и лиц иноверных и инославных исповеданий стеснения, прямо в законе не установленные, если и будет облегчено положение некоторых религиозных групп, признанных безопасными в государственном отношении, то при нынешнем порядке едва ли возможны какие-либо мероприятия, которые обеспечили бы невозможность возврата прежних религиозных стеснений. Пока будет господствовать у нас фальсифицированная теория органической связи религии и политики, пока будет существовать подчинение церкви государственным видам, до тех пор не будет места в России для свободы совести. Недавно опубликованная записка представителей официальной церкви требует устранения этого подчинения, установления свободной церкви, независимой от государственной власти. Но свободная церковь может быть лишь в свободном государстве. При существующем же режиме реформы в области вероисповедания неизбежно будут сводиться к временному устранению административных стеснений, прямо в законе не установленных, которые, однако, при возникновении вновь прежних взглядов на государственную безопасность будут возобновляться и вновь, ограничивать свободу совести русских граждан. И под знаменем «политики» воссоздастся прежняя полицейская система религиозного гнета.

13 апреля 1905 г.

II. Официальная веротерпимость

Циркуляром министра внутренних дел 19 февраля 1905 г. предложено губернским начальством «без замедления» принять меры к устранению административных стеснений в области религии и к освобождению тех лиц, которые подверглись по такого рода делам ограничениям или взысканиям в административном порядке. Подобные же «спешные меры» приняты, по официальному извещению, и Министерством Юстиции.

Опубликование таких циркуляров, конечно, имеет, прежде всего, целью успокоить общественное мнение, убедить общество, что правительством приняты все надлежащие меры для устранения, по крайней мере, в будущем столь многочисленных прежде административных злоупотреблений, и внушить доверие к тем новым реформам, которые вырабатываются в бюрократических сферах и проводятся в жизнь теми же бюрократическими средствами. Если у кого, однако, и является уверенность, что проектируемые мероприятия выведут Россию с пути бесправия и произвола на путь законности и свободы, то эта временная иллюзия продолжает разбиваться о факты текущей действительности, – факты, свидетельствующие, что бюрократия по-прежнему продолжает свою рутинную работу и что бесполезно вливать в старые мехи новое вино. Так обстоит, по крайней мере, дело по отношению к столь широко вещаемой ныне веротерпимости. Чтобы не быть голословными, приведем несколько фактов, проникших в нашу периодическую печать.

В тот момент, когда уже официально была провозглашена в России веротерпимость, на театре военных действий раненые и умирающие старообрядцы, проливавшие свою кровь на полях далекой Маньчжурии, были лишены возможности услышать последнее напутственное слово перед смертью от своих духовников. Старообрядцы просили разрешить их священнику посещать места нахождения больных и раненых из среды их единоверцев, и в этой просьбе им было отказано. Такое

распоряжение в середине января, т.е. по прошествии месяца со времени издания Именного Высочайшего Указа 12 декабря, было издано «по надлежащим с кем следует сношениям» главнокомандующим действующей армии и оповещено для исполнения по всем воинским частям. (Циркуляр начальника штаба за № 28).

Нужны ли комментарии к этому известию? Но, быть может, лишь в Маньчжурии «колеса административного механизма вертятся в прежнем направлении?»

В тот момент, когда Министерством Внутренних дел издается циркуляр, предписывающий губернским начальствам «не допускать впредь в пределах губернии применения к делам религиозного свойства положений о государственной охране и о полицейском надзоре, возбужденные же и находящиеся в производстве в означенном порядке дела прекратить, преподав надлежащие по сему предмету разъяснения подведомственным административным местам и лицам», по протоколу полиции в окрестностях Одессы привлекаются к уголовной ответственности 39 крестьян, молившихся по баптистскому обряду, и земский начальник, рассматривавший это дело, приговаривает всех обвиняемых за принадлежность якобы к секте штундистов к штрафу по 30 руб., с заменой арестом на две недели каждого (*Русск. Вед.*, № 96). В то же время в г. Сумах окружный суд приговаривает 18 марта 5 мужчин и 7 женщин, также за принадлежность к секте штундистов, к лишению всех прав состояния и к ссылке в Сибирь на поселение (*Русск. Вед.*, № 79). Между тем всем известно, с какими ненормальными уклонениями от общих начал правосудия происходят у нас сектантские процессы, как судебное разбирательство по этим делам, в сущности, сводится к административно-полицейской расправе, причем представители господствующей церкви, так называемые эксперты, являются на суде наиболее яркими выразителями начала полицейского сыска

Разве такая реальная действительность, представлявшая столь разительное противоречие с официальным признанием свободы вероисповедания, может внушить кому-либо

уверенность, что будут устранены в русской жизни хотя бы даже те административные стеснения свободы совести, которые не установлены в законе?

В настоящее время Министерством Внутренних дел и Юстиции приводятся в известность все бывшие в производстве дела религиозного свойства, по которым наложены в административном порядке взыскания, и срочно составляются списки лиц, подвергшихся по этим делам надзору или ограничениям; в газетах появляются известия о возвращении из ссылки пострадавших за свои религиозные убеждения и освобождении ряда лиц из тюремных казематов монастырских крепостей. По этому поводу А. С. Пругавин в *Сыне Отечества* приводит заслуживающую большого внимания справку:

"В «Правительственном Вестнике», — пишет он, — только что опубликовано известие, в котором сообщается, что в монастырских тюрьмах Суздальского и Соловецкого монастырей в последнее время содержались только семь лиц, которые по Высочайшему повелению 29 января и освобождены из монастырей. Затем тут же приводятся и фамилии этих лиц, уже ранее сообщенные газетами. Однако среди этих лиц нет ни Добролюбова, ни Рудакова, ни Синцорова, ни других заключенных, которые сидели в суздальской тюрьме еще прошлым летом, когда мы были в Спасо-Евфимиевском монастыре. Точно так же и об освобождении только что названных лиц в печати сообщений, сколько нам известно, не появлялось. Таким образом, невольно является вопрос, куда же делись эти заключенные? Освобождены ли они из монастырских казематов, или же, быть может, переведены в какие-нибудь новые тюрьмы? История монастырских заточений представляет множество примеров того, как о людях, заключенных в монастырские казематы «впредь до раскаяния», с течением времени начальство совершенно забывало, вследствие чего заключенные сидели в тюрьме до тех пор, пока смерть ее избавляла их от дальнейших мучений»...

После этой заметки никакого официального разъяснения не последовало, и в обществе, конечно, держатся прежние сомнения. В силу тех ненормальных условий, в которых

находилась у нас периодическая печать, и той глубокой тайны, которую составляли всегда действия администрации, русский обыватель не имеет даже возможности подсчитать в настоящее время количество жертв, пострадавших за многолетнее господство бюрократии; не имея возможности установить общественного контроля за ее действиями, он должен полагаться исключительно на благожелательность и заявления той самой бюрократии, которую факты текущей действительности так дискредитируют.

15 апреля 1905 г.

III. Провозглашение веротерпимости

(По поводу закона 17 апреля 1905 г.).

Мы готовы были бы приветствовать каждый правительственный акт, идущий навстречу вековым нуждам русского народа; мы готовы были бы высказывать горячие пожелания и надежды, что эти обещания поведут, наконец, к облегченно многострадальной доли нашей родины, изнывающей под гнетом полицейско-бюрократического режима, если бы у нас была хоть малейшая уверенность, что новые благие начинания правительственной власти получают реальное осуществление в жизни... В действительности же надо быть большим оптимистом, чтобы верить в возможность осуществления при старом порядке обещанных реформ.

История, говорят, лучший картограф будущего – и невольно при чтении нового закона 17 апреля, долженствующего отныне «укрепить начертанные в Основных Законах империи Российской начала веротерпимости», в нашей памяти воссоздается яркая картина еще недавнего прошлого, мрачные страницы двухвековой нетерпимости, двухвековых религиозных гонений, временами принимавших характер средневековых ужасов.

Со времен Державной последовательницы французских энциклопедистов XVIII столетия принципы веротерпимости официально не раз уже провозглашались незыблемыми основами русского государственного строя, и в то же самое время удушливая атмосфера полицейской опеки все более и более внедрялась в общественную жизнь и железным кольцом сковывала совесть русских граждан. Девятнадцатый век был у нас временем поистине «полицейской» веротерпимости, самого широкого, по признанию даже Комитета Министров, «применения административных распоряжений».

В какие бы чудовищно-уродливые формы не выливался в отдельных жизненных случаях полицейский произвол, нельзя, конечно, всю вину в этом отнести на счет агентов исполнительной власти. «Законы святы, да исполнители –

лихие супостаты», гласит пословица. Но о «святости» русских законов можно говорить лишь в правительственных актах; только в правительственных актах, редко считающихся с жизненной практикой, можно говорить о началах исконной веротерпимости в России. И камни возопиют против этого. Современная административная практика – прямое последствие действующего права, о чем свидетельствует уже в достаточной мере все предшествующее изложение.

Правда, ст. 44 и 45 Основных Законов торжественно объявляют, что «все не принадлежащие к господствующей церкви подданные Российского государства, природные и в подданство принятые, также иностранцы, состоящие на Российской службе или временно в России пребывающие, пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной»... «Свобода веры присвоается не токмо христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам: да все народы, в России пребывающие, славят Бога всемогущего разными языками по закону и исповеданию праотцов, благословляя царствование российских монархов и моля Творца вселенной о умножении «благоденствия и укреплении силы империи». Но не лучшей ли характеристикой этой видимой «свободы веры, гарантированной Основными Законами, служит сам по себе тот факт, что правительственной власти приходится озабочиваться об устройении в законодательном порядке существующих «стеснений в области веры». Эти стеснения устанавливаются всем нашим обширным законодательством, которое до сих пор еще стоит на отжившей точке зрения полицейской опеки над религиозной жизнью русского народа и вопреки процитированным Основным Законам «о свободе веры» устанавливает полную религиозную закабаленность.

«Свобода веры в нашем полицейском государстве свелась к признанию некоторых вероучений «терпимыми» по «усмотрению Министерства Внутренних дел» и «по соглашению» последнего «с ведомством православного исповедания». По отношению же к нетерпимым вероучениям, проскрипционные списки которых постоянно увеличиваются,

отечественное законодательство предписывает репрессивные меры.

Наше законодательство создавалось еще в период XVIII и начала XIX века, и с тех пор, по замечанию Комитета Министров, «творческая рука законодателя к ним почти не прикасалась». Новый правительственный акт, явившийся результатом работ Комитета Министров, не менее далек от действительного признания свободы совести. Он вовсе не затрагивает общих руководящих идей нашего законодательства и только несколько расширяет прежние рамки привилегированных вероисповеданий. Он уничтожает те бесчисленные стеснения, которым подвергались ранее русские сектанты и старообрядцы, и устраняет полицейское прикрепление личности к православию. В этом отношении Указ 17 апреля делает, конечно, огромный шаг вперед по сравнению с предшествовавшим законодательством. Последнее, хотя и «не устанавливает, действительно, карательных мер за отпадение от православия, – гласит журнал Комитета Министров, – но оно отказывается признать самый факт перехода в другое вероисповедание, если таковой совершился, и предписывает отпавшего отдать на увещание духовному начальству, *впредь же до воссоединения его с православием, населенное имение его взять в опеку, а для охранения малолетних его детей от совращения принять меры.* Ответ же о том, какие последствия наступают для совратившегося из православия в случае, если увещания не подействуют, закон не дает». Конечно, если даже законодательная норма не всегда может гарантировать безопасность русских граждан от самого грубого административного произвола, то отсутствие ее открывает еще больший простор для всемогущего административного усмотрения. Неужели, впрочем, конфискация имущества и отобрание детей сами по себе не являются карательными мерами? Закон 17 апреля определенно не признает вероотступничество преступлением. И это, хотя бы с формальной даже стороны, уже, несомненно, крупное приобретение; тем самым создаются известные рамки, которые будет ограничивать существующий произвол.

Однако русскому гражданину далеко еще не предоставляется возможность верить так, как повелевает ему его совесть: последователь господствующего вероучения не подлежит преследованию лишь в том случае, если переходит в другое христианское исповедание. Такое положение противоречит самому элементарному представлению о «безусловной свободе совести», а, по компетентному мнению Комитета Министров, «разрешение в законе принятия православными нехристианских вероисповеданий не соответствовало бы глубокому сознанию истинности высоких начал, лежащих в основе веры Христовой»...

Итак, по-старому государство оставляет за собой контроль над совестью русских граждан; по-старому оно монополию религиозной пропаганды господствующей церкви охраняет полицейскими мерами и уголовными карами. Все, в сущности, осталось, как и было.

Немногочисленные новшества, вводимые законом 17 апреля, еще должны быть согласованы с остальным нашим законодательством, и о них придется детально говорить тогда, когда они будут разрабатываться в различных правительственных комиссиях. Мы увидим тогда, каким урезкам подвергнутся эти новшества и в каких миниатюрных размерах они будут осуществляться в жизни; что это будет действительно так – говорит все наше прошлое.

Недалекое будущее покажет, насколько мы правы в своей оценке нового закона о веротерпимости. Закон 17 апреля – «не акт веротерпимости или дарования свободы веры, – как метко заметил проф. Рейснер, – а только перевод расколо-сектантских обществ из одного разряда в другой, с подчинением их вместе с тем бдительному административному надзору». Комитет Министров признал, что сектантство ныне «не представляет опасности», и правительство в виде «милости» дарует ему привилегии, признанные за другими инославными и иноверческими религиозными обществами. Совершается это под видом торжественного объявления свободы совести.

IV. Свобода совести и полицейская опека

Итак, в России объявлена веротерпимость! Теперь она должна быть проведена в жизнь. Для детальной разработки в законодательном порядке предположенных изменений в действующих узаконениях Комитет Министров признал нужным учредить особое вневедомственное совещание. Это совещание ныне и приступило к занятиям под председательством ген.-адъют. гр. Игнатьева.

Ему предстоит выполнить по существу неисполнимую работу: привести в соответствие с господствующим полицейско-бюрократическим режимом принципы веротерпимости. Сколь удачно выполнит свою сложную миссию игнатьевское совещание, покажет недалекое будущее, пока же мы видим явные признаки господствующей в правящих сферах тенденции свести до возможного *minimum*'а объем указа 17 апреля.

Не прошло и полутора месяца со дня обнародования нового закона, повелевшего устранить все административные стеснения в области веры, как министром внутренних дел в ожидании, пока профильтруются в достаточной мере в петербургских бюрократических лабораториях новые узаконения, приведенные в соответствие с обветшалым, старым законодательством, разослан на имя губернаторов и градоначальников циркуляр, определяющий образ действия местной администрации и преподающий ей руководящие указания о применении на практике Высочайших повелений о веротерпимости. Устанавливая пределы вероисповедных прав, дарованных тем, кто верит не так, как повелевает господствующая церковь, указанный циркуляр вводит следующее весьма существенное ограничение указа 17 апреля: «Если по вверенной вашему превосходительству губернии были изданы какие-либо правила, ограничивающие старообрядцев и сектантов в правах на службу государственную и общественную, то, – гласить циркуляр, – в *точное* исполнение... Высочайших повелений, правила эти должны прекратить свое действие, *если только* вы, милостивый государь, в *виду*

соображений особой важности не признает необходимым сохранить их в силе и на будущее время".

Таким образом, попытка установить веротерпимость «путем твердого и определенного закона, вне зависимости от какого-либо усмотрения и от не основанных на законе административных распоряжений», на первых же порах потерпела фиаско. Все обстоит по-старому, чтоб и естественно, раз во всех сферах продолжает господствовать прежний полицейский режим, который накладывает свою тяжелую руку на каждое проявление общественной самодеятельности. Правда, административные стеснения, подлежащие сохранению в видах пресловутых соображений «особой важности», простираются лишь на общественно-правовое положение сектантов, не ограничивая их духовной свободы, в жизни, однако, эти ограничения неизбежно будут выливаться в форму религиозного угнетения. И до указа о веротерпимости 17 апреля русское законодательство не преследовало за одно только *мнение* о вере, что и давало возможность в официальных сферах всегда утверждать, что терпимость в делах веры искони освящена была Основными Законами империи: все такого рода ограничения в последние годы мотивировались лишь соображениями политического свойства.

Циркуляр министра внутренних дел, единственный пока правительственный акт, опубликованный после обнародования указа 17 апреля, разъясняет далее, что свободное отправление общественных богомолений допускается лишь в том случае, если «эти последние не заключают в себе нарушения действующих и поныне постановлений, определяющих недозволенное публичное оказательство раскола». «Если в отдельных случаях, – говорится в циркуляре, – проявление верований будет сопряжено с опасностью для общественной нравственности и спокойствия... или же выразится в совращении православных», то необходимые мероприятия со стороны подлежащих административных властей должны заключаться «в пресечении и преследовании на основании уголовных законов, точно определенных, отдельных преступных деяний».

Чтобы новая веротерпимость, ограниченная по существу, дарующая не свободу совести, а лишь некоторые привилегии признанным государством инословным и иноверческим исповеданиям и отдельным религиозным общинам, не осталась лишь на бумаге, представляется существенно важным, чтобы Министерство Юстиции без замедления выполнило наложенную на него обязанность согласовать действующий уголовный закон с принципами веротерпимости, ибо лишь точно определенные юридические нормы в состоянии до известной степени гарантировать в будущем свободу вероисповедания и устранить в этой области «административное усмотрение», широкое применение которого может сделать мертвой буквой всякий указ. И, конечно, важно, чтобы эти нормы были выработаны не под углом узкой точки зрения исключительно полицейской охраны господствующей религии, а в целях дарования возможного равноправия всем религиозным обществам.

С этой точки зрения должен быть уничтожен в нашем законодательстве, прежде всего пресловутый «термин» публичное доказательство, несовместимый с понятием элементарной свободы совести. Столь же важным в данный момент является рациональное разрешение вопроса о так называемом совращении.

Этот вопрос, выдвинутый текущей действительностью, неизбежно вытекает из сознания каждого верующего, что исповедуемое им учение является непреложной истиной и что проповедь этой истины составляет нравственную обязанность верующего. Поэтому с понятием свободы совести неминуемо связывается право на религиозную пропаганду, и если государство, признавая истину лишь за господствующим вероучением, авторизует его своею властью пытается гарантировать его неприкосновенность полицейскими мерами, предоставляет только господствующему вероучению исключительное право на религиозную пропаганду, охраняя эту монополию такими средствами, как духовная цензура, полицейская поддержка миссионерской проповеди и пр., то в жизни конфликты неизбежны, и эти конфликты должны тяжело

отзываться на последователях вероучений менее привилегированных, – учений терпимых, но неравноправных.

Хотя комитет Министров при обсуждении вопроса о веротерпимости принципиально и высказался против полицейской опеки со стороны государства господствующего вероучения, доказывая моральный вред, причиняемый этой опекой православию, тем не менее, принципы религиозной полиции сохранили всю свою силу в программе намеченных Комитетом преобразований в этой области. Последний же циркуляр министра внутренних дел очень определенно говорит, что всякое совращение должно быть причислено к деяниям, подлежащим уголовной каре; однако это административное предписание Министерства Внутренних дел требует разъяснения, которое, вероятно, и не замедлит последовать со стороны Министерства Юстиции, на которое возложены согласование уголовного закона с принципами веротерпимости и юридическая разработка нового вопроса о переходе из одного вероисповедания в другое.

Если отпадение от православия не включено в число преступных деяний, то невозможно признавать наказуемым совращение, если только оно не носило насильственного характера, так как, естественно, нельзя карать за подстрекательство к деянию, которое не считается преступлением. В сущности, с некоторыми ограничениями на такую именно точку зрения и становится новое, еще непереведенное в действие Уголовное Уложение. Провозглашенное им понятие о совращении устраняет преступность этого акта, так как совращение посредством убеждения, т.е. совращение без употребления преступных средств, как-то: злоупотребление властью, обольщение обещанием выгод, обман, насилие над личностью, угрозы, по смыслу закона (ст. 82–84), не является наказуемым, если только это совращение не было связано с публичным оказательством вероучения (ст. 90).

Если тенденция, которую явно обнаруживает бюрократия в нашем полицейском государстве, – тенденция признать всякое совращение преступным деянием, – будет осуществлена в

жизни, важный по своему смыслу закон 17 апреля, допускающий свободный переход из православия в другое вероисповедание, не произведет, в сущности, коренных изменений по сравнению с предшествующей практикой и сведется лишь к юридической санкции того, что и прежде правительство, считаясь с реальными фактами, принуждено было так или иначе до известной степени признавать. Наше законодательство, запрещая категорически православным, рожденным или вступившим в православие, отступать в другую веру, не решалось, однако, такую вероисповедную закабаленность назвать юридической, так как самый акт отступничества не облагался наказанием: отступник подлежал лишь усмотрению духовного начальства *до вразумления*. Правительствующий же Сенат в последние годы в своих решениях по сектантским делам не делал никакого различия между сектантами коренными от рождения и сектантами некоренными, т.е. отпавшими от православия.

Конечно, юридическое признание того, что и прежде до некоторой степени терпелось в силу необходимости, – само по себе огромный шаг вперед, но такое юридическое признание акта отступничества является, очевидно, плодом государственной тактики, сознания невозможности и опасности лишать сотни тысяч лиц гражданских прав, а не из признания принципов свободы совести, так как свобода совести, т.е. признание невозможности регулировать административно-полицейскими предписаниями наивысший нравственный закон, которым руководствуется человек в своих поступках, конечно, требует свободы пропаганды, свободы доказывать словом и убеждением правоту и истинность данного вероучения.

Итак, для того, чтобы провозглашенная вновь веротерпимость не осталась на бумаге, как это бывало и прежде с аналогичными актами, неоднократно уже в течение двух последних веков русской истории провозглашавшими официально принципы свободы вероисповедания, необходимо произвести коренной пересмотр всего действующего в этой области законодательства, не ограничиваясь только какими-нибудь частичными исправлениями и изменениями. Пересмотр

этот должен быть произведен в том смысле, что навеки должно быть стерто позорное существование религиозной полиции – этого мрачного пережитка инквизиции. Уголовные кары, не соответствующие христианскому учению, не должны применяться к религиозным преступлениям, и единственным способом борьбы с сектантскими «заблуждениями» и распространением новых вероучений, если с ними считают нужным только бороться, должно служить духовное орудие, заключающееся лишь в нравственных убеждениях, а не в «палочных ударах». Надо помнить, что полицейская поддержка только умаляет православие, подрывает в корень его нравственный авторитет и возбуждает к нему, как это признал Комитет Министров, «фанатическую враждебность», как в силе, мертвящей всякое живое, новое слово.

Высказывая подобные desiderata, можно быть уверенным, однако, что в настоящее время такого коренного пересмотра нашего законодательства не может быть совершено, так как это неразрывно связано с проверкой всех устоев современного государственного строя. Только с падением «старого порядка», когда на развалинах его воздвигнутся представительные учреждения и непосредственно раздастся авторитетный голос народа, тогда лишь в России будет провозглашена действительная свобода совести, как неотъемлемое право человека, а не в виде временной тактической уступки по соображениям государственной политики

14 июля 1905 г.

V. В поисках веротерпимости¹⁸

(Поездка к сектантам)

I

«Всеу законы писать,
ежели их не исполнять»

В мае 1905 г. мне пришлось совершить небольшую экскурсию на юг к местным сектантам-рационалистам. Я был среди штундистов Харьковской, Полтавской и Херсонской губерний, т.е. среди тех сектантов, которых огулом зачислили в среду «социалистов» и «революционеров» и так усиленно преследовали за последние годы под благовидным предлогом якобы антиправительственного характера их учения. Преследователи были наивно убеждены в том, что путем репрессий и невероятных штрафов можно заставить этих людей отказаться от своих религиозных верований, идущих в разрез с учением господствующей церкви, заставить их думать не так, как повелевает им совесть и пробудившееся сознание, сумевшее критически отнестись к окружающим явлениям, а так, как этого хочется закоснелой и застывшей в своей мертвой неподвижности правящей бюрократии.

До указа 17-го апреля, когда с провозглашением принципов веротерпимости вероисповедные привилегии распространились и на лишенных прежде самых элементарных религиозных прав штундистов, какое-либо непосредственное знакомство с ними для беспристрастного, научного исследования их быта и мировоззрения было невозможно, всякий, кто являлся к этим сектантам, занесенным в проскрипционные списки политически неблагонадежных, неминуемо зачислялся администрацией в среду тех же «крамольников, и хорошо еще, если такому не в меру смелому исследователю приходилось лишь ограничиться более близким знакомством со всеми прелестями сельских холодных. Только патентованным миссионерам, явным и тайным провокаторам был открыт сюда свободный доступ.

Но вот «всколыхнулось болото стоячее, для России, казалось, наступила новая эра после официального объявления

веротерпимости.

«Не должен царский глас на воздухе теряться по-пустому», наивно думал я, вспоминая слова поэта, когда через месяц по опубликовании Высочайшего Указа о веротерпимости отправлялся из Москвы в глубину России, за тысячи верст от того центра, где пишутся и публикуются указы, гласящие о наступлении обновленной жизни для нашей родины. Однако, многочисленные злоключения, которые я претерпел в течение своего путешествия, доказали мне обратное. Какие-то тайные пружины по-прежнему заставляют и высшие и низшие административные власти действовать совсем в ином направлении, чем им предписывается по тем правительственным актам, о которых доводится до сведения русского общества. Зардевшаяся было заря свободы совести еще не взошла, веротерпимость часто остается лишь на бумаге, а в жизни во многих случаях господствует классическая формула: все обстоит по-старому. Там, где администрацией руководствуют соображения «особливой важности», там по-прежнему царит религиозная нетерпимость, там по-прежнему сохраняют всю свою силу «административные стеснения, прямо в законе не установленные». Лучшим примером может служить знаменитое в судебных летописях село Павловки, Сумского уезда, Харьковской губернии.

Здесь в 1901 г. произошел, как известно, погром: сектанты, доведенные до «исступления и полного отчаяния» невозможными окружающими условиями, совершенно исключительными притеснениями местных властей, пытались разгромить православную церковь с целью освободить сокрытую там будто бы «правду». Эта вспышка религиозного фанатизма дорого обошлась сектантам, – десятки из них понесли суровые наказания и до сих пор еще находятся на каторжных работах в Сибири. Имеющийся в моем распоряжении материал дает возможность в настоящее время выяснить много интересных подробностей, относящихся к этому скорбному событию и не обнаруженных на суд, вероятно, лишь потому, что судебное разбирательство и предварительное следствие, как и во всех аналогичных процессах у нас, велись с вопиющими

нарушениями принципов правосудия; документальные данные раскрывают факты, благодаря которым темная история павловского погрома получает совсем иное освещение, и, быть-может, в ближайшем будущем, выяснив некоторые обстоятельства, предшествовавшие и сопровождавшие погром, ту роль, которую сыграла здесь администрация, удастся обнаружить истинных виновников всего этого происшествия, и окажется, что осужденные, понесшие суровые кары, являлись лишь слепым орудием тех, кому нужно было, как это ни странно сказать, устроить погром. Но об этом старом грехе правящей бюрократии после...¹⁹

Погром совершился, и это событие послужило удобным поводом разбить армию революционеров, каковыми считала павловцев и считает поныне администрация. Дабы преградить в Павловки доступ посторонним веяниям и оградить соседние села от вредного влияния сектантов, это село огораживается какой-то непроницаемой китайской стеной и в буквальном смысле отрезывается от всего окружающего мира. Без разрешения администрации никто не может приехать в Павловки, и никто не может оттуда выехать. На основании Положения об усиленной охране здесь вводится тот полицейский режим, который превращает обывателя в простую игрушку всевластной администрации, – гг. местных урядников, земских начальников, становых и т. д. В Павловках начинает твориться нечто колоссально-вопиющее: обыски, аресты, несоразмерные штрафы, разоряющие население, становятся здесь более чем обычными явлениями. Местный урядник, вдохновляемый предписаниями свыше, делается бесконтрольным царьком и вершителем судеб несчастных павловцев, вверенных его опеке, и, вероятно, никогда еще в другом месте нашей многострадальной родины злоупотребления администрации не доходили до таких гиперболических размеров. Нигде так грубо не попираются неприкосновенность личности и жилища, – во всякое время дня и ночи стражники имеют право врываться в дома сектантов и производить здесь обыски; из опасения какой-либо конспирации всякие сборища сектантов разгоняются, и такими

недозволенными сборищами считается, когда 2–3 сектанта сойдутся для чтения Евангелия; мало того, сектант не может пойти даже к соседу по хозяйственной надобности, – взять нужный ему топор или лемех. Крестьянин нанимает работника себе в помощь для обработки сада – их обоих немедленно арестовывают, везут по начальству за десятки верст, к становому и исправнику; неделя, быть-может, проходит в таких мытарствах, и, в конце концов, земский начальник на основании протокола полиции приговаривает к 50 рублевому штрафу виновных в нарушении обязательных постановлений, действующих в Павловках.

До какого произвола могут доходить иногда «уряднические законы» в Павловках, свидетельствует один характерный факт из жизни местных сектантов, опубликованный В.Г. Короленко на страницах *Русского Богатства*. В № 4-м (1905 г.) этого журнала, в небольшой заметке, посвященной павловцам, под заглавием «О веротерпимости, об уряднике Заичке и о крестьянине Ольховике». В. Г. рассказывает такой случай.

Среди павловцев, оправданных по суду, находится сектант по имени Николай Черняк, на дочери которого женат живущий в 7-ми верстах от Павловок, в с. Речках, крестьянин Иван Ольховик. И вот когда у этого Ольховика является вполне «естественное и законное желание повидаться с тестем, он наталкивается совершенно неожиданно на непреодолимые препятствия, так как оказывается, что и на этот предмет существуют в Павловках установленные местной администрацией особые «временные правила», регулирующие свидания родственников. Чтобы осуществить свое желание, Ольховику надо совершить продолжительное путешествие к уряднику, он должен пройти 14 с лишним верст (само село Павловки, расположенное в одну линию, тянется на протяжении 7-ми верст), рискуя часто не получить разрешения на свидание с тестем. Если урядник Заичка в хорошем расположении духа, то, обыскав Ольховика, ощупав его жену и ребенка, он разрешает зятю посетить тестя. «Но большей частью урядник Заичка – пишет В.Г., – на Ивана Ольховика сердит за его религиозные заблуждения», и в таком случае разрешение

получить не совсем легко. Заставит Заичка просителя несколько часов подождать (зимой бывает, что и на морозе), затем произведет обычный обыск и, смирившись, разрешит жене просителя с ребенком отправиться к ее отцу, но строго накажет десятскому: «Ни в коем разе не пускать к Черняку самого Ольховика, дабы он с тестем не составил немедленно тайного религиозного сообщества и не произвел бунта».

Кажется, дальше этого идти некуда. Если мы обратим внимание на то, что таким невероятным стеснениям подвергаются лица, реабилитированные по суду и не ограниченные по закону в своих правах, то мы легко себе представим, какое жалкое существование приходится владеть павловским сектантам, как невыносимо им жить при таком возмутительном полицейском надзоре за их политической благонадежностью. И нам, русским гражданам, столь уже привыкшим к самым различным проявлениям административного произвола в жизни, все же приходится удивляться той нравственной стойкости, с которой павловские сектанты переносили все эти гонения. Невольно преклоняешься перед мужеством и героизмом тех людей, которые сумели сохранить свои убеждения и нравственную чистоту в этой удушливой развращающей атмосфере полицейского сыска и доноса.

В заметке о павловцах В.Г. Короленко интересовал вопрос, как отразится на павловцах новый правительственный акт, провозглашающий облегчения в деле веры и совести русского народа, как совместятся принципы веротерпимости с принципами полицейского надзора. Лучшим ответом на поставленный вопрос, пожалуй, будет бесхитростное описание моих приключений при посещении Павловок.

Мне пришлось быть там два раза, в начале и середине мая, и оказалось, что веротерпимость еще не коснулась павловских сектантов и что по-прежнему там царит административный произвол.

В Павловки, очерченные как бы заколдованным кругом полицейской опеки, с 1901 г. не проникал никто из посторонних лиц. Не только местные церберы в виде полицейских

стражников, в особенном обилии сосредоточенные в этом якобы «революционном» гнезде, но и каждый обыватель Павловок получил исключительное право арестовывать без объяснения причин вновь прибывшее неизвестное в деревне лицо и доставлять на усмотрение бесконтрольного вершителя местных дел – урядника Заички. Понятно, что при таких условиях всякие попытки проникнуть в Павловки, миновав эти полицейские заставы, оканчивались крайне неудачно. Нам известны две такие неудачные попытки за истекшие четыре года, и обе они окончились весьма печально для смельчаков. Так, пытался однажды посетить Павловки один американец, не знакомый с нашими отечественными порядками; если его миссия к сектантам и не удалась, то он вознаградил себя за то сторицей, ознакомившись с павловскими порядками и лично на себе испытав всю тяжесть этого режима: при въезде в Павловки любопытный американец был немедленно арестован и без дальних разговоров отправлен этапным порядком к харьковскому губернатору. Пытались сюда в другой раз проникнуть и двое из наших наивных соотечественников, недостаточно еще освоившихся с «самобытными устоями» русской жизни, но их судьба была еще более печальна...

Итак, впервые пришлось проникнуть в Павловки мне после официального провозглашения в России веротерпимости. Я явился туда, имея, конечно, в порядке паспортную книжку, помимо этого – удостоверение своей личности и цели поездки в виде корреспондентского билета от редакции *Русских Ведомостей* и, наконец, другие документы, свидетельствующие о моих занятиях по истории раскола и сектантства. Приехал в Павловки я открыто, – можно сказать, с бубенцами, – и ясно было, что прибыл я не в целях какой-либо антиправительственной агитации и что я, конечно, не «забастовщик», каким пытались меня выставить впоследствии некоторые из представителей местного буржуазного крестьянства, из тех, что близко стоят к властям. Моя поездка носила исключительно научный характер, я хотел познакомиться ближе с мирозерцанием и бытом местных сектантов, а потому для меня крайне важно было внушить на

первых же порах к себе доверие со стороны этих забитых и угнетенных людей, привыкших, что к ним приезжают лишь со злым умыслом – выпытать и уличить. Вот почему, имея непосредственно рекомендации к местным сектантам, я не заехал предварительно к сельским властям, что неминуемо вызвало бы подозрение к моей личности со стороны сектантов, и отправился прямо на так называемый князевский хутор (хутор Д.А. Хилкова, подаренный владельцем своим крестьянам, бывшим крепостным), являющийся средоточием местного сектантства. Не считая нужным представиться и отрекомендоваться всесильному г. Заичке. чего, конечно, не должен был делать по закону, я не мог даже предполагать, что такое легкомысленное игнорирование сельских властей может вызвать после объявления веротерпимости какие-нибудь осложнения. Однако такое поведение с моей стороны оказалось для меня роковым.

Приезд мой вызвал сенсацию среди павловцев. Так как ни у кого не могла даже явиться мысль, что какое-нибудь частное лицо осмелится приехать в их зачумленное село, то порешили все-таки, что я – правительственный чиновник. Павловцы не знали о веротерпимости, так как газеты к сектантам не доходят (одно лицо вздумало было присылать знакомым павловцам *Русские Ведомости*, но они были конфискованы, как конфискуются после должной перлюстрации и все те письма, которые покажутся почему-либо подозрительными местному начальству). Администрация и духовенство, конечно, знали о новом правительственном акте, но не считали нужным доводить об этом до сведения сектантов, не имея на то соответствующего распоряжения свыше.

Если в деревне меня приняли за правительственного чиновника, то с другой совсем точки зрения посмотрела на меня местная администрация, у которой приезд незнакомого лица вызвал большое подозрение.

II

Едва появился я в той части Павловок, которая носит название князева, или хилковского хутора, как местный староста дал уже знать полиции о прибытии постороннего лица.

Во двор крестьянина, у которого я остановился, немедленно прибежать стражник и потребовал мои документы. Исполнив требование, я был убежден, что после этого буду вполне свободен в своих действиях и, во всяком случае, не буду подлежать гласному полицейскому надзору. Не так оказалось на деле.

Рассмотрев тщательно мои бумаги, списав кое-что из них, детально разузнав о цели моего странного посещения Павловок, местный блюститель порядка сел рядом со мной. На вопрос, что ему еще нужно от меня, получился довольно лаконичный ответ, что он здесь «по своей надобности». Раздраженный докучливым присутствием полицейского чина, при котором я не мог чувствовать себя свободным, зная, что этот аргус полицейского режима, воплощая собой, «очи и уши государевы», следит за каждым моим словом, за каждым движением и жестом, чтобы в точности обо всем виденном и слышанном донести по начальству, – я предпочел оставить стражника с его «надобностью» в доме и пойти гулять, в надежде, что по возвращении я уже не застану его там. Каково же было мое разочарование, когда молчаливая фигура стражника последовала за мной и стала преследовать, как тень, по пятам. Мое негодование по поводу такого насилия над личной свободой и настоятельные требования, чтобы меня оставили в покое, конечно, не привели ни к каким результатам. Стражник стерег меня, ожидая распоряжения от высшего начальства, которое должно было вскоре прибыть.

Так провел я два часа и стал уже приходить в отчаяние, как увидел другого человека в полицейской форме. Я встретил его, как спасителя, но – увы! это оказался лишь простой стражник, почему-то вновь потребовавший, чтобы я предъявил ему свои документы.

– Но ведь я уже показывал их и вовсе не желаю удовлетворять простое любопытство. Я покажу лишь в том случае, если потом буду свободен от вашей непрошенной полицейской опеки и шпионства.

– Покажите документ, а там посмотрим, как быть, – ответил авторитетно мне стражник.

Поняв по тону, что это «начальство» более высокого разбора, чем первое, в надежде на более благоприятное разрешение возникшего конфликта, я удовлетворил его желание. И вот снова повторилась та же комедия с осмотром моих бумаг. Тщательно рассмотрев их, что-то записав, стражник № 2-й занял такую же наблюдательную позицию, как и первый. Таким образом, мое положение изменилось лишь в том, что у меня вместо одного явилось два земных ангела хранителя.

– Что вам от меня нужно?

– Сейчас сам урядник приедет, – получал я все тот же лаконический ответ.

Никогда я так не жаждал увидеть полицейского чина, как в данную минуту, так как приезд павловского царька должен был, по моим соображениям, вернуть мне неожиданно утерянные права свободы.

Время шло, проходили часы, а избавителя моего все не было. Потеряв всякую надежду увидеть его, я решил лично посетить его резиденцию за несколько верст от хилковского хутора. Но здесь меня ждало жестокое разочарование: урядника не было дома, – он был в отъезде, и никто не знал, когда он вернется.

Дело приближалось к вечеру, и мне так или иначе необходимо было выяснить свое положение: арестант ли я, или свободный человек. В конце концов, я получил разрешение переночевать в Павловках у того домохозяина, к которому я приехал, и утром уже предстать пред светлые или, быть-может, грозные очи павловского властителя. Итак, мне не угрожал сельский клоповник, я мог переночевать в простой крестьянской избе, при одном, впрочем, условии, что здесь же будут присутствовать и стражники. Другими словами. я был арестован, но как лицу, принадлежащему к привилегированному сословию, мне были предоставлены некоторые преимущества. Такая перспектива мне мало улыбалась, почему я предпочел немедленно же ехать для выяснения обстоятельств дела к местному становому приставу, обитающему за 20 верст от Павловок, в заштатном городке Белополье. После долгих пререканий и по этому поводу мне удалось, наконец, добиться

разрешения ехать к становому и выхлопотать за приличествующее вознаграждение земских лошадей, которых мне не хотели давать в виду того, что я еду не по казенной надобности. Надо ли говорить, что и к становому приставу я был препровожден с соответствующей стражей.

Уже ночью под проливным дождем прибыли мы в город.

– Чем могу служить? – любезно спросил меня становой пристав г. Лебов и, выслушав мою жалобу, объяснил, что мой арест совершился лишь по недоразумению, единственно благодаря невежеству низшей полицейской власти, которая переусердствовала в исполнении своих обязанностей и которой при всем желании невозможно внушить разумное поведение.

– Имея в порядке документы, вы, конечно, могли пребывать в Павловках, сколько вам было угодно, – закончил становой. – Зачем ты их привез сам? – обратился он резко к охранявшему меня стражнику. Но последний, вытянувшись во фронт перед начальством и виновно моргая глазами, упорно молчал, понимая, очевидно, что он сделал именно так, как надо было сделать, и что окрик начальства дан лишь для вида.

– Если те злоключения, которые я претерпел, произошли лишь по недоразумению, то завтра я еду обратно, а вы со своей стороны не откажите, пожалуйста, сделать соответствующие распоряжения, дабы мне больше не чинили препятствия в Павловках.

– А позвольте узнать о цели вашей поездки? – спросил становой, пристально глядя на меня прокурорским взором, и, узнав, что еду к сектантам, решительно заявил, что в таком случае он не может позволить мне ехать в Павловки.

– Но вы только что сами сказали, что я могу беспрепятственно проживать в Павловках, раз у меня все документы в порядке, а теперь вдруг запрещаете знакомиться с сектантами, с которых 17-го апреля Высочайшей волей снят прежний запрет.

– Не имея никаких еще предписаний по поводу применения нового закона, я не могу вам своею властью разрешить посещения Павловок, которые находятся у нас в исключительном положении усиленной охраны после погрома

1901 г., и таким образом брать на себя ответственность за могущие произойти последствия. Впрочем, если вы интересуетесь воззрениями павловцев, то позвольте вам предложить свои услуги. Поедьте вместе и в Павловки, и в соседнее село Искрисковщину, где появился штундизм. Местные сектанты меня очень любят, зная мое хорошее и участливое отношение к ним. И поверьте, они так же охотно будут беседовать, нисколько не скрывая своих убеждений, в моем присутствии.

Однако для моих целей становой находил эти посещения совершенно бесполезными, так как, по его мнению, я ничего не могу вынести из знакомства с местными сектантами, которые, в сущности, вовсе не сектанты, а чистой воды революционеры.

Поблагодарив за любезность, я тем не менее должен был, конечно, отказаться от услуг г. Лебова, так как вряд ли представляли бы большую ценность мои научные изыскания, прошедшие чрез полицейский фильтр. Однако я не сомневался, что сектанты действительно были бы искренни в своих беседах и в присутствии станового пристава, не столько, пожалуй, из любви к этому представителю местной администрации, сколько из убеждения, что они не имеют права скрывать своих мыслей и веры, что они должны проповедовать истину и правду и открывать таким путем глаза темным, погрязшим в своих предрассудках людям. Но в таком случае, очевидно, моя беседа носила бы характер прямого провокаторства.

После долгих и настойчивых с моей стороны требований и доказательств, что я имею законное право быть в Павловках, в конце концов становой пристав разрешил мне поехать туда на несколько часов и посетить дом того сектанта, у которого я уже был. Если же мне вздумалось бы побеседовать еще с кем-либо из местных сектантов, то в этом случае разрешалось вызвать намеченное лицо на квартиру урядника или местного священника. Желая, во что бы то ни стало, проникнуть в Павловки, я решил поехать туда, хотя на несколько часов и просил станового дать мне на это *письменное* разрешение. В этом почему-то мне было отказано и было дано лишь устное приказание сопровождавшему меня стражнику.

Итак, я вновь в Павловках и снова не застаю урядника.

Я непроизвольно принужден был ждать его приезда у ворот дома, так как стражники по-прежнему не отпускали меня ни на шаг и не разрешали отправиться к тому Андрею Павленко, посетить которого мне разрешил становой. Но вот, наконец, приехал brave хозяин Павловок. Любезно приняв меня, он сказал, что готов оказать мне всякое содействие для успеха моих научных исследований. Он познакомил меня со своей точкой зрения на сектантство, с плодотворной миссионеро-полицейской деятельностью местной администрации и т. д. и, наконец, обязался вызвать для личных собеседований любого сектанта. Я попросил лишь привести в исполнение распоряжения станового пристава и допустить меня в дом Андрея Павленко.

– Этого я не могу разрешить, так как никаких подобных предписаний от станового пристава не получал, – к моему удивлению ответил урядник.

Я потребовал тогда очной ставки с тем стражником, при котором становой давал свое разрешение, и, когда последний подтвердил мои слова, г. Заичка, сильно колеблясь и недоумевая по поводу такого странного разрешения, принужден был все же дать свое согласие, заявив, что в таком случае, и он меня будет сопровождать. Тут уже я возмутился до глубины души и категорически запротестовал: зачем я был введен в обман, зачем меня заставили еще раз понапрасну прокатиться в Павловки, тратить зря и время и деньги..

– За кого, однако, вас примут, что подумают в деревне, если вы приедете без сопровождения стражи?

– Вероятно, ничего особенного не произойдет; из моих объяснений сектанты поймут, что с объявлением веротерпимости в России устраняется прежний ненормальный порядок, устраняются все существовавшие ранее административные стеснения в области веры, и не только в Павловки может ныне открыто приезжать каждый русский гражданин, но и они сами могут собираться для чтения Евангелия и для обсуждения своих дел, не спрашивая на то разрешения начальства.

Я успокоил, впрочем, бдительность местного администратора клятвенным обещанием не заниматься какой-либо агитацией, да, впрочем, ему не зачем было особенно беспокоиться: ведь становой пристав разрешил мне посетить лишь один сектантский дом, в котором я был уже накануне и, следовательно, успел, нисколько, конечно, не стесняясь присутствием стражников, рассказать о новых веяниях и о провозглашенной ныне веротерпимости. Я нарочно даже говорил об этом в присутствии низшей администрации, дабы и она знала, что все поползновения ее на свободу совести местных обывателей даже по приказанию высшего начальства будут прямым нарушением закона, искажением Высочайших предначертаний.

Предъявлять maximum требований иногда, оказывается, бывает полезно, – есть всегда в таком случае надежда получить, по крайней мере, minimum. Заичка уступил.

– Если вы настаиваете, чтобы непременно ехать одному, так поезжайте, но, во всяком случае, стражник вас проводит до околицы двора Павленко, чтобы в деревне не подумали, что вы приехали без разрешения администрации и имеете право посещать сектантов. Стражник будет ждать окончания вашей беседы и проводит вас обратно. Потрудитесь также оставить здесь вашу корзинку (это был погребец). У вас нет там нелегальной литературы?

Я предложил уряднику осмотреть мой погребец, но тот сказал, что в этом нет никакой надобности, а, во всяком случае, лучше во избежание недоразумений не брать с собой корзинки. Я был послушен и отправился на разрешенную двухчасовую беседу.

Итак, мне пришлось сделать несколько сот верст, претерпеть массу треволнений для того, чтобы с трудом добиться разрешения повидать *бывшего* сектанта, который ныне числится уже верным сыном господствующей церкви, побеседовать с ним в течение двух часов, видеть его жену и двух малолетних детей.

Таково было первое мое знакомство с новой веротерпимостью, но приключения мои в поисках за этой

бумажной веротерпимостью далеко еще не окончились описанным инцидентом.

III

После неудачной поездки в Павловки я отправился из Сумского уезда в более спокойные места и посетил уезд Волчанский. Но и здесь меня преследовал рок.

Был праздничный день, когда я прибыл в с. Хотомлю, лежащее в 25-ти верстах от заштатного города Чугуева – знаменитого центра аракчеевских военных поселений. Tempora mutantur: там, где некогда господствовала все нивелирующая военная субординация, ныне пышно расцвело сектантство с его критическим отношением к окружающим явлениям жизни; там, где деды должны были верить и мыслить по капральской указке, самостоятельно создаются теперь новые формы народного мирозерцания, разлагающие атмосферу прежних предрассудков и отживших понятий. К одним из таких новаторов в крестьянской среде я и направился.

Случилось так, что в виду праздничного времени мне удалось проскользнуть незамеченным чрез полицейские заставы. Я пробыл целый день среди сектантов, и только к ночи полиция узнала о моем присутствии в селе. Начался переполох. Отыскивая меня, полиция, как говорят, произвела повальный ночной обыск сектантских домов. Она искала меня в жилых и нежилых помещениях, в сараях, погребах и т. д. Но так ей и не удалось в эту ночь меня найти, – я отправился ночевать к местному землевладельцу А. М. Бодянскому, пользующемуся большой известностью среди местных сектантов и живущему в с. Гремячах, верстах в семи от злополучной Хотомли.

Вероятно, и здесь я не встретил бы затруднений, если бы на мое несчастье по дороге не натолкнулся на местного полицейского стражника, совершавшего приятное *partie de plaisir*. Из Хотомли я возвращался вместе с А.М. Бодянским, и везла нас, конечно, известная всей администрации жена одного сектанта. При таких условиях моя личность показалась стражнику слишком подозрительной, и он немедленно последовал за нами. Явившись в усадьбу и исполнив все формальности по осмотру моих бумаг, причем кабалистическая

надпись на моей визитной карточке: Кудрино, 1,30, вызвала еще большее подозрение у мудрого охранителя общественной безопасности, стражник отправился с донесением по начальству, т.е. в ту самую Хотомлю, откуда я только что вернулся.

Ночь прошла спокойно, очевидно, власти совещались о мерах, которые надо предпринять по отношению ко мне. Рано утром, чуть свет, в усадьбе вновь появился стражник, бывший накануне, и потребовал мои документы: снова они рассматривались самым тщательным образом, снова что-то записывалось, снова я должен был излагать мотивы, руководившие мною в желании посетить местных сектантов, снова я должен был давать бесконечные объяснения, втолковывать и разъяснять насколько возможно полицейскому начальству о цели моей поездки. И вот это полицейское начальство, от благоусмотрения которого до известной степени зависит оценка политической благонадежности и нравственных качеств местных обывателей и приезжих лиц, при всем желании не могло переварить в своем уме термин: корреспондент *Русских Ведомостей*. Все, что я говорил, казалось ему, очевидно, непонятной и чрезвычайно подозрительной тарабарщиной. Ясно было, что мне не доверяли и приписывали какие-то особые побуждения.

К счастью моему, я должен был, не дожидаясь, пока разъяснятся недоумения стражника, немедленно ехать в Чугуев. Не прошло и полчаса после моего отъезда, как дом был окружен многочисленной бандой полицейских: сам урядник с 10-ю стражниками явился, чтобы уловить меня на месте. Говорят даже, что полиция намеревалась проникнуть в запертый дом, предполагая, что я там скрылся. Теперь стало понятно, почему мне удалось спокойно провести ночь: власти стягивали свои силы для поимки такого важного «преступника», каким, по всей видимости, я представлялся в их глазах. Зачем понадобились, однако, такие экстраординарные меры, зачем надо было производить эту облаву на человека, который и не думал скрывать ни своей личности, ни цели своей поездки, – конечно,

объяснить трудно: очевидно, и здесь власть переусердствовала в слишком рьяном исполнении своих обязанностей.

Во всяком случае, узнав о происшедшем, я не рискнул возвращаться в столь негостеприимные места; не без основания я мог предполагать, что там меня ожидает арест, быть может, с угрозой даже быть обвиненным в сопротивлении властям. Очевидно, было, что находящиеся у меня бумаги не могли гарантировать личной безопасности; зная, как рискованно иногда бывает знакомство с сельскими холодными, я решил обратиться непосредственно к высшей административной инстанции за специальным разрешением посещать сектантов. Я отправился к харьковскому губернатору.

Генерал-майором Старынкевичем я был принят весьма любезно. Рассказав о своих мытарствах и объяснив цель своей экскурсии, я просил губернатора оказать мне возможное содействие, гарантировав, по крайней мере, впредь личную неприкосновенность и оградив от дальнейших эксцессов административного произвола, от которого я претерпел уже в достаточной мере. С этой целью я ходатайствовал о выдаче мне на руки бумаги, удостоверяющей за подписью высших административных властей мою личность и обеспечивающей мне, таким образом, беспрепятственное посещение сел и деревень Харьковской губернии для ознакомления с местными сектантами и невмешательство со стороны низшей администрации. Именно в такой бумаге естественно я видел для себя единственную гарантию, так как, судя уже по бывшим инцидентам, я легко где-нибудь мог натолкнуться еще на большие осложнения вплоть до избиения включительно, и, конечно, было бы слишком мало утешительным получить извинения и соболезнования от высшего начальства *post factum* и уверения, что все неприятности, происшедшие со мной, произошли лишь по недоразумению, благодаря некультурности низшей администрации.

Губернатор – *homo novus* в здешних местах, по всей видимости, был в некотором сомнении и не знал, как поступить со мной: по закону, конечно, нельзя было наложить *veto* на мою поездку, неудобно было сделать это и по тактическим

соображениям после объявления веротерпимости, неудобно, тем более, что я являлся представителем печати и моя поездка носила характер научного исследования.

Тем не менее, после продолжительных переговоров, тянувшихся в течение трех дней, я получил, наконец, разрешение посетить намеченные мною села. Выдать мне на руки просимую бумагу, впрочем, не сочли возможным, найдя, что это придавало бы слишком официальный характер моей поездке и могло бы создать нежелательный прецедент, пользуясь которым различные агитаторы стали бы ездить по деревням с подложными губернаторскими бумагами. Меня попросили в канцелярии губернатора определить точно те уезды и села, которые я намереваюсь посетить, и затем за мой счет дали соответствующие телеграммы местным исправникам с предложением не чинить мне препятствий при посещении сектантов в поименованных селах. Когда я вздумал переменить несколько маршрут, это вновь вызвало осложнения, вновь пришлось ходить по канцеляриям, вновь объясняться и доказывать.

По губернаторской бумаге я обязывался предварительно являться к местному исправнику, уже от исправника получать удостоверения к становому, от станового к уряднику и т. д. Легко себе представить, какую массу времени я должен был тратить совершенно непроизводительно, сколько напрасных осложнений должно было встречаться у меня на пути.

Но как бы то ни было благодаря губернаторскому предписанию я получил, в конце концов, возможность более или менее беспрепятственно обследовать быт сектантов Харьковской губернии.

IV

Заручившись санкцией высшей администрации, я решил еще раз поехать в Павловки.

Чтобы попасть туда, я должен был предварительно заехать в г. Сумы к исправнику, представиться ему и получить удостоверение в Белополье к становому приставу. В Сумах я попытался было проникнуть в тюрьму к сектантам, осужденным незадолго перед тем на поселение в Сибирь, но в этом мне

было отказано, как было в той же просьбе отказано одному из местных адвокатов. Непонятная жестокость бюрократической канцелярщины! Эти люди нуждались, несомненно, в юридической помощи со стороны компетентного лица, так как на суде, надеясь на помощь от Бога, они отказались от помощи людской. И свергнутые с небес на землю, быть может, они пошли бы теперь на компромисс и могли бы вовремя подать кассационную жалобу...

Потерпев эту неудачу, я отправился в Павловки. Сумский исправник, не посвященный в тайны канцелярии харьковского губернатора и, не зная, очевидно, о возникших там опасениях по поводу моей просьбы выдать мне на руки удостоверение о моей личности, нисколько не затруднился на основании губернаторской бумаги выдать мне письменное разрешение на посещение с. Павловок и Искрисковщины.

С этой бумагой я явился к становому приставу. Казалось бы, что после санкции со стороны высшей местной администрации не могло уже возникнуть никакого затруднения; казалось бы, все подозрения и все сомнения относительно меня были сняты и уничтожены. Но – увы! – это только казалось, и снова я должен был вступать в бесконечные разговоры, объяснения и пререкания.

– Вам позволено посетить Павловки и Искрисковщину, – сказал становой, тщательно рассмотрев бумагу исправника, – но в бумаге нигде не сказано, что вам разрешается посещать дома сектантов и вступать с ними в беседы. Относительно посещения означенных селений и ранее не делали вам никаких препятствий. Я предлагал вам ехать со мной лишь потому, что не мог брать на себя ответственность за вашу безопасность: сектанты такой народ, что они легко могли бы вас убить, раз вы явились бы к ним без сопровождения полиции. Если стражники в Павловках по отношению к вам несколько узурпировали свою власть то их надо извинить, принимая во внимание, что в настоящее тревожное время приезд незнакомого лица, вступающего в сношения с сектантами, неминуемо должен вызывать большие подозрения. Я с большой охотой разрешаю

вам проехать еще раз в Павловки и побыть там несколько дней, но не могу вам разрешить посещение сектантских домов.

– Согласитесь, однако, что если бы у меня не было разрешения вступать в личные беседы с сектантами, я не стал бы трепаться за несколько сот верст из простого удовольствия приехать в Павловки и в третий раз иметь счастье разговаривать с одной лишь местной полицией. Телеграфируйте губернатору, который разрешил мне обращаться непосредственно к нему, в случае если я встречу какие-либо препятствия со стороны администрации.

Долго мы так беседовали со становым приставом, и, наконец, я получил рекомендательные карточки к местным урядникам, с предупреждением, однако, чтобы я не вздумал для бесед собирать сектантов в большом количестве.

Выйдя, таким образом, из всех этих конфликтов победителем, на другое утро я отправился в Павловки.

На мое счастье со мной вместе поехал в Павловки бывший в то время в Белополье председатель сумской уездной земской управы П.М. Линтварев, который также любопытствовал взглянуть на «разбитую армию». Это обстоятельство значительно облегчило условия моей поездки и, придав ей некоторую авторитетность, избавило от многих еще бесплодных и лишних разговоров, которые иначе мне предстояло бы вести, вероятно, не раз в пути с местными начальствами.

Прибыв в Павловки, мы, конечно, прямо проехали к сектантам. Немедленно прибежал стражник и, справившись о личности моего спутника (я для него был уже старый знакомый) молчаливо занял свой наблюдательный пост. Я показал ему разрешительную бумагу исправника, он прочитал ее и остался наблюдать. Как долго продолжалось бы это, не знаю, но мы, наконец, настойчиво и решительно потребовали, чтобы он с данной мне визитной карточкой станового пристава отправился к уряднику. Стражник повиновался.

Вскоре приехал и сам Заичка. Еще более любезен был со мною местный администратор, выказывая полную готовность оказать всякое содействие. Пожелав мне успеха, он отправился

в деревню, а вместе с ним оставили свои открытые наблюдательные позиции и стражники.

Облегченно вздохнул я, получив после стольких мытарств возможность провести целый день глаз на глаз с сектантами и беседовать с ними в отсутствии полиции. Дух полицейский, конечно, продолжал витать повсюду кругом: с меня снят был лишь гласный надзор, но стоило выглянуть в окно, чтобы увидеть подслушивающего стражника, стоило отойти несколько шагов от дома, чтобы снова увидеть того же стражника, скрывающегося в траве в лежащем положении. И особенно это шпионство усилилось, когда стало темнеть, и в избу, где я остановился, собралось несколько сектантов.

На такие действия полиции я не мог, конечно, претендовать: несмотря на губернаторское разрешение, она видела во мне все же человека не своего лагеря и чутьем угадывала, что я на стороне бесправного, т.е. сектантов. Докучливый негласный полицейский надзор, раздражая несколько, не мог, впрочем, особенно мешать моим беседам, и потому я против него ничего даже не имел: по крайней мере администрация, предприняв с своей стороны все возможные меры предосторожности, могла более не беспокоить меня своим назойливым присутствием. Любопытная деталь: случайно или нет, но в тот же вечер в Павловки прибыл и становой пристав по своим служебным обязанностям; с ним же я встретился на другой день в соседнем селе Искрисковщине.

Итак, троекратная попытка проникнуть в заколдованные Павловки в конце концов увенчалась успехом, но я получил возможность приехать в это русское село не потому, что имел на это неоспоримое право, принадлежащее каждому русскому гражданину, и не потому, что объявленная правительственным актом веротерпимость уничтожила все существовавшие ранее ограничения, нет, — я был допущен туда лишь в силу исключительных условий, в силу тех уполномочий, которые я имел от известных общественных учреждений. Надо ли говорить, что если бы какое-нибудь постороннее лицо вздумало явиться в Павловки только на основании объявленной

веротерпимости, не заручившись предварительно санкцией высших административных властей, которая, в свою очередь, была бы дана лишь в том случае, если бы это лицо было облечено авторитетными уполномочиями, то его постигла бы столь печальная участь, как некогда любопытного Американского корреспондента.

Вот ответ на вопрос, которым интересовался В.Г. Короленко, – как отразится новый правительственный акт о веротерпимости на положении павловских сектантов.

Когда я был в Харькове и беседовал с губернатором, я поинтересовался, между прочим, узнать: на каком, в сущности, основании по прошествии более месяца после издания закона 17-го апреля с павловских сектантов все еще не сняты административные стеснения, наложенные еще в тот период, когда правительство и в теории считало возможным бороться с распространением религиозных вольномыслии единственно только путем полицейских мероприятий.

Довольно характерный ответ услышал я от представителя местной власти: на практике новый закон приходится применять с большой осторожностью; если объявить по губернии циркулярным предписанием о снятии с сектантов административного надзора, то урядники и вся остальная низшая администрация, пожалуй, поймут эту свободу в том смысле, что теперь должна оставаться ненаказуемой и кража (?). «В моих словах, продолжал губернатор, нет преувеличений. Что сделаешь, раз эта администрация так невежественна и некультурна и часто вместо охранения прав обывателей позволяет себе прямое их нарушение. При нашем же безденежье мы не имеем возможности обзавестись более интеллигентной полицией.

Итак, по мнению губернатора, все дело лишь за сменой личного состава полиции. Так ли это в действительности? Одна ли низшая администрация виновата в том беззаконии и произволе, которые сделались характерной чертой современного государственного строя? Не лежит ли центр тяжести в том именно режиме, который питает и вдохновляет администрацию, и раз всю вину не пытаются свалить на

невежество низшей полиции, не подписывается ли тем самым приговор и тому порядку, при котором допустимо столь ненормальное явление, когда какой-нибудь заведомо некультурный полицейский чин становится почти бесконтрольным вершителем местных дел? Мало того, от этого лица зависит оценка политической благонадежности местных обывателей, и кто не знает, какие тяжелые нередко последствия может повлечь за собой неблагоприятный отзыв местного цензора нравов, компетентность которого совершенно дискредитируется отзывами самого начальства?

Как ни совершенствуется отдельными представителями местной администрации – от урядника до губернатора включительно – русское законодательство, источником этих усовершенствованных мероприятий являются те министерские предписания, в которых постоянно встречаются одни и те же роковые мотивы «особой важности» – государственная безопасность. И если таких мотивов в наличности нет, то их надо «сфабриковать», как цинично советовал еще полвека назад один из «приказчиков» Луи-Наполеона, парижский префект полиции Мопэ...

Крайне интересно узнать, как все-таки отразится правительственный акт 17-го апреля на положении местных сектантов, какие, например, изменения произойдут во взаимных отношениях урядника Заички, крестьян Ивана Ольховика и Николая Черняка? Неужели и теперь свидания зятя с тестем будут встречать затруднения? Об этом, вероятно, мы скоро узнаем. Харьковский губернатор предполагал лично посетить Павловки, чтобы установить более или менее правильное взаимодействие принципов веротерпимости с полицейским надзором.

Быть может, харьковскому губернатору, не разделяющему общий всей полиции взгляд на сектантов, как на революционеров, и удастся эта сложная миссия, но постороннему наблюдателю, испытавшему лично на себе всю тяжесть местных порядков, это представляется невозможным. Меня, по крайней мере, эти порядки привели совершенно в угнетенное состояние.

Когда, окончив свои странствования в Павловки, я направился к другим сектантам в Полтавской и смежной Херсонской губерниях, мне всюду стали мерещиться полицейские стражники и всюду казалось, что за мной следят, как за подозрительным лицом; когда же полицейский чин появлялся наяву для снятия с меня допроса, я сам начинал в себе видеть важного преступника, и мне уже грезились различные преследования и гонения. Недурное самочувствие для научного исследования! Впрочем, такие опасения имели всегда под собой реальную почву: в перспективе у меня всегда были осложнения с полицией, даже там, где, казалось бы, мой приезд не мог вызывать уже никаких сомнений.

Я ездил преимущественно по селам, где сосредоточивались сектанты-баптисты, т.е. находился среди чистых евангеликов, которых при самых больших натяжках совершенно уже нельзя заподозрить в революционизме, так как все их помыслы обращены на отыскание Царствия Божия; все мирские заботы, все земные дела они игнорируют; все это – суета. И когда, однако, я приезжал к этим сектантам «не от мира сего», мне приходилось наталкиваться на обычные полицейские препятствия: администрация стерегла «самое мое дыхание», как выражался еще Сперанский в ссылке. У меня не хватало больше энергии бороться с этими препятствиями, и я изощрялся лишь в том, чтобы правдой или неправдой как-нибудь избежать сношении с полицией, увернуть от ее бдительного ока и избавиться, таким образом, по возможности от бесконечно скучных разговоров и объяснений. Нигде в деревнях я не ночевал, предпочитая хотя бы ночью и за десятки верст ехать в город или на станцию.

Вот какие затруднения приходилось мне преодолеть для достижения своей цели, и мне невольно вспомнилось, что в 80-х годах, в этот период расцвета полицейско-бюрократического режима, А.С. Пругавин, как значится в его биографии, помещенной в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза, должен был прекратить свои исследования быта сектантов вследствие преград со стороны администрации²⁰.

Прошло почти четверть века, Россия накануне обещанных широких реформ, и, тем не менее, атмосфера для научного исследования не изменилась. Когда же будет конец этому мертвящему гнету? Когда исчезнет кошмар, тяготеющий над совестью и мыслями русского народа?

Июнь 1905 г.

VI. Веротерпимость и сектанты в Павловках

Описанные выше мои странствования «в поисках веротерпимости» и посещения с. Павловок служат, кажется, довольно наглядной иллюстрацией того, как хорошо совместились у нас принципы официально провозглашенной веротерпимости с практикой неослабевающего полицейского надзора.

Такое странное на вид совместительство не может, конечно, удивить русского гражданина, уже достаточно привыкшего к самым причудливым и своеобразным комбинациям, которые легко культивируются, по мнению правящих сфер, в стране с *самобытными* устоями государственной и общественной жизни. Тем не менее, интересно было бы выяснить те мотивы «особливой важности», которые побуждают держать в прежнем угнетенном состоянии павловских сектантов и выделять их из той среды, на которую простерлись вероисповедные привилегии указа 17 апреля.

Стоит обратить внимание лишь на то, что павловцы с момента зарождения в их среде религиозного вольномыслия принадлежали к секте «толстовцев», чтобы понять, как далеки были всегда их мысли и чувства, блуждающие в сфере немирских потребностей духа, от идеологии активных борцов за политическую и общественно-экономическую свободу в России, как далеки были они своею проповедью принципа «непротивления злу» от программы и тактики революционно-прогрессивных партий. Не ясно ли, что здесь нечего было страшиться, нечего страшиться и теперь того красного призрака революции, которая мерещится нашей правящей бюрократии, растерявшейся перед грозным натиском объединившихся общественных сил и всплывающих на поверхность жизни так долго сокрытых в недрах народа требований прав и свободы, там, где ее не заметило бы и самое недремлющее око прокурора.

Является ли, наконец, самый факт погрома 1901 г. достаточным оправданием для тех исключительных

полицейских мероприятия, которые были предприняты по отношению к павловским сектантам? Но как раз эти-то исключительные меры и создали в свое время благоприятную обстановку для погрома; сохранять их – это значит обострять лишь положение и поддерживать прежнее брожение. Если сектанты-рационалисты могли некогда поддаться временному мистическому экстазу, если их искания новых путей и неудовлетворенность отжившими, старыми понятиями вылились в уродливую форму религиозного фанатизма, то этому скорбному явлению, главным образом, надо искать объяснения именно в том ненормальном правовом положении, в которое попали сектанты с неустановившимся еще мирозерцанием, когда они были заключены в удушливое кольцо полицейской опеки и не могли услышать живого, правдивого слова, естественный процесс развития и выработки системы нового вероучения был насильственно прерван административно-полицейским вмешательством, и, таким образом, работа рвущейся вперед мысли, стесненная невозможными политическими условиями общежития, не могла найти себе выхода, – отсюда погром.

Религиозное возбуждение, проявившееся в столь резкой форме четыре года назад в Павловках, давно уже потеряло свой острый характер. Прежние руководители сектантов давно уже томятся «в глубине сибирских руд» и зловещих тюрем. Какие же мотивы можно теперь привести для сохранения в прежней силе мер жестокости и притеснения? Таких мотивов нет! И каждое новое ограничение явится вопиющим нарушением неотъемлемых прав каждого человека на внутреннее самоопределение. Быть может, наше правительство боится снять оковы прежнего запрета из опасения, что разбитая армия сектантов вновь пополнится свежими силами, лишь только свобода совести, мысли и учения не будет наталкиваться на подводные камни в виде полицейских репрессалий, и что тогда господствующая церковь, давно уже надевшая чиновничий мундир полицейского государства и потерявшего силу нравственного авторитета, и *официальное* вероисповедание, которое, по мнению наших охранителей, лишь одно «может

нести истинный свет христианства», не будут в состоянии противодействовать живым силам новых вероучений? Но где же тогда религиозная свобода, провозглашенная правительственным актом 17 апреля?

Неужели еще в наши административные и законодательные сферы не проникло сознание, что истину нельзя внушать кулачными мероприятиями? Какое жалкое неведение! Чего же ждать, однако, от той недальновидной и близорукой в своей оппортунистической политике правящей бюрократии, которая под напором общественных требований сочла нужным пойти на временные уступки и согласиться на словах на раскрепощение от прежней религиозной кабалы в убеждении, что с успокоением умов удастся вернуться к испытанным уже порядкам полицейского государства.

14 июля 1905 г.

VII. Правительственная веротерпимость и административная практика

Из всех реформ, обещанных русскому обществу, доньше, казалось бы, осуществлена лишь одна: провозглашена веротерпимость.

Но едва эта реформа, совершенно не затрагивающая прерогатив верховной власти, столкнулась с жизнью, как к ней применены были обычные приемы еще всесильной бюрократии: на первых же порах указ 17 апреля подвергся существенным урезкам. Выше был уже отмечен циркуляр министра внутренних дел, предписывавший местным административным властям сохранять в прежней силе стеснения по отношению к сектантам, раз только налицо будут мотивы «особливой важности». Прошел еще месяц, и появилось новое административное распоряжение.

Указ 17 апреля предоставил adeptам господствующего вероисповедания менять по желанию веру; в виду этого Министерством Внутренних дел ныне выработаны особые временные правила, регулирующие отступления от православия. По министерским правилам, православные, желающие перейти в одно из инославных христианских исповеданий, должны предварительно подать об этом заявление местному губернатору, на которого возлагается обязанность выяснить чрез православное духовное начальство, какими причинами вызывается предполагаемый переход и приняты ли были меры увещания по отношению к отпадающему; затем уже, в случае безуспешности увещания, заявлению дается дальнейшее движение. Для лиц, только номинально числящихся в православии, в действительности же издавна исповедующих другое исповедание, вопрос разрешается несколько проще: губернатор, удостоверившись теми средствами, которые он находит наиболее целесообразными, что означенные лица действительно в данное время принадлежат к уклонившимся от православия и что сами они или предки их исповедовали инославную

христианскую религию или то нехристианское вероучение, к которому они желают быть причислены, передает заявление на усмотрение подлежащей инославной или иноверной духовной власти.

Ясно, что применение этих правил в жизни означает, что в подавляющем большинстве случаев разрешение на переход из православия в другое вероисповедание будет всецело зависеть от *усмотрения* административных властей, и здесь, следовательно, будет открываться широкое поле для административного произвола. Вместо свободы перехода по указу 17 апреля получается нечто совершенно несообразное, почти прежняя закабаленность. Настоящее министерское предписание, отличающееся своей обычной неясностью, не устанавливает ни срока, в течение которого отпадающий подлежит увещанию со стороны духовного начальства, т.е., проще сказать, особого рода сыску (по действовавшему до 17 апреля законодательству такое увещание продолжалось до *вразумления!*), ни в сущности тех мер, к которым может прибегать в каждом отдельном случае губернатор, так как весьма растяжимое понятие «целесообразности» допускает часто слишком уже широкое толкование, способное в конце концов оправдать всякие меры до преследования за веру включительно.

Министерские правила, идущие таким образом вразрез с понятием свободы совести и, несомненно, отнимающие почти всякое реальное значение у закона 17 апреля, вызваны якобы необходимостью оградить интересы православия в виду возникшей пропаганды со стороны представителей инославных исповеданий и нередко насильственного совращения ими членов господствующей церкви. Не является ли, однако, такая мотивировка одним из тех благовидных предлогов, которыми пользуются правящие сферы для проведения своих контрреформ?

Неужели наша господствующая церковь, столь властно поставленная в жизни, действительно нуждается еще в каких-то исключительных мерах охраны? Не чрезмерно ли и так страдает православие от административно-полицейской опеки?

Вероятно, это кажется лишь публицистам Страстного бульвара, взявшим на себя неблагоприятную обязанность охранять неприкосновенность господствующей веры и так горячо доказывающих на страницах *Московских Ведомостей*, что закон 17 апреля нанес ущерб православию.

Как свидетельствуют многообразные факты текущей действительности, в поддержке нуждаются именно те «религиозные отщепенцы» господствующей церкви, которые остались все в том же бесправном положении, как и прежде, несмотря на объявленную веротерпимость.

Скажут, быть может, что новые министерские правила и циркуляры имеют характер лишь временной меры, действующей до тех пор, пока особые совещания, на которые возложена задача привести принципы веротерпимости в соответствие с существующим законодательством, не закончат своих работ в этой области; но можно ли ждать каких-либо благоприятных результатов от тех мытарств и фильтрации, которым подвергается закон 17 апреля в петербургских канцеляриях и особых совещаниях? Не с большими ли основаниями, судя по составу образованных совещаний, можно предполагать, что по завершении работ объем указа 17 апреля еще более сузится?

Такова уже судьба всех правительствующих реформ в России. Примером может служить еще недавнее прошлое. 16 августа 1864 года был издан указ, предоставлявший последователям менее вредных сект полную свободу в делах веры, за исключением публичного оказательства вероучения, т.е. даровавший почти те же вероисповедные привилегии, что и недавний указ 17 апреля. Но чтобы указ 1864 г. вошел в силу, потребовалось целых 19 лет непрерывной работы различных законодательных комиссий: только 3 мая 1883 г. был окончательно обработан и опубликован закон 1864 года. Издание закона 3 мая, как нам уже неоднократно приходилось говорить, Государственный Совет мотивировал заботой об охране права каждого верующего свободно молиться по законам своей совести. Прошло немного лет, и этот закон,

благодаря административным предписаниям, оказался мертворожденным.

Не повторяется ли ныне буквально то же самое с указом 17 апреля? Предварительно согласовать с ним действующее законодательство было поручено отдельным министерствам, которые должны были внести свои законопроекты непосредственно в Государственный Совет. Вскоре эти функции были перенесены на особое вневедомственное совещание под председательством гр. Игнатьева, наконец, было образовано еще новое совещание под председательством гофмейстера Штюрмера. Пока же эти совещания с обычной канцелярской волокитой обсуждают законопроекты, долженствующие твердо установить веротерпимость в России, Министерством Внутренних дел издаются отдельные циркуляры и предписания, по существу уже урезающие в значительной степени то, что даровал указ 17 апреля, и пытающиеся вернуться к старым порядкам.

Слишком понятным и ясным при таких условиях становится смысл и значение всех вновь образованных совещаний. И невольно вспоминается мудрое изречение короля Лира, из ничего и выйдет ничего.

8 июля 1905 г.

VIII. Религиозная «амнистия»

Согласно Высочайше утвержденным 17 апреля положениям Комитета Министров об укреплении начал веротерпимости, министру юстиции поручено было «озаботиться принятием мер к облегчению участи тех осужденных, для которых в виду перемен в уголовных о посягательствах на веру законах наложенное на них наказание может быть смягчено или совсем отменено».

Представленный министром юстиции проект амнистии по религиозным «преступлениям» 25 июня, по рассмотрении его в Комитете Министров, получил Высочайшую санкцию, и указом Правительствующему Сенату одним из осужденных и отбывающих наказание за проступки, совершенные против веры, дарована ныне амнистия, другим – облегчения; полное помилование простерлось лишь на виновных в тех преступных деяниях, которые нашим уголовным кодексом не отнесены к числу тяжких. Какое же значение имеет настоящий правительственный акт?

Наше законодательство в области веры доныне налагало неимоверно жестокие и суровые кары за малейшие проступки против религии, т.е., вернее, за нарушение принципов того официального вероисповедания, которое было признано господствующим в государстве; налагало кару за такие проступки, которые при сколько-нибудь нормальных условиях, конечно, не могли бы считаться наказуемыми. Естественно, что с переменой правительственных взглядов на свободу совести должно было неминуемо последовать освобождение тех, кто годами и десятилетиями томились в тюрьмах, ссылке и на каторжных работах за деяния, не только теперь не наказуемые и молчаливо признанные законом, но и непосредственно им дозволенные.

С провозглашением веротерпимости должны были потерять силу прежние судебные приговоры по целому ряду дел. На таких-то, ныне реабилитированных преступников, невиновных, в сущности, ни в каком преступлении, и распространилась,

прежде всего, полная амнистия: получили помилование виновные в публичном оказательстве раскола и совершении духовных треб, избличенные в издании старопечатных книг, в устройстве раскольничьих скитов и пр., в отступлении от православия в другое исповедание, знавшие о *готовящемся* отступлении и не постаравшиеся воспрепятствовать этому. Полная амнистия коснулась и тех преступников, которые были виноваты лишь в том, что, будучи свидетелями порицания христианского закона и в особенности церкви православной, не дали знать об этом подлежащему начальству для прекращения соблазна (за это закон карает арестом или тюрьмой до 8 месяцев); в том, что отвлекали в веру магометанскую, еврейскую или иную нехристианскую, *не употребляя насилия* (это преступление карается лишением всех прав состояния и каторжными работами от 8 до 10 лет); в том, что отступили в нехристианскую веру или соvertsили в оную из православия; в том, что *препятствовали* присоединиться добровольно к православной церкви, не употребляя при этом насильственных действий; в том, что распространяли существовавшие уже между *отпавшими* от православия ереси и расколы и заводили новые. Получили прощение те из последователей ереси и раскола (кроме скопцов), которые по возвращении из ссылки, вследствие обращения в православие, снова отступили; те магометане, евреи и язычники, которые, пользуясь невежеством инородцев, перевели их из одной нехристианской в другую нехристианскую веру; те духовные лица инославных христианских исповеданий, которые делали малолетним внушения, противные православию, хотя бы даже без намерения соvertsить их, и принимали в свое вероисповедание без разрешения иноверца из числа русских подданных; наконец, родители, обязанные по закону воспитывать детей в православии, но воспитывавшие их по обрядам другого христианского вероисповедания.

Виновные в перечисленных выше деяниях получают амнистию, – как те, которые осуждены и отбывают наказание, так и те, против которых время издания указа не было возбуждено уголовного преследования или не последовало

судебного приговора: по отношению же к тем, которые окажутся виновными впредь в подобных преступлениях, возбуждение уголовного преследования приостанавливается до введения в действие нового Уголовного Уложения, при чем однако, теряют силу установленные уголовным законом сроки давности.

Такова сущность той части Высочайшего указа Правительствующему Сенату, которая дарует амнистию по религиозным преступлениям. Ясно, что огромное большинство приведенных статей касается деяний, по существу уже ныне ненаказуемых, или таких, которые не могут считаться преступными при последовательном проведении в жизнь принципов, провозглашенных правительственным актом 17 апреля.

По отношению к лицам, осужденным за более тяжкие по классификации закона преступления против веры, как-то: богохульство и порицание веры, оскорбление священнослужителей и нарушение церковного благочиния, насильственные действия при соращении из православия и пр. (гл. 1, 2, 3 разд. II Улож. ст. 176–211) преступления, наказуемые заключением в исправительные отделения, крепость и тюрьму или ссылкой на каторжные работы от 12 до 15 лет и бессрочные, указ 25 июня уменьшает срок наказания – в первом случае, т.е. за преступления, наказуемые тюремным заключением, на одну треть, во втором – на половину, причем для сосланных на поселение или перешедших уже в разряд ссыльно-поселенцев предоставляется право по истечении 8 лет пребывания в ссылке свободного избрания местожительства с некоторыми, впрочем, весьма существенными ограничениями: воспрещается в течение пяти лет жить в столицах и столичных губерниях, вернувшиеся из ссылки подлежат на такой же срок надзору местной административно-полицейской власти и не восстанавливаются в своих правах на имущество. Равным образом указ сокращает срок наказания для несовершеннолетних и облегчает участь лиц, воспользовавшихся льготами по предшествовавшим манифестам. Наконец, на обвиняемых по стт. 197, 200–3 Ул. о нак., т.е. на скопцов и лиц, принадлежащих к сектам,

признанным соединенными с свирепым изуверством, либо с противонравственными, гнусными действиями, распространяются льготы, дарованные преступникам вообще, за исключением виновных в религиозных преступлениях, манифестом 11 августа 1904 года, т.е. сокращается пребывание на каторге от 4 до 6 лет. Льготы последней рубрики даруются в порядке, предусмотренном в пункте 26 ст. XIX манифеста, т.е. по удостоверении со стороны надлежащих властей в добром поведении осужденных.

Таким образом, в положении тяжких преступников против веры объявленная веротерпимость не произвела существенных изменений: сокращен лишь срок наказания. Не вводя никаких новшеств, указ 25 июня предусматривает возможность, что и впредь будут повторяться религиозные преступления и что впредь они с такой же непомерной строгостью после провозглашения веротерпимости будут преследоваться, и таких, однако, лиц до введения в действие правил нового Уголовного Уложения о посягательствах на ограждающие веру постановления указ 25 июня не оставляет без «милостей»: на них распространяются на будущее время те именно льготы, которые дарованы ныне осужденным в прежнее время за тяжкие религиозные преступления, т.е. будут сокращаться сроки наказания на одну треть или наполовину.

Приведенная фактическая справка не нуждается в дальнейших комментариях. Миниатюрные формы, в которые вылилась «правительственная амнистия», амнистия уже отживающего режима, никого не может удовлетворить.

27 июня 1905 г.

IX. Религиозная свобода и правительственные реформы

В добавление к бесчисленным уже правительственным комиссиям по разработке реформы, касающейся веротерпимости, добавлено еще новое «особое совещание». На основании опубликованной программы предстоящих занятий этого совещания можно судить о плодотворности результатов, к которым приведет, по всей видимости, работа, вероятно, уже последнего бюрократического начинания.

Совещанием намечены 14 пунктов, разрешение которых, по его мнению, представляется необходимым для выполнения предначертаний Указа 17 апреля. Как и следовало ожидать, программа эта не отличается широтой постановки и сводится преимущественно к разработке некоторых юридических деталей нового закона. Не говоря уже о том, что совещание не поднимает никаких новых принципиальных вопросов, выдвинутых в последнее время общественной мыслью, оно не затрагивает даже такого основного вопроса, каким является ныне столь принижающая православие полицейская опека. И таким образом теоретические суждения по этому поводу Комитета Министров, не имея никаких реальных последствий, затерялись в лабиринтах обычной канцелярской работы. Точно так же в программе совещания отсутствует выдвинутый современной практикой вопрос о совращении или, вернее сказать, вопрос о предоставлении адептам всех вероучений свободы пропаганды исповедуемой ими истины.

В этой области наше законодательство требовало бы, казалось, после издания правительственного акта, провозгласившего религиозную свободу, наибольшей обработки, тем более, что недостаточно точная классификация в данном случае особенно тяжело и болезненно отзывается на положении тех, кто и при старых порядках позволял себе не соглашаться с регламентированными правительственной властью доктринами православия. А между тем монополия на право религиозной пропаганды, которая предоставлена государственной церкви,

дозволяет и ныне всех мыслящих по религиозным вопросам несогласно с официальной указкой подвергать сохраненным во всей своей неприкосновенности драконовским уголовным карам.

Только два вопроса, непосредственно вытекающие из указа 17 апреля, – о свободном переходе из одного христианского вероисповедания в другое, т.е. о безнаказанном и беспрепятственном отпадении от православия и о публичном оказательстве вероучения, несогласного с принципами официального вероисповедания, могут представить общий интерес в программе занятия, намеченных особым совещанием.

Нет надобности, конечно, еще раз распространяться на тему о том, что при последовательном приведении в жизнь принципов Указа 17 апреля оба поставленные вопроса могут быть разрешены только в смысле предоставления полной свободы выхода из кабальной зависимости от какого-либо религиозного учения, без всех тех ограничений, которые поставлены временными правилами, выработанными в канцелярии Министерства Внутренних дел и введенными уже в действие. К какой фикции веротерпимости приведут все эти циркулярные разъяснения, ставящие по-прежнему религиозную свободу под контроль местной администрации, в зависимость от ее усмотрения, другими словами, произвола, можно было видеть из предшествующих статей.

Приступающее ныне к занятиям особое совещание о веротерпимости, по-видимому, с такой точкой зрения несогласно, так как, игнорируя все основные вопросы, связанные с понятием свободы совести, по газетным известиям, оно предполагает обратить особое внимание на ущерб, который причинил якобы православию указ 17 апреля, и на какую-то проблематическую необходимость охранить неприкосновенность господствующей веры, и так уже не в меру охраняемой полицейскими силами. Стоит лишь взглянуть в окружающую реальную действительность, чтобы воочию убедиться, что не только свобода совести, как абсолютное право, но и простая веротерпимость, заключающаяся лишь в допущении беспрепятственного выполнения религиозных обрядов, далеко

еще не осуществлена в России, а между тем правительственная власть начинает уже задумываться о мерах к ограничению и этой «избыточной», по ее мнению, веротерпимости, или «необузданной свободы», как выразился один из столпов православия, чиновник особых поручений при синодском обер-прокуроре и редактор миссионерского журнала, г. Скворцов, на петербургских религиозно-философских собраниях 1902 года. Да иначе и не может быть, раз только стоять на точке зрения архаической программы официальной народности, провозгласившей нераздельную трехчленную формулу русской государственной идеи. Тот же Скворцов в своем *Миссионерском Обозрении*, доказывает, что, требование свободы и непринуждения в вере является подкопом под русскую государственность: «Спаянность государственная и церковная слишком велика в православно-самодержавной России, чтобы отвергать одно, не трогать другого».

Поэтому новое петербургское совещание о веротерпимости, как и все другие аналогичные бюрократические начинания, заранее обречены на бесплодие.

В сущности, в настоящее время потеряли всякий интерес эти канцелярские работы, равно как и мнения, которых придерживаются представители ведомства православного исповедания, мертвенность которого еще так недавно была признана представителями самой церкви. Мнения эти слишком знакомы русскому обществу, и они могут представлять лишь исторический интерес. Но мы накануне созыва народных представителей, которые должны сказать свое слово. Они должны провозгласить те неотъемлемые права человека и гражданина, которых так долго произвольно было лишено наше отечество и которых так властно ныне требует вся мыслящая Россия.

И, конечно, среди различных свобод одно из первых мест займет свобода совести. Свобода совести без всяких ограничений, и можно быть почти уверенным, что эта элементарная свобода, при которой, согласно духу христианства, не должно быть ни иудея, ни эллина, будет провозглашена независимо от первоначального состава

народных представителей. В бюрократическом государстве религиозная свобода была подавлена, в правовом государстве веротерпимость не будет простым бумажным актом, без всяких почти реальных последствий в жизни.

Не являясь синонимом отделения церкви от государства, религиозная терпимость, конечно, может быть осуществлена и при сохранении принципа господствующей церкви. Но при такой уверенности должны ли мы, однако, снять с очереди вопрос об освобождении церкви от подчинения светской власти, т.е. о полном разграничении ведомств церкви и государства, о чем так много говорилось за последнее время?

Это подчинение при современном государственном строе дошло до крайних пределов. Получив бюрократическую организацию, церковь под тяжелым бременем полицейской опеки лишилась своего жизненного значения. Проповедуя столь чуждую христианству идею приниженности человеческой личности и подчинения своему подневольному положению, она явилась врагом всех прогрессивных начинаний и неуклонной защитницей господствующего общественного строя. Своим высшим «нравственным» авторитетом она освящала для масс реакционные действия правительства. Вся русская история об этом свидетельствует, и никогда церковь православная не была «с народом среди всех его унижений», как смело заявлял один из ораторов на религиозно-философских собраниях в Петербурге, М.А. Тернавцев; никогда русская церковь не была «беднейшими подневольными классами»...

Чтобы ныне не напоминать собою «сухой смоковницы» и не быть выразительницей лишь «канцелярского богословия», церкви нужно освобождение от пут бюрократического гнета. Но свобода православной церкви тесно и неразрывно связана с осуществлением в России, полной свободы религии. Она получит это освобождение с падением старого режима и водворением конституционного строя. Будет ли в состоянии, однако, господствующая церковь, веками, находившаяся в «параличе», сделаться прогрессивным учреждением, способным отстаивать дело свободы и социальных преобразований, сможет ли она восстановить в чистом виде

демократическое христианское учение, сумеет ли она приспособиться к новым государственным началам, как приспособилась к старому режиму, или она разделит участь почти общую всем «государственным» церквям и, получив в лице своих представителей возможность участвовать в политической жизни страны, сделается охранительницей старых устоев, готовой на почве эксплуатации предрассудочности масс поднять знамя контрреволюции, – это покажет недалекое будущее.

Реальные условия русской жизни, по-видимому, мало содействуют образованию воинствующей церкви и нам, кажется, нечего бояться столь могущественного на Западе влияния клерикализма. Но, несомненно, однако, что и у нас при общем реакционном характере господствующей церкви, осложнения в политической жизни будут неизбежны. Дабы избежать их, есть одно только средство, одновременно с политическим освобождением России должен быть уничтожен и другой оплот современного государственного строя – государственная церковь. Религия есть частное дело – дело совести каждого отдельного лица.

Таковы великие принципы, выработанные долгим историческим процессом развития человеческой мысли. Требование об отделении церкви от государства должно быть начерчено на знамени каждой прогрессивной политической партии – никакой государственной, национальной и привилегированной религии, никакого господствующего вероисповедания. Церковь есть частное общество, не пользующееся никакими преимуществами, отсюда должно неминуемо вытекать признание всех церквей равноправными, отмена государственной поддержки исключительно лишь господствующей ныне церкви и обязательного преподавания догматов, какого бы то ни было религиозного культа на общественный счет.

История дает нам примеры, когда в государстве с свободными учреждениями господствующая церковь подвергалась стеснениям и даже преследованиям, как вредная реакционная сила. В ней видели синоним общественной и

умственной отсталости. Но раз религия будет объявлена частным делом, общественная роль церкви будет сыграна, и для ее реакционных течений найдется отпор в свободном обмене мыслей, – это единственное и действительно целесообразное средство для борьбы с нежелательными сектантскими доктринами. Там, где свобода осуществляется в таком виде, всюду стремятся оградить как церковь от вмешательства государства, так и государство от вмешательства церкви, стремятся разграничить эти столь различные по природе факторы. Так должна быть понимаема знаменитая формула Кавура: *Libera Chiesa in libero stato*, готовая осуществиться ныне во Франции.

И мы, перестраивая заново у себя государственный строй, должны также добиваться «свободной церкви в свободном государстве».

1905 г.

Х. Через год

«Кто из нас, желая построить башню, не сядет прежде и не вычислит издержек, имеет ли он что нужно для совершения ее, дабы, когда положит основание и не возможет совершить, видевшие не стали смеяться над ним, говоря: этот человек начать строить и не мог окончить».

(Лк. 14).

Год назад торжественно провозглашена была у нас веротерпимость. Уничтожена была видимо та административная кабала, в которой находились последователи государственной церкви, дана была свобода исповедания многомиллионным «отщепенцам» православия. Вся печать приветствовала правительственный акт, несмотря на его несовершенства; приветствовала его, как начало той законодательной работы, которая должна была окончательно устранить из русской жизни печальные остатки религиозной нетерпимости.

Прошел год, в течение которого самые различные правительственные комиссии усиленно разрабатывали вопрос об укреплении начал веротерпимости и о согласовании действующего Уголовного Уложения с указом 17 апреля. Общественное мнение и реальные требования жизни определенно указывали, в каком направлении должны были идти законодательные работы по осуществлению в России начал веротерпимости. Общество требовало провозглашения полной свободы совести, т.е. свободы веры и неверия, свободы пропаганды исповедуемого вероучения и полного разграничения ведомств церкви и государства; оно требовало устранения всяких уголовных кар за религиозные преступления, уничтожения самого термина – «преступление» в делах веры, столь несоответствующего истинному учению христианства.

Накануне великого праздника православной церкви вновь опубликован закон, долженствующий укрепить начала веротерпимости.

Новый закон не вносит никаких принципиальных изменений в существующее законодательство. Мы ждали, что с церкви

будет снята государственная опека, а вместо этого узнаем, что отныне всякая попытка совращения православного в какое-либо вероисповедание, учение и секту будет подвергаться уголовной каре, хотя бы это совращение выразилось лишь в публичном произнесении речи или распространении соответствующего сочинения. Между тем, по разъяснениям Правительствующего Сената, даже по старому кодексу подлежало наказанию лишь совращение, соединенное с каким-нибудь насильственным действием. Теперь же за всякую попытку проповедовать учение, несогласное с государственной религией, виновный будет подвергаться заключению в крепости до одного года. Вместо ожидаемой свободы совести мы добились лишь существенной урезки, провозглашенной год назад веротерпимости; голос общества и печати, как и следовало ожидать, остался втуне.

На практике получается нечто совершенно несообразное. Новый правительственный акт представляет самое широкое поприще для вмешательства администрации и полицейских властей в вероисповедные права русских граждан. На любом собеседовании миссионеры и другие деятели господствующей церкви могут узреть попытку «совращения» и возбудить уголовное преследование против виновника в произнесении публичной речи, направленной на совращение. Такая уродливая «свобода совести», такая призрачная веротерпимость могла явиться продуктом лишь бюрократического творчества. Только в полицейском государстве может быть провозглашаема такая свобода совести, на деле лишенная самых элементарных требований, связанных с этим понятием.

Но в каком разительном противоречии, однако, стоят реальные результаты годовой правительственной работы с теми принципами, которые провозглашал Комитет Министров, приступая к разработке проекта вероисповедных реформ? Вспомним речь «высокопреосвященного» Антония, митрополита с.-петербургского и ладожского, доказывавшего «нравственную тягость» применения ст. 1006 уст. уг. суд., возлагающей на духовное начальство обязанность требовать от подлежащих властей производства предварительного следствия по делам о совращении из православия; митрополит Антоний такую

обязанность «требовать преследования в уголовном порядке преступлений и проступков против веры» считал противоречащей «положенным в основу православной церкви началам мира и христианской любви» и полагал необходимым отменить или изменить указанную статью закона; вспомним, что Комитет Министров, соглашаясь с высказанным мнением, также полагал необходимым изменить действующее в этой области законодательство: раз «церковь сама отказывается идти путем насилия над религиозными убеждениями», не в интересах государства применение репрессивных мер. Религиозная нетерпимость, по верному признанию Комитета Министров, возбуждает «фантастически-враждебное отношение к православной церкви»; «постоянное обращение церкви к светской власти за содействием в той или другой форме» лишь обостряло еще более положение вещей. «Опираясь не на содействие светских властей, а на кроткое учительство своих пастырей, церковь достигнет более благих, чем когда-либо, результатов». Это «послужит к вящему возвеличению православной церкви и явится могущественным орудием в руках ее для борьбы с религиозными заблуждениями».

То, что «не подлежало сомнению» в теории, вылилось совсем в иные формы в действительности. Классической формулой «все осталось по-старому» можно наилучшим образом характеризовать эту действительность.

Правда, теоретическое признание в правительственных сферах невозможности и бесполезности «насильственного охранения православия» за счет несогласных с ним религиозных убеждений являлось бы само по себе огромным шагом вперед по сравнению с господствовавшей ранее правительственной идеологией. Но кто поверит в искренность этих признаний? Не является ли это простым «приспособлением», приспособлением, вынужденным лишь необходимостью, к новым властным требованиям русской общественной жизни? Не то же самое ли это двоедушие и неискренность, к которым принуждало русское правительство прежде несогласных с официальным вероисповеданием и

казенным богословием? Мы вправе сделать именно такое заключение.

«Принцип сам по себе, а жизнь сама по себе» – откровенно заявлял на религиозно-философских собраниях в Петербурге прот. Соллертинский. Но и «принцип» официальных деятелей господствующей церкви, с которыми без тенденциозной натяжки мы можем отождествлять представителей высшей бюрократии, руководивших разработкой и осуществлением в жизни правительственных вероисповедных реформ, в действительности далеко не соответствуют выводам, которые делались в период, когда у нас разыгрывались «весенние мелодии».

Не лучшим ли доказательством служат речи тех же деятелей в петербургских религиозно-философских собраниях. Кто другой, как не В. М. Сковрцов, производил мудрые «богословские» изыскания, доказывавшие, что евангельский текст указывает «на меры, переходящие из слов убеждения в область *действия*», по отношению «к проповедникам лжеверия и отступникам от христианской веры». Вот она искренняя апология насилия, апология путем богословской казуистики чисто акробатического характера, которой, в свою очередь, еще так недавно занимался проф. Буткевич в Государственном Совете при обсуждении вопроса о смертной казни.

Но еще более картинно и образно изобразил нам настоящее мнение господствующей церкви, как таковой, на свободу совести арх. Антонин в своих возражениях на доклад кн. С. М. Волконского: «К характеристике общественных мнений по вопросу о свободе совести». Возражая «либералам совести», которые на собрании доказывали, «что идее протекционизма должна быть чужда религии», что «все религии в государстве должны пользоваться правом гражданства», арх. Антонин говорил, что «фактическое сожителство нескольких религий» не отвечает «духу Христову, духу вселенской церкви»... «Нет, Христос не может сжиматься... Здесь приложим всею своею субстанциональною мощью закон упругости. С ним никто не может воссесть рядом. Вы домогаетесь свободы верования, как кому верится, как кому взбрело; извольте, это ваше

эгоистическое стремление, но не санкционируйте его именем Евангелия, духа Христа. Идея солидарности в глубине своей не христианская, и в одних и тех же пространственных границах созидание алтарей истинному Богу и рядом какому-нибудь Ваалу недопустимо». В «напускном великодушии, «все веры пред Богом равны» лежат, – доказывал дальше оратор, – принцип, убивающий идею церкви». Впрочем, в вопросе о насилии, санкционируемом будто бы христианством, арх. Антонин разошелся со своим коллегой г.Скворцовым: «Христианство, – говорил он, – налагает на чужую совесть не кулаком исправника, не тесаком городского, оно давит ее своею внутреннею абсолютною мощью»... «Причина зла не в том, что за одним стоит городской, а за другим его нет, а в том, что безусловная, абсолютная истина не допускает никакого взвешивания себя с ложью». Архиепископ Антонин отождествляет православие с христианством, но, тем не менее, должен признать, что в России «допускаются внешние насилия над религиозною совестью; это, по его мнению, «прикладная сторона» дела..

В сущности, эта прикладная сторона и является центром мирозерцания деятелей господствующей церкви. «Мы благословляем государственную власть в России, – пишет священник Потехин на страницах *Миссионерского Обозрения*, – которая, начиная от помазанника Божия, благочестивого царя нашего, и кончая слугами его, всеми *этими губернаторами, судьями, исправниками, становыми и урядниками*, так ненавистными «свободной совести» пропагандистов, идет на помощь церкви, препятствует свободе отпадания и совращения».

Вот она истинная «свобода совести», вот она веротерпимость под непосредственной опекой полицейского урядника, являющаяся идеалом наших правительственных реформаторов! И конечно, пока все церковные преобразования будут проводиться под углом зрения необходимой полицейской поддержки господствующей церкви; пока будет не нарушена солидарность самодержавно-полицейского режима и православия – никакой свободы совести в России не может

быть. Не может быть уже потому, что представители нашей государственной жизни считают «свободу совести одним из главных принципов революции».

Старый порядок сказал уже свое окончательное слово. На истощенной почве нет больше творчества. Молодая, уже свободная Россия может дать лишь новые силы, необходимые для обновления ненормальных церковно-общественных отношений. Все это служит еще раз ярким доказательством, что церковная реформа может быть осуществлена в духе свободы совести лишь при деятельном участии народных представителей.

17 апреля 1906 г.

III. Накануне свободы

I. Накануне амнистии

Первым актом нового строя, в который вступает Россия, должна явиться полная амнистия всех пострадавших в борьбе со старым режимом. Вся страна единодушно требует, чтобы пленники в период долголетней гражданской войны были освобождены, и партия «народной свободы», которая должна занять главенствующее место в первую сессию Государственной Думы, отвечая этому народному требованию, в первую очередь вносит соответствующий законопроект амнистии.

Однако в этом проекте амнистии, выработанном В.Д. Набоковым, заключается одно существенное упущение. Распространяя акт освобождения на всех понесших кару за свои политические убеждения, он вовсе не затрагивает лиц, потерпевших за свои религиозные убеждения. Между тем религиозная амнистия неминуемо связывается с амнистией политической: преследование так называемых религиозных преступлений в эпоху господства бюрократии являлось всегда наиболее вопиющим нарушением основных прав русских граждан, так как вся действовавшая до сих пор законодательная система, ограждающая принцип неприкосновенности официального вероисповедания, была построена на началах, идущих в разрез с элементарным представлением о веротерпимости и свободе совести. Ни одно культурное законодательство Запада не берется квалифицировать преступность тех деяний, которые так точно регламентирует наш архаический, отличающийся средневековой нетерпимостью уголовный кодекс.

С «переменой» правительственных взглядов на свободу совести и последовавшим затем официальным провозглашением в России веротерпимости неминуемо должно было, конечно, последовать освобождение тех, кто был ограничен в своих правах и нередко десятилетиями томился в тюрьме за деяния, законом признанные теперь ненаказуемыми. На этих реабилитированных «преступников», которые при

сколько-нибудь нормальных условиях не могли по существу подлежать какому-либо воздействию со стороны государственной власти, а тем более уже уголовной каре, распространилась, как мы уже видели, объявленная 25 июня прошлого года правительственная амнистия. Она коснулась осужденных и отбывающих наказания за те проступки, совершенные против веры, которые нашим уголовным кодексом не были отнесены к разряду тяжких. По отношению же к лицам, осужденным за более тяжкие по классификации закона преступления против веры, к каким относилось порицание веры, оскорбление священнослужителей, нарушение церковного благочиния и т.д., – преступления, наказуемые вплоть до бессрочной ссылки на каторжные работы, указ об амнистии 25 июня уменьшил лишь срок наказания на половину или на одну треть. Несомненно, однако, что при последовательном проведении в жизнь принципов веротерпимости, провозглашенных правительственными актами 17 апреля и 17 октября прошлого года, вся система постановлений, ограждающих неприкосновенность государственной веры, требовала бы изменений согласно современным взглядам на сущность религиозных преступлений. При таких условиях должны были бы потерять силу прежние судебные приговоры по целому ряду дел.

Этого не произошло, но это должно произойти теперь. Первое собрание избранников русского народа должно провозгласить полную свободу совести для русских граждан и полную религиозную амнистию наряду с политической. Это требование вытекает не только из признания ненаказуемости по существу большей части так называемых религиозных преступлений, но и из того реального факта, что подкладкой для религиозных гонений при старом режиме служили по преимуществу политические мотивы. Вспомним, наконец, с какими грубыми нарушениями принципов правосудия велись у нас сектантские процессы, хотя бы, например, знаменитое в судебных летописях дело павловских крестьян. Это дело явилось плодом провокационной деятельности правительства, как, несомненно, уже выяснено в настоящее время. А между

тем десятки невинно пострадавших в этом деле до сих пор
томятся в глубине «сибирских руд».

25 апреля 1906 г.

II. Патриаршество в связи с преобразованием отношений церкви и государства

Модная одно время идея восстановления патриаршества, зародившаяся в бюрократических сферах, сошла уже, было, со сцены. В периодической печати достаточно уже было выяснено, что археологическая реставрация учреждения с отжившими формами совершенно не соответствует запросам времени, на которые должна отвечать предстоящая реформа церковной жизни. И вот теперь эта идея вновь выплыла в недавних постановлениях предсоборной комиссии при Синоде. Возрождение патриархата решено подавляющим большинством русских епископов, заседавших в синодальном присутствии.

И это понятно: проектируемое епископами преобразование церковного строя является синонимом усиления епископальной власти. Для церкви же и ее многочисленных адептов предстоящая реформа церковных отношений, затрагивающая лишь внешние формы церковного управления, не принесет по существу ничего нового.

Господствующая церковь, превращенная в простое «ведомство православного исповедания, изнывает под гнетом полицейской опеки; лучшие ее представители единодушно требуют освобождения от векового подчинения ее государственным целям и восстановления канонического устройства, т.е. организации церкви свободной, выборной и самоуправляющейся. Такая реформа прогрессивными органами духовной печати признается необходимой для нравственного возрождения церкви, для усиления ее духовного авторитета: «нужно возрождение силы церкви путем пробуждения ее творчества». Этого требует «современное церковное сознание». Но именно этого не даст православию отжившая и осужденная историей идея патриархата. Она не устраним тлетворного влияния, которое имеет на ход церковной жизни бюрократическая организация церкви. Как свидетельствует вся история досинодского патриаршества в московский период русской истории, патриаршество не освобождало церковь от

порабощенности мирским интересам, от того административного «усмотрения», которое превратило нашу государственную церковь в «сухую смоковницу» и делало из нее орудие «властвования».

При участии духовенства в политической жизни страны епископальные desiderata в практическом своем осуществлении являются равнозначными реакционной попытке создать воинствующую церковь, которая гнет бюрократии заменит гнетом ненавистного живой мысли клерикализма. Если бюрократия в свое время носилась с идеей возобновления патриаршества, то, можно думать, ей в то время смутно грезилась возможность попытки непосредственного обращения к народу чрез духовный авторитет патриарха для сохранения трехчастной формулы русской государственной жизни – символа старого режима: «православия, самодержавия и национальности». Но эта мишурная иллюзия возможности обращения самодержавия к народу разбилась о реальные условия русской жизни, о полное несоответствие идеи старого порядка с народными надеждами и желаниями.

В настоящее время решение синодской комиссии, вырабатывающей материал для предстоящего церковного собора, имеет более узкую сферу применения. Оно может затрагивать лишь интересы господствующей церкви, т.е. вопросы скорее внутреннего распорядка. Но перед нами стоит еще вопрос общегосударственного характера, который могут разрешить лишь народные представители. Это общий крайне трудно разрешимый вопрос о системе регламентации взаимных отношений церкви и государства.

Во всем образованном мире в настоящее время утвердился взгляд на религию, как на частное дело гражданина, на которое не должно распространяться вмешательство государственной власти; никакое внешнее принуждение не должно стеснять проявления в государстве религиозных мирозерцания. Последовательное проведение принципа религиозной свободы требует полного отделения церкви от государства, категорического разграничения области политики и религии. Идеальное разрешение этих требований, выработанных долгам

историческим процессом человеческой мысли и начерченных на знамени всех прогрессивных политических партий, сводилось бы к признанию равноправными всех церквей без исключения, к уничтожению государственной национальной привилегированной церкви, к отмене государственной поддержки исключительно лишь господствующему вероисповеданию и обязательного преподавания догматов, какого бы то ни было религиозного культа на общественный счет. Церковь, как частное общество, не должна была бы пользоваться никакими особыми преимуществами.

Такая коренная реформа вряд ли, однако, осуществима при настоящих условиях в России; к такому решению вопроса не пришел еще и культурный Запад. Конституции всех западноевропейских государств наряду с другими неотъемлемыми правами личности гарантируют неприкосновенность религиозной свободы, но большинство из них не проводят последовательно этого принципа; в них жив еще старый элемент полицейской опеки государства над верующей личностью, который выражается в некотором предпочтении, оказываемом покровительствуемому государственным вероисповеданию. Но, конечно, принадлежность к господствующему вероисповеданию не дает на Западе никаких правовых привилегий. И только одна Россия до сих пор стояла на средневековой точке зрения полицейской опеки государства над религиозной жизнью граждан; насильственной охраны неприкосновенности господствующего вероучения, игнорирования непокровительствуемых религий и, наконец, даже насильственного искоренения известных религиозных мировоззрений.

Теперь следует сделать решительный шаг к устранению этого гнета и водворению религиозной свободы. Если при настоящих условиях неосуществимой реформу полного отделения церкви от государства, то вмешательство государственной власти должно выражаться лишь в форме охраны религиозной свободы от различных правонарушений, причем эта охрана естественно должна распространиться на все без исключения в государстве религиозные группы, т.е.

должна гарантировать верующим неприкосновенность религиозной свободы. Эту цель и преследует законопроект, представленный партией «народной свободы» в Государственную Думу.

Июнь 1906 г.

III. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы

Государственная власть не должна выступать в роли цензора убеждений своих подданных: это – первая основная аксиома правового государства. Среди гражданских свобод, гарантирующих такое право подданных, одной из важнейших, конечно, является свобода совести, затрагивающая наиболее интимную сторону духовной жизни человека.

Великий принцип религиозной свободы должен быть осуществлен во всей полноте; неуклонно должно быть признано, что государство не вправе принимать каких-либо принудительных мер полицейского характера для искоренения того или другого религиозного мировоззрения, – другими словами, никакое вероучение не может быть объектом государственных мероприятий.

Некоторые исследователи, являющиеся, в общем, защитниками принципа религиозной свободы, полагают, однако, что государство не может признавать безусловной свободы за всеми вероучениями и для некоторых из них должно делать изъятие во имя охраны общественной нравственности и порядка. Таким образом, по мнению этих исследователей, необходима совокупность известных правовых норм, определяющих объем допустимой в государстве религиозной свободы. Такое признание за государством права карательных функций, ограничивающих религиозную свободу граждан, выдвинуло бы еще другой сложный вопрос о составе и наказуемости религиозных преступлений. Пришлось бы подвергнуть самому тщательному и детальному критическому анализу юридическую природу религиозных преступлений, иначе карательная деятельность государства в этой области легко могла бы привести к реставрации старых форм религиозной нетерпимости и полицейской опеки государства над верующей личностью. С другой стороны, потребовалось бы еще более точное определение объема и содержания прав, входящих в состав религиозной свободы.

По мнению других исследователей, отстаивающих идею полной религиозной свободы, последовательное проведение в жизнь этого принципа влечет за собой отрицание права за государством выступать против религиозной свободы в своих карательных постановлениях, но зато налагает на государственную власть другую обязанность – дать религиозной свободе «правовую охрану». Такую защиту вероисповедных интересов граждан от преступного посягательства с чьей-либо стороны государство может предоставить путем применения известного цикла уголовных кар. На такой именно точке зрения стоит пр.-доц. Московского университета С.В. Познышев, недавно выпустивший новое исследование, посвященное рассмотрению вопроса об отношении государства к религиозной свободе²¹.

Тема автора помимо общего принципиального интереса имеет большое практическое значение. В ближайшем будущем Россия должна сделать, наконец, решительный шаг к реальному осуществлению принципа свободы совести и вместе с тем, конечно, подвергнуть коренной переработке все действующее законодательство о религиозных преступлениях.

Наше отечественное законодательство, создавшееся в период могущественного господства полицейско-бюрократического режима, до сих пор зиждется на признании устаревшего ныне принципа полицейской опеки государства над религиозной жизнью граждан. При таких условиях, понятно, в законодательных нормах, а тем более в практике государственного управления великий принцип свободы совести не мог найти себе применения. Вероисповедные реформы последнего времени не изменили существа дела, тем более, что начала религиозной терпимости, возведенные в недавних правительственных манифестах, при укоренившихся в правительственной практике старых бюрократических традиций, в жизни не получили вовсе надлежащего осуществления. Вводя некоторые новшества в действующие законодательные нормы, которые уничтожали существовавшие в России религиозные гонения в прямом смысле этого слова, и, устанавливая некоторые гарантии религиозной свободы за определенными,

признанными государством, вероисповедными группами, эти реформы почти не затрагивали самого основания нашего законодательства. Общая руководящая его идея, связывающая воедино религию и политику, осталась неизменна.

Народным представителям надлежит теперь провести радикальную реформу, которая должна основываться на совершенно новых началах; реформа в области регламентации духовной жизни русского народа, как признают в объяснительной записке к основным положениям сами автора законопроекта о свободе совести, внесенного группой депутатов на рассмотрение Государственной Думы «менее чем где-либо допускает полумеры и компромиссы». Выработывая новые начала, долженствующие лечь в основу новых законодательных норм, регулирующих отношение государства к религиозной свободе, мы должны воспользоваться, конечно, всеми данными, которые представляют нам наука, жизнь и практика конституционных государств Западной Европы.

С.В. Познышев в своем исследовании наглядно показывает, что большинство западноевропейских законодательств, определяющих отношение государства к церкви, далеко не стоит на высоте современной науки и требований общественной жизни. В них много еще анахронизма, поэтому из критической оценки и сопоставления данных этих законодательств можно извлечь немногие полезные (и то больше отрицательного характера) сведения. Законодательному творчеству народных представителей придется выработать правовые нормы независимо от оценки действующего права на Западе, т.е., преимущественно путем логического развития идеи религиозной свободы. Предстоящие законодательные постановления России не должны заключаться в подражании какому-либо Западноевропейскому законодательству.

Из признания идеи религиозной свободы, независимо даже от разрешения вопроса о полном разграничении ведомств церкви и государства, безусловно, вытекает то положение, что государство не должно покровительствовать ни одной религии и, наоборот, ни одну религию не должно стеснять посредством уголовных наказаний и, наконец, всякую религию оно должно

охранять от грубых оскорблений и насильственных действий, т.е., «Государственная власть должна охранять свободу критики и борьбы религиозных мирозозерцаний от разного стесняющего их насилия, отнюдь не стараясь сама решить известные религиозные вопросы и обязать граждан к принятию тех решений, которые представляются ей наиболее правильными.

Последовательное проведение в жизнь принципа религиозной свободы не допускает никаких ограничений во имя каких-либо государственных соображений.

Большинство исследователей, иностранных и наших отечественных, в сущности не согласны с этим взглядом. Предлагаемые ими ограничения большей частью сводятся к «признанию за государством права не допускать в своей среде религиозных учений, противных нравственности и опасных для правопорядка или публичной пропаганды атеизма» (Моль, Блюнчли, Арсеньев, Рейснер). Автор разбираемого исследования вполне справедливо возражает против такого взгляда.

Не говоря уже об атеизме (для ограничения атеистической проповеди не может быть никаких оснований; если право атеизма, по признанию цитированной выше объяснительной записки, без всякого сомнения входит в последовательно проводимый принцип свободы совести, то столь же несомненным должно быть право его пропаганды; право свободы исповедания, право неверия и пропаганды неразрывно связаны друг с другом), борьба с безнравственными и вредными учениями должна заключаться не в наказаниях, а в содействии свободной и гласной критике этих учений и в разных мерах народного просвещения. Наказание – весьма плохое средство борьбы с каким-либо вероучением, как это показала хотя бы многолетняя русская практика. Принудительные меры, конечно, не могут затормозить распространения религии, даже самой что ни на есть вредной, раз только гонимое учение находит благоприятную для своего распространения почву в психике граждан, в тех социально-экономических условиях, при которых течет их индивидуальная и общественно-политическая жизнь. Всякое преследование неминуемо создает ореол

мученичества и содействует тем самым еще большему распространению преследуемого учения. Эти соображения сами по себе говорят против применения каких-либо уголовных кар по отношению к учениям, признанным безнравственными. В подтверждение можно привести достаточно яркий пример из русской действительности.

Противоестественная секта скопцов, причисляемая к одним из самых изуверных и фанатичных учений, подвергалась у нас всегда усиленным гонениям. Между тем сектантская идеология находила себе почву для распространения в ненормальных условиях русской жизни и отсутствии просвещения в народной массе, и скопчество, несмотря на все правительственные репрессии, продолжало существовать (см. статью III, V). Наблюдения над нашими соотечественниками-скопцами, эмигрировавшими от преследований на родине в Румынию, где они не подвергались никаким ограничениям, наглядно показывает, что терпимость в этой области привела к полному вымиранию скопчества. Скопчество в Румынии решительно не находит последователей и пополняется лишь новыми выходцами из России. Сектантская ревность при столкновении с нормальными условиями общежития испарилась.

Против уголовного преследования, каких бы то ни было безнравственных религиозных учений говорит и то соображение, что понятие «вечного закона нравственности», на который ссылаются некоторые исследователи, между прочим. К. К. Арсеньев, слишком растяжимо. Мы такого «вечного» закона, к сожалению, не знаем; его и не может быть, так как понятия нравственности соответствуют лишь общественной идеологии данного времени, которая легко изменяется в зависимости от реальных условий общежития. Таким образом, понятие о вечной правде слишком субъективно и спорно. Учения вредные и безнравственные с точки зрения государства в известное время могут оказаться вскоре общепризнанными. Если стоять на точке зрения необходимости подавлять путем принудительных мер вредные учения, то нельзя не согласиться с г. Познышевым, что преследуемыми должны будут считаться «все имморалистические учения, все вообще учения, противные

морали, на которой стоит казенная печать и которая считается государством истиной». Учения, враждебные правопорядку, охраняемому государством, могут возникать и не на религиозной почве. Следовательно, государственная власть должна будет выступить вообще «в роли строгого цензора убеждений своих подданных». Такой вывод совершенно не соответствует представлению о той свободе личности, которую стремится гарантировать гражданину каждое конституционно правовое государство. Такой путь охраны государственных интересов слишком рискован и шаток; он способен воскресить порядки старого полицейского режима. Нет! учение, каково бы оно ни было, пока оно остается только учением, не должно быть наказуемо. Когда проявление имморалистических верований выражается в форме преступлений, государственная власть должна с ними бороться, т.е. бороться с реальными, а не предполагаемыми фактами. В этом отношении г. Познышев высказывает вполне правильный взгляд, хотя и у него такое признание ненаказуемости имморалистических учений не проводится с достаточной последовательностью; автор как бы признает все-таки возможность уголовной кары в виде предупредительной меры, с оговоркой, впрочем, что «в этих случаях особенно важно не полагаться исключительно на наказание, а видеть в нем лишь необходимое дополнение широких предупредительных, просветительных мер» и что «в самом наказании следует отвести особенно видное место разным мерам просвещения».

Небольшой экскурс в область русского сектантства показал бы нам опасность уголовного наказания в качестве предупредительной меры для последователей некоторых, так называемых изуверных сект. К сожалению, большинство слишком мало знакомо с русским сектантством и принимает на веру показания исследователей, являющиеся нередко плодом измышления досужей фантазии²². В статье «Изуверные секты и веротерпимость» (см. III, IV) мы постараемся показать всю необоснованность той «научной» экспертизы, на основании которой некоторым русским сектам приписывается характер изуверных учений. Мы не будем поэтому здесь повторять этих

аргументов, подтвержденных далее фактическими данными, и добавим лишь, что некоторые психиатры, правда, слишком обобщая часто свои выводы, видят во многих сектах, относимых к числу изуверных, проявления эпидемического душевного заболевания. Конечно, бороться с болезненными явлениями уголовными средствами не только бесполезно, но и недопустимо.

Таким образом, общий вывод будет тот, что государство не вправе ограничивать религиозной свободы до тех пор, пока эта свобода не проявится в каком-либо деянии, предусмотренном общими уголовными законами. В последнем случае совершившие уголовное преступление подлежат ответственности. В одном только может быть ограничена религиозная свобода государственной властью. Государство не может допускать отказа от исполнения гражданских или политических обязанностей в силу религиозных убеждений; иначе выходило бы, – как справедливо замечает г. Познышев, – что религиозные убеждения дают некоторые привилегии, а это открывало бы возможность всякому ссылкой на свои убеждения сбросить бремя общественных повинностей. Свобода, однако, в таком случае явилась бы нарушением интересов других: но, конечно, «государство должно предоставить каждому, несогласному с его порядком, право свободного выхода из него. Оно может также допустить замену одного вида служения индивида обществу другим, равноценным, если такая замена не сопряжена с излишними тягостями для других граждан».

Итак, по мнению г. Познышева, отношения государственной власти в религиозной свободе должны сводиться к охране этой свободы от различных правонарушений. Установив такое положение г. Познышев в своем исследовании пытается наметить пределы, в которых допустима охрана религиозной свободы путем уголовных кар.

Вполне разделяя вывод г. Познышева в критической части его работы, мы, однако не можем согласиться с построением той «системы идеальных норм», которую он предлагает в качестве проекта отечественному законодателю. Быть может, его система является наилучшей из действующих систем,

наиболее приближающейся к требованиям научных и житейских фактов, но она далеко не удовлетворяет идеальным требованиям.

Во всем культурном мире все более и более утверждается взгляд на религию как на частное дело граждан, на которое не должно распространяться вмешательство государственной власти. Поэтому для нас идеальной системой было бы полное невмешательство государства в область религии, полное разграничение интересов церкви и государства. По мнению автора, государство не может относиться безразлично к вопросам религии, так как последняя является важным благом для громаднейшего большинства людей. Такая точка зрения, в сущности, недалеко уходит от взгляда представителей старого порядка, видевших в религии один из важнейших устоев государственной жизни. При идеальном разрешении взаимных отношений церкви и государства нет никаких оснований выделять в особую группу религиозные преступления, т.е. преступления против религиозной свободы. Такое преступление должно рассматриваться как простое правонарушение; насилие над религиозной свободой есть насилие над личностью, предусматриваемое общим уголовным законодательством. Выделять посягательство на религиозную свободу в отдельную группу на том основании, что эти преступления затрагивают религиозные отношения, к которым примешивается какое-то «особое чувство благоговения», вряд ли представляется возможным. Если для одного оскорбление религиозного чувства затрагивает его «святая святых», то, быть может, для другого еще в большей степени эту интимную сторону души будет затрагивать оскорбление отца, матери или другого близкого человека. Однако же ни один уголовный кодекс не выделяет таких преступлений в особую группу.

Если г. Познышев не считает религиозным преступлением осквернение трупа или гробницы, потому что здесь, по его мнению, оскорбляется чувство уважения к человеческой личности, присущее человеку безотносительно к каким-либо религиозным мирозерцаниям, то и с его точки зрения не должно быть оснований делать какое-либо исключение для

других видов оскорбления религиозного чувства. Ведь несомненно, что для известного вероучения оскорбление покойника может оказаться самым сильным поруганием божества, искреннего и глубокого религиозного чувства. Законодатель, который хотел бы провести известную грань между видами религиозных преступлений, не нарушая принципа религиозной свободы, запутался бы в противоречиях и принужден был бы отказаться от классификации этих видов. Необходимость, между тем, самой точной классификации можно было бы доказать на шаблонных житейских примерах: без нее невозможна та свободная борьба и критика религиозных миросозерцаний, которую г. Познышев считает необходимым элементом религиозной свободы и которую должна, по его представлению, гарантировать гражданам государственная власть. Нельзя найти такого общего критерия, которым можно было бы безапелляционно руководиться, решая вопрос о зачислении того или другого деяния в список преступных. Критерий, заключающийся в признании в высшей степени проблематичного закона нравственности, слишком не определен и мало пригоден для практического законодательства.

Самому г. Познышеву не удалась попытка установить пределы допустимой для государства уголовной охраны религиозной свободы.

В заключение следует добавить, что при последовательном проведении в жизнь принципа невмешательства государственной власти в религиозные отношения граждан возбуждение уголовного преследования против лица, покусившегося на религиозную свободу граждан, должно идти в порядке частного обвинения.

К такому именно разрешению вопроса об отношении государства к религиозной свободе стремятся, т.е. новейшие западноевропейские законодательства, которые страдают, по мнению г. Познышева, «чрезмерно слабой, защитой религиозной свободы».

13 августа 1906 г.

IV. Изуверные секты и веротерпимость

В своих суждениях о веротерпимости Комитет Министров, «в принципе» признав, что «убеждения совести каждого человека не подлежат контролю со стороны государства до тех пор, пока они не выразились в каком-либо неправомерном деянии», из этого общего правила счел нужным изъять секты изуверные. Исходя из такой точки зрения, указ 17 апреля 1905 г., по официальному выражению, стремившийся обеспечить каждому из русских подданных «свободу верования и молитв по велениям его совести», выделил также из групп сектантов, на которые распространились новые вероисповедные привилегии, последователей, так называемых, изуверных учений. Таким образом, ст. 203 Улож. о нак., карающая одну лишь принадлежность к известным вероучениям, сохраняет свою силу во всей неприкосновенности.

При таких условиях, конечно, прежде всего, возникает вопрос, какими признаками должно руководиться в жизни при классификации сект, принадлежность к которым подлежит по закону уголовной ответственности?

Наше законодательство в настоящее время в сущности знает лишь одну секту, носящую определенный изуверный характер, это – скопчество, последователи которой подвергаются лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение под строжайший надзор местного гражданского начальства или в каторжные работы²³; ограничиваясь лишь общим указанием и не перечисляя в ст. 203 в точности существующие изуверные секты, законодатель тем самым как бы признал, что ни одно религиозное учение в силу исповедуемых догматов и молитвенных обрядов не может быть отнесено в число изуверных сект, но допустил возможность изуверных и безнравственных действий в жизненном проявлении той или иной секты. Если в каждый данный момент такая секта обнаружится, то изобличенный в принадлежности к ней подлежит уголовной ответственности по 203 ст., хотя бы даже, как разъяснил Правительствующий Сенат (Реш. уг. деп.

1895 г., № 34), не было установлено непосредственно личное выполнение самых действий, делающих лжеучение нетерпимым в государстве.

Кто же, однако, должен констатировать появление секты изуверного характера и определить ее сущность? По-старому это всецело зависит от «компетентного» мнения тех экспертов – миссионеров, которые являются на суд вовсе не в качестве сведущих лиц, а заинтересованной стороной, т.е. обвинителями. О солидности же «научных» данных, на которых до сих пор часто основывались обвинения сектантов в изуверных действиях, можно судить по примеру довольно распространенной у нас секты хлыстов, в которой эксперты почти всегда усматривают признаки изуверства; на суде до настоящего времени повторяются шаблонные обвинения, что хлысты якобы причащаются грудью своей богородицы и кровью заколотого младенца, что они сушат сердце умерщвленного ребенка, обращают его в порошок и запекают в хлеб, употребляемый для причащения, что радения хлыстов будто бы неизбежно соединяются со свальным грехом и т. д.

Насколько основательны бывают подобные обвинения хлыстов в противонравственных и гнусных деяниях, показывает свидетельство одного из исследователей раскола, которого при всем желании нельзя заподозрить в сочувствии к сектантству, – проф. казанской духовной академии Н. И. Ивановского («Судебная экспертиза о секте хлыстов» *Журн. Мин. Юстиции* 1896 г., № 1).

В нашей «ученой» литературе мнение об изуверных действиях хлыстов поддерживается главным образом на основании *исторических* данных, именно указание на изуверное причащение хлыстов находится в книге «Розыск» св. Дмитрия Ростовского. Этот святитель, рассказывая об одном изувере, неизвестно к какой секте принадлежащем, черпал свои сведения от других лиц, которые, в свою очередь, «неизвестно каким путем эти сведения собрали». О детоубийстве у хлыстов весьма неопределенно упоминается и в другом сочинении первой половины XVIII в.: «Обличение неправды раскольничей» Феофилакта, архиепископа тверского, и, наконец, это видно из

следственного дела о хлыстах 1745 г. «Исследование о богомерзкой квакерской ереси». В упомянутом «исследовании» значится, что следственной комиссией при обыске одного дома в с. Преображенском, близ Москвы, найдены были мешочки, принадлежавшие одному учителю-хлысту, с какими-то крошками. По исследовании доктором и аптекарем «через горячую воду и микроскоп» было признано, что эти крошки были частями человеческого тела. Далее спрошенная при подъеме на дыбу некая девка Лукерья открыла, что на сборищах хлыстов «чинилось плотское совокупление и рождаемых младенцев один учитель колол в грудь, разрезывал брюхо и вынимал сердце»; после этого тела зарывали в кельях и сенях в землю. Сей учитель Артамонов в «пытке предельной» сознался в убийстве детей, и, действительно, при обыске кости нашли в одной келье. Однако, по освидетельствовании их в медицинской конторе эксперты показали, что кости эти все «зверские, а не человеческие». Впоследствии же выяснилось, что Лукерья показала, «не стерпя подъема на дыбу».

Таковы почерпнутые из памятников старины «научные» исторические данные, на которых основывают некоторые исследователи и эксперты свои выводы об изуверстве, наблюдаемом в секте хлыстов. Эти исследователи «очень обстоятельно» рассказывают, как происходят радения и прочие изуверные действия. И оказывается, что на самом деле никто из них, как они сами признаются, не видел тех преступлений, которые они описывают, как несомненный факт. Один исследователь лишь *слышал* от какой-то богородицы, что хлысты съели у нее левую грудь и выпили кровь ее восьмилетнего ребенка; другой также в своем сообщении руководится «искренним признанием», сделанным каким-то хлыстом и т.д. Если эти исследователи сами заявляют, что юридически (т.е. фактически) изуверное преступление не было обнаружено ни разу, то естественно несравненно большей веры заслуживают показания тех исследователей, которые отмечают и другие черты в учении хлыстов. Даже цитируемый нами автор указывает, что основной заповедью хлыстов является требование – «хранить чистоту, яко зеницу ока», что основной

нравственный догмат этого учения чисто аскетического характера: «плотского греха не творить и женатым жить, как брату с сестрой». Повод к обвинению хлыстов в изуверных действиях нередко подают символические песнопения хлыстов. Так в одном стихе поется: «Дай нам пречистым телом твоим причаститься». Но дело в том, что этого нельзя понимать в буквальном смысле. Язык хлыстов преисполнен аллегориями и словами, заимствованными из текста священного писания, причем точный смысл всегда игнорируется: под пречистым телом здесь подразумевается духовное общение.

Приведенная справка достаточно ярко рисует необоснованность «научной» экспертизы, которая естественно в сектантских процессах имеет решающий голос. А между тем на этой почве в жизни разыгрываются иногда тяжелые драмы.

Возьмем для примера секту скопцов, отнесенную к числу «вреднейших», преследуемых законом сект. Как разъяснил Сенат, наказуя принадлежность к скопчеству, ст. 201 Ул. о нак., преследует собственно не самый факт оскотления, которое считается деянием ненаказуемым, а оскотление вследствие религиозного фанатизма, возбужденного скопческим учением (реш. уг. касс. деп. 1873 г., № 527, 1874 г. – 656, 1875 г. – 284). Наказание за скопчество может быть применяемо только к лицам, сознательно и намеренно сделавшимся скопцами (реш. с. 1877 г. № 81), только такие лица подвергаются уголовному преследованию по ст. 203 (реш. с. 1871 г. – № 1818, 1872 г. – 257). Так говорит закон, а жизнь говорит нечто другое.

Еще сравнительно недавно в Рязани разбирался один характерный скопческий процесс. 83 крестьянина Скопинского уезда обвинялись в принадлежности к этой секте; здесь были уже дряхлые старики и старухи, здесь были пожилые люди, цветущая молодежь, подростки и даже дети. Корреспондент, наблюдавший их на суде, говорит, что у большинства обвиняемых был обыкновенный вид, они производили чрезвычайное благоприятное впечатление своею скромностью и ласковым отношением друг к другу. Три часа совещались по этому делу присяжные. Кроме тех «научных» данных, которые представила им экспертиза, у них не было, конечно, никаких

аргументов. И вот, 65 человек были осуждены; среди них были и не скопцы. Осужденные были приговорены к лишению всех прав, состояния и к ссылке в Сибирь на поселение. Пока же им не будет определено место для поселения, они должны были вернуться в тюрьму, где, быть может, томились уже несколько месяцев. Среди обвиненных изуверов находилась женщина, у которой были дети 2 и 5 лет, которым некуда было приютиться без матери. Болезненные вопли, рыдания и слезы – так закончился суд правый, скорый и милостивый!..

Есть ли теперь, после объявления веротерпимости, какие-либо гарантии, что подобные явления уже более не повторятся? Раз вероисповедная реформа не коснулась существа дела, – не вправе ли мы ожидать, что наши эксперты-миссионеры и другие деятели православия постараются, пожалуй, найти признаки изуверства даже там, где другой бы увидел лишь идеальную нравственную чистоту? Не так далеко еще то время, когда в вину сектантам на суде ставилось «фарисейское воздержание от худых дел», когда сектанты заточались в монастырские тюрьмы за благотворительность и добрые дела, совершаемые яко бы с целью привлечь к себе последователей, когда на основании закона 1894 г. под видом штундизма преследовались самые различные фракции сектантства, и когда обвинители, не имея конкретных признаков преступного деяния, находили эти признаки сокрытыми «в глубине духа» сектантов. И за такие преступления люди осуждались.

Во избежание недоразумений в будущем, быть может, не лишним будет напомнить еще раз, что, согласно неоднократным разъяснениям Сената, суд, определяя преступные свойства той или иной секты для применения 203 ст. Улож., должен в *точности* установить те *практические* проявления религиозных верований, в коих усматриваются изуверные и противонравственные действия, т.е. должен указать, в чем именно состоят эти действия, что, преследуя изуверные секты, закон (особенно уже после провозглашения веротерпимости) имеет лишь целью охранить интересы частных лиц и требование общественной нравственности; имеет в виду отдельные, единичные и конкретные факты изуверства и не допускает

каких-либо обобщении, построенных на основании научных данных, особенно данных такого рода, о которых мы говорили выше.

Остается, однако, совершенно непонятным, зачем надо было так усиленно подчеркивать в правительственных актах положение, что религиозная свобода не коснулась изуверных сект, самая принадлежность к которым карается законом. Неужели недостаточно было общего признания Комитета Министров, что религиозная свобода не может быть стеснена лишь до тех пор, «пока вредное заблуждение не проявится в деятельности отдельных лиц», и что «в последнем случае наиболее целесообразным оказывается преследовать в уголовном порядке именно отдельных лиц за те проступки, в которых противозаконная их деятельность проявится?»

2 августа 1905 г.

V. Гонения на скопцов

(Из истории сектантства в России).

В № 264 *Русских Ведомостей* (1903 г.) была напечатана статья г. W. «Русские скопцы в Румынии». Речь в ней шла о наших соотечественниках-скопцах, эмигрировавших в Румынию от преследований, которые грозили им на родине. Румынские законы не преследуют скопцов «за веру», и скопчество, по словам автора статьи, здесь «решительно не находило последователей». Эта противоестественная секта, лишенная «фантазирующего и, пожалуй, импонирующего ореола преследования», привлекала «лишь снисходительно-насмешливое внимание румын» и «рекрутировалась только новыми выходцами из России». Секта мало-помалу вымирает под влиянием терпимости, и случаи насильственного оскпления, приводимые в статье, автор весьма справедливо рассматривает, как последние отчаянные вспышки «дикого фанатизма старых изуверов, чувствующих, что почва ускользает у них из-под ног, и сектантская ревность испаряется при столкновении с обычными условиями». В подтверждение этого взгляда мы хотим рассказать один из многочисленных эпизодов из истории скопчества в России, наглядно показывающий, к каким результатам привели гонения, воздвигнутые в 50 годах прошлого столетия на скопцов.

Скопчество при своем возникновении, быть может, более, чем какая-либо другая секта, носило исключительно религиозный характер, – это был монашеский орден среди сектантов, скопцы – «люди Божии». Как бы темным и изуверным не казалось нам учение этих фанатиков-ригористов, нельзя отрицать, что в основе оно преследовало нравственные цели, – это был протест против деморализации нравов и в частности против распущенности хлыстовских общин, из среды которых и выделились в 60 годах XVIII столетия скопчество.

Чтобы понять идеологию скопцов, как представителей известной религиозной секты, мы должны проследить, хотя бы

очень кратко, историю возникновения и развития скопческих теорий.

Корни скопчества, как было указано, лежат в вероучении хлыстов. Ошибочно искать объяснения всем этим сектам в каких-либо посторонних влияниях: исходною точкой их была, окружающая действительность, и все они являются более или менее оригинальным продуктом религиозно-народного творчества. Хлыстовщина возникла в среде раскольников-старообрядцев²⁴. Те из старообрядцев, которые покинули почву церковной традиции, т.е. беспоповцы, должны были в силу необходимости своим умом создать себе новые формы веры. И эта самостоятельная работа мысли, естественно, привела к постепенной спиритуализации религии в сфере самого старообрядчества. Одним из наиболее ярких проявлений этого народного умственного течения явилась в самом конце XVII столетия секта хлыстов, принявшая впоследствии сильно мистическую окраску. Сменившая обрядовый формализм идея, что «церковь Божия» есть «вера», у хлыстов вылилась в проповедь вселения Бога в человеческую душу; отсюда явилось стремление к мистическому соединению с божеством, возможному только при известном патологическом состоянии, которое достигалось путем кружения и верчения до потери сознания на радениях. Начав с проповеди воздержания и аскетизма, хлысты, однако, создали другую, совершенно противоположную идеологию. Самый легкий способ убить плоть – немедленное удовлетворение ее желаний; делая отсюда логический вывод, хлысты стали превращать (далеко, впрочем, не всегда) свои моленные собрания в сходбища с эротическими целями. Протестом против такого извращения первоначальной идеологии хлыстовщины и явилось скопчество.

Препятствие к спасению души заключается в женщине: «женская лепость весь свет поедает и к Богу идти не пускает». Единственное средство к спасению – лишать людей самой способности грешить. Толкуя произвольно слова евангелиста Матфея: «Аще око твое соблазняет тя, изми е», скоппы стали подвергать себя мучительной операции, физически уродуя себя. «Не для корысти и почести я это делаю, а для души», – говорит

скопцы суду присяжных. Аскетическое направление народной мысли, сказавшееся в образовании скопческой секты, могло принять эпидемический характер, но не могло, конечно, удовлетворить *подобно прежней проповеди самосожжения массы*. Очень рано секта скопцов стала изменять свой первоначальный характер: проповедь умерщвления плоти приобретала характер проповеди духовного скопчества: «Обрезывайте сердце от злых дел и помышлений». Если наряду с проповедью этого духовного аскетизма продолжало развиваться скопчество с изуверским насилием, приобретшее интенсивный рост в царствование императора Николая I, то это объясняется исключительно теми гонениями, которые претерпевала секта.

Уже с первых лет своего появления скопчество было отнесено к разряду сект, признанных особо вредными в государственном отношении. Правительство стремилось оградить население от «безумцев» не путем духовного увещевания и других нравственных мер, а «градским казнением». В первые годы царствования Александра I, в «золотой век русского сектантства», когда правительство смотрело на раскол, как на «церковное заблуждение» и не придавало ему «политического значения», и на скопцов смотрели «сквозь пальцы». «И разумом и опытом давно уже дознано, – говорил Александр I, – что умственные заблуждения простого народа прениями и народными увещеваниями в мыслях его углублялись, единым забвением, добрым примером и терпимостью мало-помалу изглаждаются и исчезают». В последние годы своей жизни Александр I сам несколько склонный к мистицизму, под влиянием Аракчеева стал поступать с сектантами более строго: прежде скопцов отдавали под надзор полиции и духовного начальства (ссылали только зачинщиков и оскопителей); под конец царствования, согласно положению Комитета Министров, постановлено было всех скопцов, годных к военной службе, брать в отдельные корпуса Грузии и Сибири, а неспособных и женщин ссылать в Иркутскую губернию на поселение и на суконные фабрики. По инициативе того же Аракчеева для борьбы с некоторыми сектами были

приняты тогда же и другие меры. Так 13 пункт «обязанностей гражданского начальства» в Высочайше утвержденном 3 февраля 1825 г. Положении Комитета Министров гласил: «как ничто не может иметь большого влияния над простым народом, как презрение или посмеяние над заблуждениями, в кои совращать его ищут... то в сношениях местных начальств именовать субботников жидовскою сектою и оглашать; что они подлинно суть жида».

Программа Аракчеева всецело была принята в 40 годах по отношению к скопцам; так, по указу 2 ноября 1849 года, оскопившихся повелевалось водить в женской одежде и дурацкой шапке по селению на посмешище. Эта нравственная мера, как предполагалось, должна была возбуждать в народе презрение и омерзение к скопчеству; это лучшее средство, по словам указа, отвратить навсегда от поступления в скопческую секту. Одна из таких «шутовских процессий» описана в донесении орловского губернатора от 14 января 1850 г. При исполнении этого обряда в одной из деревень крестьянки, по словам губернаторского донесения, пели свадебные песни, а дети с криком и свистом забегали вперед скопцов, бросая в них грязью и всячески издеваясь над ними. На сектантов, как видно из того же донесения, наказание не возымело благотворного действия: скопцы остались равнодушными и не раскаялись, заявляя, что «терпят ради спасения души». Несколько иное впечатление вынес о такой процессии в Нижегородской губернии известный исследователь раскола Мельников-Печерский, чиновник министерства внутренних дел²⁵.

«В 1851 г. было предписано нижегородскому губернатору одного подсудимого скопца в Лукояновском уезде одеть в бабий сарафан и показать народу на базаре. Местное начальство облекло это исполнение в такие формы, которые с самого начала не предвещали нечего доброго. Для того, чтобы одеть скопца в сарафан, командировали слишком за двести верст старшего полицмейстера Нижнего-Новгорода Зенгбуша. Взяв скопца из лукояновского тюремного замка, он с особенною торжественностью провез его 47 верст до зашт. гор. Починок, как будто в Лукоянове не было базара. Всеобщая народная

молва гласила, что полицмейстер едет казнить скопца. Зенгбуш, нарядив скопца в сарафан, хотел показать свое усердие к службе тем, что, с Высочайшего соизволения, как он выразился, кажется, даже в рапорте своем, «пригласил народ плевать скопцу в глаза», но на многолюдном базаре не было смеха. Смущенная толпа вследствие распространившейся молвы о казни ожидала появления палача и виселицы. Кончилось дело тем, что все, и раскольники и не раскольники, смотрели на скопца, как на мученика, старухи плакали, а когда скопца повезли обратно в уездный город, то народное к нему участие выразилось в необыкновенно щедром подаянии ему калачами и деньгами. Скопчество и хлыстовщина от такой меры не только не уменьшились в Лукояновском уезде, но даже увеличились».

Рассказанное здесь, конечно, давно уже отошло в область истории, давно уже признана бесполезность такого рода нравственных воздействий, как «всенародное посмеяние». Наряду с обрядами «посмеяния» в течение тех же пятидесятих годов правительство подвергает последователей скопической секты суровым наказаниям (указ 10 июня 1850 г.): ссылке в каторжные работы в отдаленные места Сибири, наказанию плетью, наложением клейма и т. д.

И в наше время законодательство в борьбе со скопчеством руководится теми же принципами, смягчились только прежние суровые наказания: скопцы за одну лишь принадлежность к секте ссылаются на вечное поселение в Якутскую губернию.

Трудно сказать, распространяется ли скопчество в настоящее время или нет, но, во всяком случае, с уверенностью можно утверждать, что поддерживают эту противоестественную сектантскую идеологию исключительно лишь ненормальные условия русской жизни и отсутствие просвещения в народной массе. Современное законодательство не может, конечно, игнорировать случаи насильственного оскотления фанатиками-ригористами, оно должно ограждать население от возможного вредного деморализующего влияния скопических теорий, но для ослабления скопчества необходимо, чтобы меры борьбы против него не принимали характер религиозных гонений и посягательств на свободу совести, личности, что можно

встретить при столкновении закона с жизнью. Законодательство, став на общественную точку зрения, должно игнорировать скопчество, как религиозную секту. Гонение за «веру» только способствует распространению преследуемого учения.

Ниж Лист 1903 г.

VI. Старообрядческие и сектантские общины

(Закон 17 октября 1906 г.).

Первому русскому парламенту не суждено было закончить своих работ; не пришлось ему разработать и законопроекта о свободе совести. За эту разработку после роспуска Думы немедленно принялось само правительство. Спешность в проведении нового законопроекта мотивировалась необходимостью скорейшего осуществления начал веротерпимости, провозглашенных в правительственных актах 17 апреля и 17 октября 1905 года. Факт, заслуживающий внимания. По признанию самого правительства больше года различные «недоразумения и затруднения» на практике, препятствовавшим старообрядцам и сектантам воспользоваться новым правом. Это – наилучшая характеристика плодотворности бюрократической работы.

Два года, начиная с 12 декабря 1904 г., безостановочно работали самые разнообразные правительственные комиссии для выработки мер к немедленному «устранению стеснений в области религии» и для укрепления «начертанных в Основных Законах империи Российской начал веротерпимости», и до сих пор работа их, как теперь оказывается, в сущности, еще не дала почти никаких реальных результатов. Как ни желательно само по себе возможно скорее проведение в жизнь хотя бы элементарных начал свободы вероисповедания в России, вряд ли можно было бы признать желательным отступление от общего порядка и издание закона о свободе вероисповедания помимо обсуждения его в ближайшей сессии Государственной Думы. У нас слишком мало доверия к бюрократическому творчеству. При такой крайней «необходимости» правительство, конечно, могло бы ограничиться изданием лишь временных правил. Фильтрация законопроекта о свободе вероисповедания в законодательном учреждении народных представителей была бы только в интересах многочисленных у нас вероисповедных групп. Новый закон явился бы тогда не в виде частичной уступки, а был бы действительным логическим развитием

прочно установленного в России принципа свободы совести. Как бы то ни было, законопроект о свободе вероисповеданий, разработанный в департаменте общих дел министерства внутренних дел, по рассмотрении его в Совете Министров, согласно Именному Высочайшему Указу 17 октября, сделался теперь законодательной нормой, изданной в порядке верховного управления; с этим законом приходится уже считаться как с фактом.

Опубликованный 17 октября закон о старообрядках и сектантах касается лишь права организации религиозных обществ. Продукт преимущественно канцелярской работы, он чрезвычайно детально регламентирует устройство старообрядческих и сектантских общин, порядок их образования и действия; с пунктуальной и мелочной тщательностью он говорит об обязанностях лиц, входящих в состав организуемых общин, и о правах администрации, в зависимость от которой ставятся религиозные общества. Система административной опеки в новом законе сохранена во всей силе.

Комментируя указ о религиозных обществах, правительственный официоз заявлял, что по новому закону особенности религиозного быта признаются делом совести, государство озабочено лишь тем, чтобы особенности эти были согласованы с общим гражданским укладом страны. Но, конечно, при ненормальной постановке этого «общего гражданского уклада» и все попытки согласования с ним отдельных правительственных мероприятий неминуемо должны принимать те же формы. Это в действительности и отразилось на законе о старообрядческих и сектантских общинах.

Когда в правительственных совещаниях о веротерпимости был выработан проект правил о старообрядческих и сектантских общинах, в которых «точнее и определеннее говорилось о закрытии общин, чем об их открытии», советом всероссийских съездов старообрядцев был представлен в Министерство Внутренних дел выработанный на съезде в августе 1905 г. проект нормального устава старообрядческих общин. Перед окончательным утверждением опубликованного ныне закона представители старообрядчества были вызваны в Петербург на

совещание, состоявшееся 29 сентября под председательством товарища министра внутренних дел Крыжановского и при участии директора департамента общих дел А.Д. Арбузова. Вызванные делегаты весьма обстоятельно доказывали на совещании, что предоставляемые законом администрации права утверждать выбранных общиной представителей, право не разрешать открытие храмов, закрывать общины и т.д. дает место для произвола административных и полицейских властей. Под влиянием этих указаний в законопроект были внесены частичные изменения: например, уничтожено требование о троекратном печатании в местных или губернских областных ведомостях о созыве общего собрания общины, исключен пункт, ставящий условием для разрешения сооружения молитвенных домов «наличность необходимых для исполнения постройки денежных средств»; вместо категорического запрещения настоятелям и наставникам новых религиозных общин употреблять православные иерархические наименования, внесено примечание, что «среди старообрядцев поповнических согласий духовные лица могут пользоваться соответствующим старообрядческим наименованием»(?). Найти смысл последней поправки трудно: первое категорическое запрещение и второе разрешение однозначны. Еще большее возбуждает недоумение поправка в самом существенном пункте о правах администрации. Проект гласил, что губернатор отказывает в разрешении образовать общину, «если признает, что заявленное ходатайство возбуждено лицами, на которых действия настоящего положения не распространяются». Текст закона гласит: губернатор «или разрешает образование общин или отказывает в этом». Мотив, который мог бы вызвать отказ, таким образом, исключен; глухое заявление закона о праве отказа лишь расширяет область «административного усмотрения»; своею неопределенностью он допускает еще больший произвол. К этой статье прибавлен лишь пункт, что учредители общины могут приносить жалобы в установленном порядке первому департаменту Правительствующего Сената.

И так, устанавливаемая в законопроекте мелочная административная опека религиозных обществ осталась

неизменной. Помимо непосредственного давления, которое может оказывать администрация, раз ей предоставлено право давать или не давать согласие на утверждение лиц, выбранных общиной в свои руководители, право не разрешать общины и закрывать ее, если в деятельности общины обнаружатся «действия, противные закону и ограждающим нравственность установлениям». (Вспомним, что в сущности до сих пор у нас не отменено еще пресловутое выделение из общей нормы сект «особо вредных», которое давало оправдание самим произвольным действиям администрации) – самостоятельность религиозных общин должна превратиться в полнейшую фикцию при той, действительно, «паутине» формальных условий, которыми обставляется их деятельность. Община получает право на существование лишь при подписи заявления об ее открытии пятьюдесятью учредителями; имущество свыше 5.000 руб. община может приобретать лишь с Высочайшего соизволения, строить храмы и молитвенные дома с разрешения губернаторов и т.п. Другими словами, огромные старообрядческие общины, каковы, например, Рогожская, Преображенская, не получают еще права функционирования. Особенное внимание приходится обратить на ст. 28 новых правил, по которой, лица подсудимые и исключенные из сословных обществ лишаются права на религиозное представительство. Принимая во внимание, что эта подсудность и исключение из сословных обществ вызывается при настоящих условиях нередко по мотивам политического характера, легко судить к каким результатам может привести применение на практике такой статьи. Соединение политики и религии является прямым нарушением идеи свободы совести! Наконец, религиозные общины указом 17 октября превращаются отчасти в своего рода полицейские агентства, на которые налагаются сложные обязанности по доставлении администрации необходимых правительству сведений, например, составление призывных списков. При мелочной и подробной регламентации статей, регулирующих жизнь религиозных общин, странным является полное игнорирование самых насущных вопросов, разрешение которых особенно настоятельно требуется при

неясности и полной путанице наших теперешних законов, определяющих вероисповедные права представителей религиозного разномыслия в России. Как разрешается вопрос о публичном оказательстве вероучения, несогласного с учением господствующей церкви? Вероучения, последователи которого, допустим, создали общину, зарегистрированную по исполнению всех формальностей местной администрацией? Новый закон говорит лишь, что «духовным лицам, настоятелям и наставникам дозволяется употребление церковного облачения, а также монашеского и духовного одеяния». По букве закона широко толкуемое «публичное оказательство», категорически запрещаемое старым уложением, остается под запретом и ныне. В 1856 г. алтари старообрядческих храмов на Рогожском кладбище были закрыты под видом допущенного там «публичного оказательства», направленного на совращение православных. Пока этот вопрос точно не будет разрешен в законодательном порядке, религиозные общины не могут функционировать нормально. Совершенно аналогичное приходится сказать и по вопросу о совращении. Изданный 14 марта 1906 г. закон, сделав весьма существенную урезку в указе 17 апреля 1905 г, объявил всякое совращение наказуемым в уголовном порядке. Он пошел в этом отношении даже дальше прежде действовавших законоположений; так, по разъяснениям Правительствующего Сената, совращение путем убеждений, совращение, не соединенное с насилием, не подлежало наказанию, что и вошло в виде законодательной нормы в новое Уголовное Уложение. По закону 14 марта совращение через публичное произнесение речи или распространение сочинения наказуется годом заключения в крепость. По утвержденному уже уставу, например, харьковского общества евангельских христиан, обществу разрешается устройство публичных чтений, издание соответствующих брошюр и т. д. Возникает вопрос, в какой мере религиозные общества в данном случае будут подлежать ответственности по закону 14 марта?

Новые законы на этот возможный в жизни вопрос не отвечают.

Наряду с этим возникает и другой чрезвычайно важный в житейских отношениях вопрос: какое положение займут отныне те русские диссиденты, которые не вступят в религиозные общины или не в состоянии будут ее организовать за отсутствием требуемого законом числа учредителей? Чем будут определяться их вероисповедные права? Умолчание по этому поводу со стороны закона грозит возрождением прежних религиозных гонений администрация, конечно, при желании может признать незаконными любые собрания верующих, не вошедших в состав религиозной общины.

Итак, если мы начнем оценивать закон 17 октября с точки зрения нормальных требований, он окажется малоудовлетворительным: если мы сравним его с предшествовавшей практикой, он, конечно, окажется большим шагом вперед с практикой не переживаемого нами теперь переходного времени, когда жизнь, в сущности, регулируется не законами, а исключительно лишь предписаниями свыше, характер которых всецело вытекает из настроения в данный момент правящих сфер, в свою очередь, зависящего от импульса общественной жизни, а с той практикой, которая была до провозглашения веротерпимости – первого реального завоевания современного освободительного движения. Огромным приобретением само по себе является уже признание законом существование старообрядческих и сектантских обществ. Закон 3 мая 1883 г. (ст. 45–64 уст. пред.), даровавший некоторые вероисповедные льготы сектантам, категорически запрещал заводить скиты и обители (ст. 47); в многочисленных богадельнях, игравших роль таких обителей, были поставлены особые смотрители из чиновников Министерства Внутренних дел; к внешним оказательствам вероучения (ст. 59) было отнесено священнослужительское одеяние, администрация же к таким атрибутам внешнего оказательства относил даже ношение длинных волос и шляп, походящих на шляпы православного духовенства. На сооружение молитвенного дома требовалось каждый раз особое разрешение министра внутренних дел, а как трудно было на деле получить это разрешение указывает хотя бы тот факт, что в нижегородской

епархии в 90 годах на 172 моленных – разрешенных правительством приходилось лишь 12; даже на исправление здания приходилось всякий раз испрашивать особое разрешение, которое большею частью не давалось, о чем свидетельствуют бесчисленные судебные процессы, доходившие до Сената, или давались при условии, не изменять наружного вида (ст. 4–8.). Новый закон, предоставляя общинам ведение метрических книг, устраняет тяжелую зависимость наших диссидентов от духовных консисторий, полицейских управлений и т. д. Впрочем, говорить о благодетельном влиянии нового закона, пожалуй, еще преждевременно. Практика покажет, в какие формы выльется его применение. Раз не устранен из жизни самый принцип административной опеки, в будущем легко может повториться судьба закона 3 мая 1883 г.

Мы уверены, что первое время, по крайней мере, по отношению к старообрядцам административных стеснений не будет. Это не в выгодах правительственной партии накануне избирательной компании. Издание нового закона о старообрядцах и сектантах в день годовщины Манифеста 17 октября как бы подчеркивает политическое значение этого акта.

Post scriptum

(Синод и либеральные реформы).

Наш сборник заканчивался печатанием, когда Святейшим Правительствующим Синодом было издано постановление, предлагающее духовным пастырям в день годовщины манифеста 17 октября с церковного амвона осудить братоубийственную войну и произнести слово о гражданской свободе.

Синод молчал, когда происходили кровавые ужасы в Белостоке и Седлеце, он молчал, когда почаевские иноки издавали листки, направленные против освободительного движения и разжигающие национальную ненависть; он санкционировал активное выступление духовных пастырей в рядах контрреволюции и молча внимал тем человеконенавистническим проповедям, которые лились с церковных амвонов из уст «хриstopродавцев», надевших полицейский мундир; он санкционировал появление странствующих по деревням кафедр, с которых проповедники в епископском сане, охраняемые отрядами стражников и драгун, призывали население к избиению интеллигенции; он поставил, по выражению Герцена, «кордегардию рядом с алтарем, Евангелие, отпускающее грехи, – рядом с военным артикулом, расстреливающим за поступки». Но синод не только молчал. Когда в рядах наиболее достойных представителей духовенства поднимался негодующий голос, его заставляли умолкнуть. Кара обрушилась на харьковских священнослужителей, высказавшихся против смертной казни; то же постигло и представителей ялтинского духовенства, осмелившихся заявить, что они «считают русское освободительное движение согласным с божескими и человеческими законами». Еще недавно Синод лишил священнического сана бывших членов Государственной Думы Огнева и Афанасьева за то только, что они открыто и смело с трибуны возвысили голос в защиту свободы, за то, что они бескорыстно и честно осудили кровавые насилия и, выполняя свой долг служителей алтаря, стремились

к осуществлению в жизни истинно-христианских начал; еще недавно Синод подвергал монастырским заключениям священнослужителей, пытавшихся объяснить народу значение манифеста 17 октября; еще недавно чрез местных владык и епархиальное начальство и даже чрез администрацию и департамент полиции Синод производил сыск о «вольнодумных» священниках, о возможных кандидатах в Государственную Думу, требуя их характеристики и указания на степень влияния этих кандидатов на паству.

И теперь вдруг Синод заговорил о «либеральных реформах». Наивные «монархисты», заседавшие в Киеве, возмутились либерализмом Синода и с благословения киевского митрополита и местных епископов осудили послание Синода.

Как ошиблись, однако, они, думая, что Правительствующий Синод неожиданно изменил принципам своей вековой политики, что Синод, пятьдесят лет тому назад запрещавший в своих указах пастырям говорить «с кафедры» и «частным путем» крестьянину, «что он такой же человек, как и помещик, его брат во Христе, созданный по тому же образу Божию», запрещавший заступничество за мужика даже в случае крайней бесчеловечности помещиков, считавший крепостничество «христианским идеалом», – выступил теперь в роли защитника «гражданской свободы». «Истиннорусские люди» не поняли тактического шага Правительствующего Синода. Это бюрократическое учреждение столь же далеко от либерализма, как деятели православия от истинного христианства. Его воззрения – воззрения «союза русского народа». Это торжественно заявил Синод через несколько дней после «либерального» постановления в лице своего товарища обер-прокурора Роговича, признавшего, что «союз русского народа есть весь русский православный народ». Духовенство должно оказывать ему всяческое содействие. И вот Синод, приветствующий великий день издания Высочайшего манифеста 17 октября о свободе русского народа, одновременно подписывается в своей солидарности с деятельностью «союза

русского народа», выставяющего требование об уничтожении этого правительствующего акта!

Странное, но понятное для всех противоречие! Мы не имеем вовсе желания разбираться в мотивах и в тех «особых соображениях», которыми руководствовался Правительствующий Синод, делая свое первое постановление. Внутренний смысл его слишком ясен. Синод остался на «старом берегу». На истощенной почве, где нет талантов, нет творчества, нет силы мысли, – не могут возрасти начала, необходимые для обновления старого мира. Русская история нашла уже другое русло! И мы вместе с Герценом будем проповедовать «смерть как добрую весть приближающегося искупления!» Христос уже восторжествовал над языческим, гордым и мощным прежде Римом! Старый порядок умер!

Примечания

¹ - Для духовенства официальная поддержка со стороны светской власти исключительно греко-восточного исповедания, обеспечивала богатые материальные блага; услуги церкви в первое время дорого оплачивались правительством – духовенство, получив огромные имущества и собственный отдельный суд, заняло привилегированное положение.

² - Уже Духовный Регламент требует от членов Синода, как от правительственных чиновников, присяга: «по крайнему разумению и возможности предостерегать и оборонять все права и преимущества, принадлежащие к высокому Его Царского Величества Самодержавства сил и власти, не щадя, если потребуется, и своей жизни».

³ - По выражению Духовного Регламента, патриарх захотел сделаться «вторым государем, Самодержавцу равносильным или больше его», не только в духовных, но и мирских делах.

⁴ - Справедливость, однако, требует сделать оговорку. Современное освободительное движение не осталось без влияния и на представителей господствующей церкви; стремление к «свободе» захватило и эти, в общем закоснелые, слои. Мы видим уже пастырей, выступающих с активным протестом, и каждый день почти читаем об увеличении числа этих «неблагодетельных» элементов.

⁵ - Политическое соглядатайство и донос были введены еще в Духовный Регламент его составителем, – действительно, злым гением русской церкви, ее первым Торквемадой, Феофаном Прокоповичем: «Еже ли кто на исповеди, – гласит Регламент, – духовному отцу своему некое зло и нераскаянное умышление на честь и здоровье государево, наипаче же на бунт и измену объявить, то должен донести вскоре о том, где надлежит, в Преображенский Приказ или Тайную Канцелярию. Ибо сим объявлением не порокуется исповедь (иезуитски пытается дать оправдание такому нарушению таинства исповеди наивный составитель регламента), и духовник не преступает правил евангельских, но еще исполняет учение

Христа «Обличи брата, аще же не послушает, повеждь Церкви». Когда уже так о братнем согрешении Господь повелевает, то кольми паче о злодейственном на государя умышлении».

⁶ - До сих пор существует циркуляр Синода, повелевающий полковым священникам доносить о том, что им будет открыто на духу.

⁷ - Эти данные откосятся ко второй половине 90-х годов.

⁸ - Он был подкуплен, что обнаружилось, и было причиной его самоубийства.

⁹ - Бобрищев-Пушкин: «Суд и раскольники-сектанты», стр 137.

¹⁰ - Ряд справок, сделанных бывшим товарищем обер-прокурора Правительствующего Сената, А.М. Бобрищевым-Пушкиным, показывает, что все дела относительно раскольников департаменты Сената решают однообразно в смысле непризнания никакой разницы между коренными раскольниками, т.е. раскольниками от рождения, и некоренными, т.е. отпавшими от православия (решение по делу Блинова 24 января 1895 г., от того же числа по делу Лазарева и Худякова).

¹¹ - Изложения вероучений' евангельской секты, рассеянные в делах штундистов, использованы отчасти А.М. Бобрищевым-Пушкиным. Так сказать, катехизис этой секты изложен в изданной в Одессе брошюре, разрешенной цензурой «Краткое вероучение христиан евангельского исповедания». При составлении настоящей статьи мы пользовались их собственной печатной брошюрой, где и находится «Исповедание веры», состоящее из 15-ти членов.

¹² - Миссионерское Обозрение, № 9-й (июня) 1903 г., стр. 1357–58.

¹³ - «Деяния 3-го всерос. мисс. съезда», стр. 348.

¹⁴ - Брош. В.М Скворцова. «О штундизме», стр. 9.

¹⁵ - Материалы к истории и изучению сектантов Вып. I. «Письма духовоборческого руководителя Петра Васильевича Веригина». Под редакцией В. Бонч-Бруевича. Издание «Свободного Слова» (Черткова), .Лондон.

¹⁶ - В жизни, как свидетельствуют многочисленные факты, штундисты подвергаются весьма часто таким же средневековым истязаниям, как в свое время подвергались духоборы. О таком вопиющем случае, когда в факте истязания были замешаны вице-губернатор, и земский начальник, и попы, и урядник, и миссионеры православной «смиреной» «матери-церкви», и волостной старшина, и десятские, – вообще вся местная администрация, рассказывает, например, на основании подлинных актов В. Бонч-Бруевич в своем очерке «Среди сектантов» («Жизнь», № 5. Август 1902 г. Лондон). Сектантов заставляли обрывать колючий репейник голыми руками. Секли розгами, жгли тело папиросами, зажимали руки в тиски и жгли раскаленным железом, жгли спину, зажав бороду в тиски, вдоль позвоночного столба, защемляли сосцы женских грудей и давили их до крови и т. д. и т. д. Что же это? Ведь это самая мрачная пора средневековых истязаний и пыток! Остается лишь удивляться непоколебимому мужеству и беспримерной стойкости народных героев, готовых переносить подобные страдания за идею.

¹⁷ - О числе этих судебных процессов можно судить по следующему примеру, в д. Основе, Херсонской губернии, за время 1897–1899 гг. было арестовано «штундистов» (баптистов) 122 человека. Они приговорены были в общей сложности к 5995 руб. штрафа или к отсидке в арестном доме в течение 4839 дней. И это почти заурядное явление.

¹⁸ - Помещаемые иллюстрации представляют большую редкость. Сняты во время суда в г. Сумах, они немедленно были конфискованы местной администрацией.

¹⁹ - В настоящее время нами готовится к печати специальный этюд о деле павловцев, в котором мы постараемся «позорную» роль органов правосудия, инспирированных высшими представителями министерства юстиции, внутренних дел и ведомства православного исповедания.

²⁰ - Пользуюсь случаем опубликовать имеющиеся в моем распоряжении чрезвычайно любопытный документ, характеризующий условия изучения сектантства в 80 годах. Это

«совершенно секретный» циркуляр саратовского губернатора Н. Зубака уездным исправникам от 23 сентября 1882 года за № 1129. Привожу in extenso: «Циркуляром моим от 6 июля было обращено внимание гг. исправников на вредный характер учения, распространяемого отставным полковником Пашковым. В последнее время сделалось известным, что в связи с этим учением представляется не менее вредною деятельностью графа Льва Толстого и члена Географического Общества Александра Пругавина. Из них последний своими поездками к сектантам и похвальными статьями об них в литературе не только внушает незнающим дела ложные понятия о расколе, но и возбуждает в самих сектантах понятие о сочувствии их учению со стороны высших и образованных классов общества и самого правительства (?). В виду сего и согласно предложениям г. Министра Внутренних Дел от 11 сентября предписываю гг. Исправникам сделать распоряжения о наблюдении за деятельностью и сношениями с сектантами упомянутых лиц, с тем, чтобы о всяком проявлении их в этом отношении мне донести».

²¹ - С.В Познышев. «Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы». К реформе нашего законодательства о религиозных преступлениях. М. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

²² - Такую ошибку, например, сделал недавно М.М. Ковалевский, который в своей статье «Религиозная Свобода», напечатанной в Стране, á propos категорически утверждает, что скопцы и хлысты предписывают оскотление и повальный грех всем последователям своего вероучения. Эти утверждения на самом деле мало соответствуют действительности.

²³ - Стт. 197, 201, 202 Улож. о нак., стт. 90, 91 Уст. о пред. и пресеч. прест.

²⁴ - Мы оставляем в стороне проявление хлыстовской идеологии в более ранний период – например, известная в России секта стригильников; а также отдельные более поздние проявления хлыстовских и скопческих учений, возникавших и распространявшихся исключительно на почве психопатии населения под влиянием убийственных экономических и

политических условий русского общежития. Мы берем лишь ту среду, в которой хлыстовская идеология получила теоретическое обоснование; ту среду, в которой хлыстовское учение явилось, так сказать, логическим развитием господствовавшего в ней миросозерцания.

²⁵ - В сочинении И.С. Усова «Этнограф-беллетрист» Историч. Вестн. 1884 г., кн 10 стр. 78.